

ОНС

ISSN 0869-0499

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

2

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY
WORLD

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

2024

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

О Н С

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

2

2024

Москва

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

**The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year**

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by “Electronic Scientific Library” (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

2

2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громько Ал. А. член-корр. РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е. В. к. филос. н., в. н. с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С. д. и. н., декан исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)

Валентей С. Д. д. э. н., профессор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)

Дынкин А. А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН (Москва, Россия)

Кокошин А. А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Полтерович В. М. академик РАН, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Торкунов А. В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И. О. член-корр. РАН, д. э. н., директор Института Африки РАН (Москва, Россия)

Байсингер Марк Р.

(Beissinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)

Буторина О. В. член-корр. РАН, д. э. н., зам. директора Института Европы РАН (Москва, Россия)

Войтоловский Ф. Г. член-корр. РАН, д. полит. н., директор ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Габов А. В. член-корр. РАН, д. ю. н., г. н. с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН (Москва, Россия)

Гарбузов В. Н. член-корр. РАН, д. и. н., г. н. с. Института США и Канады РАН (Москва, Россия)

Глинчикова А. Г. д. полит. н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)

Дискин И. Е. д. э. н., с. н. с. Высшей школы экономики, заместитель председателя Научного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)

Кондаков И. В. д. филос. н., в. н. с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)

Либман А. М.

(Libman) профессор Свободного университета Берлина (Берлин, Германия)

Наумкин В. В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Нестик Т. А. д. психол. н., г. н. с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Паин Э. А. д. полит. н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)

Петренко В. Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Порфирьев Б. Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Фомин-Нилов Д. В. к. и. н., и. о. ректора Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина (Бишкек, Киргизия)

Хабриева Т. Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Чубарьян А. О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Яковлев А. А. к. э. н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2024

© Составление. Редколлегия журнала «Общественные науки и современность», 2024

Издатель: Российская академия наук, 119991, Москва, Ленинский просп., 14

Исполнитель по контракту: ФГБУ «Издательство “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.

Адрес редакции: Российская академия наук, 119991, Москва, Ленинский просп., 14

Тел. +7 (495) 692-21-02.

E-mail: ons@pran.ru

Адрес в Интернете: <https://ons-journal.ru>

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Professor of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

Sergey Valentey Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)

Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)

Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)

Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

Feodor Voitlovsky Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)

Valery Garbuzov Corresponding Member of the RAS, Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)

Isosif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)

Aleksandr Libman Professor of FU Berlin (Berlin, Germany)

Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)

Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Acting Rector of the Kyrgyz Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyzstan)

Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)

Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2024

© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2024

Publisher: Russian Academy of Sciences

119991, 14 Leninsky prospect, Moscow, Russia

Executor under contract: Publishing House "Nauka", 121099, build.1, 6, Shubinskiy per., Moscow, Russia

Address: Russian Academy of Sciences, 119991, 14 Leninsky prospect, Moscow, Russia

Tel. +7 (495) 692-21-02.

E-mail: ons@pran.ru

Website: <https://ons-journal.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Кокошин А.А., Кокошина З.А.** Современные геополитические трансформации: интересы России и российское общество 7
- Губин А.В.** Предпосылки современного китайско-американского противоборства 26

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Клупт М.А.** Гомеостазис и метастабильность как естественно-научные эвристики современного обществознания 40
- Борейко А.В.** Тектология А. Богданова и мир-системный анализ в ТМО 52

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

- Варнавский В.Г.** Цифровизация как источник экономического роста 63
- Блануца В.И.** Социально-географические последствия развертывания распределенного искусственного интеллекта: направления будущих исследований 79

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

- Панова Л.В., Панова А.Ю.** Охват услугами здравоохранения населения России и стран ЕС: сравнительный анализ 91

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА

- Слесарев А.Г.** К вопросу о мифореальности современного немецкоязычного медиатекста 104

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

- Матюхова Е.И.** Интеграция мигрантов в Германии: роль негосударственных акторов 119
- Назарук Т.В.** Специфика партийно-политической системы Уэльса на современном этапе 134

РЕЦЕНЗИЯ

- Охошин О.В.** Британские оценки Красной Армии (1934–1945) 148

CONTENTS

INTERNATIONAL RELATIONS

- Kokoshin A., Kokoshina Z.** Modern Geopolitical Transformations:
Russian Interests and Russian Society 7
- Gubin A.** Prerequisites for the Present China – US Confrontation 26

SOCIAL PHILOSOPHY

- Klupt M.** Homeostasis and Metastability as Natural Sciences' Heuristics
of Modern Social Sciences 40
- Boreyko A.** Tectology of A. Bogdanov and World-System Analysis
in the Theory of International Relations 52

DIGITALIZATION AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

- Varnavskii V.** Digitalization as a Driver of Economic Growth 63
- Blanutsa V.** Socio-geographical Consequences of Distributed Artificial
Intelligence Deployment: Directions For Future Research 79

SOCIAL PROBLEMS OF HEALTH CARE SERVICES

- Panova L., Panova A.** Coverage of Health Care Services in Russia
and European Countries: a Comparative Analysis 91

INFORMATION WARFARE

- Slesarev A.** On the Issue of the Mythological Reality of Modern
German-language Media Text 104

THE ROSTRUM OF A YOUNG SCIENTIST

- Matiukhova E.** Migrant Integration in Germany: The Role of Non-State Actors 119
- Nazaruk T.** The Specifics of the Party-Political System of Wales at the Modern Stage 134

BOOK REVIEW

- Okhoshin O.** British Assessments of the Red Army, 1934–1945 148

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL RELATIONS

Оригинальная статья / Original article

Современные геополитические трансформации: интересы России и российское общество

© А.А. КОКОШИН, З.А. КОКОШИНА

Кокошин Андрей Афанасьевич, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), aakokoshin@gmail.com. ORCID: 0009-0009-0740-6509

Кокошина Злата Андреевна, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва, Россия), zlata.kokoshina77@gmail.com. ORCID: 0009-0001-7428-0696

Рассмотрены факторы и параметры современных геополитических трансформаций. Отмечено, что геополитические трансформации – это сложная совокупность экономических, военных, социальных, политико-дипломатических, технологических, демографических и других процессов. Прежде всего она выражается в изменении центросиловой структуры системы мировой политики. Проанализирована роль глобальных центров силы – Российской Федерации, КНР и США, а также потенциального игрока глобального уровня – Индии. Показано значение военного фактора (включая его ядерное измерение) в современной геополитике. Сделаны выводы о месте и интересах России в современной системе мировой политики, в том числе применительно к внутреннему социально-экономическому и социально-политическому развитию, а также к формированию социальной реальности в России. Рассмотрены процессы, которые происходят в российском обществе под воздействием геополитических трансформаций, особенно под влиянием «гибридной войны» коллективно-го Запада против России. Подчеркивается, что в этих условиях в России произошла консолидация общества, усилилась поддержка собственного курса России, который опирается на традиционные отечественные ценности.

Ключевые слова: геополитика, трансформация, глобальные центры силы, мобилизация общества, социально-политическая реальность, Российская Федерация, США, КНР, Индия

Цитирование: Кокошин А.А., Кокошина З.А. (2024) Современные геополитические трансформации: интересы России и российское общество // Общественные науки и современность. № 2. С. 7–25. DOI: 10.31857/S0869049924020019, EDN: zngios

Modern Geopolitical Transformations: Russian Interests and Russian Society

© A.A. KOKOSHIN, Z.A. KOKOSHINA

Andrey A. Kokoshin, HSE University (Moscow, Russia), aakokoshin@gmail.com. ORCID: 0009-0009-0740-6509

Zlata A. Kokoshina, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), zlata.kokoshina77@gmail.com. ORCID: 0009-0001-7428-0696

Abstract. The factors and parameters of modern geopolitical transformations are examined. Geopolitical transformations are determined as a complex set of economic, military, social, political-diplomatic, technological, demographic and other processes. Those processes are changing the centro-power structure of the world political system. The role of such global centers of power as the Russian Federation, China, the USA, as well as of a potential global player – India – is analyzed. The importance of the role of the military factor in modern geopolitics (including its nuclear dimension) is shown. Conclusions are drawn about the place and interests of Russia in the modern system of world politics, including in relation to internal socio-economic and socio-political development in the Russian Federation and the formation of social reality in Russia. The social changes that are taking place under the influence of geopolitical transformations, especially under the influence of the “hybrid war” waged against Russia by the “aggregate West”, are considered. It is emphasized that under these conditions Russian society became more consolidated; support has increased for the Russian Federation to follow its own path based on traditional Russian values.

Keywords: geopolitical transformations, global centers of power, socio-political reality, society, consolidation, Russian Federation, USA, China, India

Citation: Kokoshin A.A., Kokoshina Z.A. (2024) Modern Geopolitical Transformations: Russian Interests and Russian Society. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 7–25. DOI: 10.31857/S0869049924020019, EDN: zngios (In Russ.).

Геополитические трансформации: общие измерения

В основе геополитических трансформаций лежат различные экономические, военные, социальные, демографические, технологические и другие процессы. Данные процессы влияют на изменения центросиловой структуры системы мировой политики и отношения между центрами силы.

В последние десять-пятнадцать лет идет формирование многополярной (полицентрической) системы международных отношений. Возникает новая, многомерная система мировой политики и экономики, отличная от американоцентричной «однополярности», которая сложилась после распада СССР и Организации Варшавского договора.

США и их союзники активно сопротивляются становлению новой полицентричной системы мировой политики. Как отмечал министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, «американцы и их сателлиты пытаются затормозить, а то и повернуть вспять естественный процесс эволюции международных отношений в контексте формирования многополярной системы. “Прогибать” весь мир под свои нужды они считают возможным и с использованием негодных, неправовых методов, включая применение силы, односторонние (т.е. не одобренные СБ ООН) санкции, информационно-психологические операции и т. п.»¹.

¹ Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова журналу «Международная жизнь», 19 августа 2023 г. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 19.08.2023. (https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1900998/).

Формирование глобальной многополярности – долговременный и не всегда линейный процесс, который связан с различными конфликтными и кризисными ситуациями. В их числе – военные действия на Украине, израильско-палестинский конфликт, потенциальное обострение ситуации вокруг Тайваня, рост напряженности на Корейском полуострове, обострение ситуации в акватории Красного моря и др. Многие из них спровоцированы и поддерживаются США и их союзниками.

В качестве центров силы в разные периоды мировой истории выступают нации-государства, которые обладают должным уровнем субъектности и реальным суверенитетом [Кокошин 2005].

Значимую роль в формировании современной мировой политики играют негосударственные акторы, в частности транснациональные корпорации (ТНК). Главным образом их влияние затрагивает технологические и экономические сферы. Однако они пока не способны оттеснить на второй план главных субъектов мирополитической системы – нации-государства.

Важную роль в геополитических трансформациях играют межгосударственные объединения и союзы, такие как БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Данные организации созданы не так давно, но обладают значимыми экономическими и человеческими ресурсами. Важный этап в развитии БРИКС ознаменовал саммит этого объединения в Йоханнесбурге в августе 2023 г. На данном мероприятии было сообщено, что сразу несколько стран – Египет, Иран, Саудовская Аравия, Аргентина, ОАЭ и Эфиопия – приглашены стать полноправными членами организации с 1 января 2024 г. После прихода к власти в Аргентине в декабре 2023 г. Х. Милея государство отказалось от вступления в БРИКС; остальные пять стран вошли в состав организации, увеличив количество участников с пяти до десяти.

В настоящее время влияние военной силы на геополитические трансформации усилилось. Военная мощь государства во многом определяет, какое место оно занимает в современной системе мировой политики – разумеется, с учетом экономических, технологических, демографических и других возможностей.

Многие страны активно разрабатывают перспективные военные технологии и технологии двойного назначения. Идет поиск новых форм и способов ведения военных действий, чтобы усилить способность государств достигать своих политических целей посредством вооруженной борьбы. Как и в гражданской сфере, в военном секторе особое значение отведено развитию информационно-коммуникационных технологий: разведка, целеуказание, связь (управление в целом), средства радиоэлектронной борьбы (РЭБ).

Главные – и не только главные – акторы системы мировой политики обладают ядерным оружием. В их число входят пять постоянных членов Совета Безопасности ООН (Россия, США, КНР, Франция, Великобритания), а также Индия, Пакистан, Израиль и КНДР. Никакое другое оружие (или их комбинации) пока не может сравниться с ядерным по своей разрушительной силе и катастрофическим последствиям взрывов, в том числе вторичным и третичным. В условиях обострения межгосударственного соперничества на глобальном уровне и эрозии стратегической стабильности, связанной прежде всего с многокомпонентной «гибридной войной» США и их союзников против России, роль ядерного фактора в современной мировой политике проявляется более рельефно.

В «Основах государственной политики в области ядерного сдерживания», утвержденных Указом Президента России В.В. Путина 2 июня 2020 г., говорится, что «Российская Федерация рассматривает ядерное оружие исключительно как средство сдерживания, применение которого является крайней и вынужденной мерой». При этом Россия «предпринимает все необходимые усилия для уменьшения ядерной угрозы и недопущения

обострения межгосударственных отношений, способного спровоцировать военные конфликты, в том числе ядерные»².

Выступая на заседании дискуссионного клуба «Валдай» в Сочи 5 октября 2023 г., В.В. Путин отметил, что нет причин менять доктринальный подход России к возможности применения РФ ядерного оружия³.

Растет значение научно-технологического развития в геополитических трансформациях и геополитическом противоборстве. Мотивированное коммерческими интересами и соображениями безопасности, оно во многом детерминирует динамику рынка труда, социальную структуру и социально-политические процессы, а также влияет на экономический рост, трансформацию вооруженных сил и внешнеполитические курсы государств. Многие страны, в том числе Россия, активно используют понятие «технологический суверенитет». Уровни технологического развития государств обретают всю большую значимость в балансах сил в планетарном и региональном масштабах, а также во многом формируют перспективный геополитический ландшафт.

Формирующаяся центросиловая структура многополярного мира

Наиболее значимыми центрами силы в современной системе мировой политики выступают Россия, США и КНР. Значительным потенциалом в качестве глобального игрока обладает Индия.

Роль других потенциальных центров силы не рассматривается в данном исследовании. По обобщенным оценкам многих отечественных и зарубежных экспертов, маловероятно, что Европейский союз превратится в самостоятельный центр силы глобального уровня в обозримой перспективе. Вряд ли им станет и Япония, которая тесно привязана к США в политико-военном, экономическом и научно-технологическом отношении.

В новой конфигурации системы мировой политики и мировой экономики все заметнее проявляют себя региональные центры силы. Перспективной темой для исследования геополитической структуры может стать роль в современной структуре таких государств, как Индонезия, Египет, Бразилия, Вьетнам, Иран, Израиль и др. Как отмечает А.В. Яковенко, данные страны стремятся стать «лидерами второго эшелона» [Глобальный конфликт... 2023, 125]. Можно отметить, что среди региональных центров силы особую роль играет Турция, роль которой значительна и за пределами региона [Шлыков 2023].

В последние десять-пятнадцать лет в геополитике произошли существенные системно-структурные сдвиги в соотношении сил КНР и США.

КНР

По совокупному экономическому весу Китай смог бросить вызов экономическому господству США. В 2014 г. КНР вышла на 1-е место в размерах ВВП по паритету покупательной способности, а за последние годы вплотную приблизилась к США и по абсолютным цифрам. В 2021 г. китайская экономика составляла 19% от общемировой. Существуют разные экспертные прогнозы относительно того, сможет ли Китай преодолеть свое

---

² Указ Президента Российской Федерации от 02.06.2020 № 355 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания». Сайт Президента РФ. 02.06.2020. (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/45562>).

³ Заседание дискуссионного клуба «Валдай». 5 октября 2023 г. Сайт Президента РФ. 05.10.2023. (<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444>).

отставание от США. Однако очевидно, что у США как у лидера в мировом ВВП появился серьезный соперник.

За десятилетия политики «открытости и реформ», провозглашенной Дэн Сяопином, КНР с помощью крупных зарубежных инвестиций (прежде всего из стран ЕС и США) смогла развить отрасли промышленности, которые обладают значимым промышленным потенциалом. Доля Китая в мировом промышленном производстве сейчас составляет 29% – больше, чем у США и Японии вместе взятых. Китай обладает емким внутренним рынком, обеспечивает стабильное повышение благосостояния населения страны. Учитывая целенаправленные усилия руководства страны по стимулированию внутреннего потребления, есть вероятность, что Китай сможет обогнать США по доле в глобальном импорте уже в обозримой перспективе.

Благодаря активной, ориентированной на экспорт стратегии и специфике финансово-экономической системы Китай получил финансовые ресурсы. Он может тратить эти средства, чтобы развивать масштабные проекты за пределами страны – особенно в рамках глобальной инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), включенной в устав Коммунистической партии Китая⁴. Более 150 стран и 30 международных организаций подписали документы о сотрудничестве в рамках ОПОП⁵.

Внешняя политика и дипломатия Китая становятся все активнее – в том числе за пределами Азиатско-Тихоокеанского региона. Например, в марте 2023 г. при активном посредничестве Китая Исламская республика Иран (ИРИ) и Королевство Саудовская Аравия подписали в Пекине соглашение о возобновлении отношений и открытии посольств.

Китайское руководство в последние годы все активнее декларирует повышение роли КПК и продвигает разного рода идеологии, прежде всего выражаемые в «идеях Си Цзиньпина». Данная особенность относится и к различным направлениям экономического развития Китая, и к китайской внешней политике. Среди таких идеологием видное место занимает формула «сообщества единой судьбы человечества». В Совместном заявлении РФ и КНР по итогам российско-китайской встречи на высшем уровне в марте 2023 г. в Москве говорилось: «Российская Сторона отмечает позитивное значение концепции Китайской Стороны о построении “сообщества единой судьбы человечества”...»⁶.

Руководство КНР активно заявляет о своей приверженности «экономической глобализации». В то же время Пекин всячески подчеркивает, что глобализация не должна стирать цивилизационные особенности участвующих в этом процессе стран [Зуенко 2023].

За последние годы КНР сделала мощный рывок в научно-технологической сфере, что стало результатом целенаправленной политики руководства страны. Предприняты огромные усилия по культивированию научных открытий и изобретений, предусмотрены стимулирующие меры для быстрого коммерческого освоения результатов НИОКР с выходом на мировые рынки. КНР завоевывает передовые позиции в международном разделении труда и участвует в глобальных цепочках добавленной стоимости (ГЦДС). По объемам инвестиций в НИОКР Китай почти догнал США, а также добился заметных результатов

⁴ Лукин А. Визит Путина в Китай: от церемониала к конкретике. Независимая газета 19.10.2023. (https://www.ng.ru/kartblansh/2023-10-19/3_8857_kb.html).

⁵ Си Цзиньпин сформулировал принципы мирного сосуществования в современную эпоху. Независимая газета. 22.10.2023. (https://www.ng.ru/editorial/2023-10-22/2_8858_red.html).

⁶ Совместное заявление РФ и КНР об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. Российская газета. 21.03.2023. (<https://rg.ru/2023/03/21/sovmestnoe-zaiavlenie-rf-i-kr-ob-uglublennii-otnoshenij-vseobemliushchego-partnerstva-i-strategicheskogo-zaimodejstviia-vstupaiushchih-v-novuiu-epohu.html>).

на многих направлениях технологического развития. Ставка на технологическое развитие позволит увеличивать производительность труда.

КНР в последние 10–15 лет достигает все больше успехов в космической сфере. По некоторым оценкам, спутниковая группировка Китая уже превосходит спутниковую группировку США. Большое внимание уделяется таким политически значимым программам, как развитие околоземной орбитальной станции и исследование Луны⁷.

Существенно растет участие КНР в глобальных зарубежных инвестициях, значительная доля которых приходится на страны Европейского союза [Крамарова 2022]. В КНР возникают «технологические гиганты» – высокоэффективные транснациональные корпорации «с китайской спецификой», которые масштабно присутствуют на мировых рынках и влияют на геополитические процессы. В этих ТНК присутствует иностранный капитал, у них имеется множество зарубежных «дочек». Тем не менее государство следит за тем, чтобы иностранные инвесторы не смогли контролировать эти компании.

В Китае заметно растет доля среднего класса. По некоторым оценкам, к 2035 г. 0,5 млрд китайцев пополнят мировой средний класс⁸.

Динамично развиваются Народно-освободительная армия Китая (НОАК) и оборонная промышленность страны. Действует комплексная программа развития НОАК до 2027 г., утвержденная высшим руководством КНР. Развитие НОАК считают одним из важнейших компонентов инициативы «Цели столетней борьбы в сфере военного строительства» («Цели 2027 года»). Приоритетами программы выступают «механизация, информатизация и интеллектуализация НОАК» и «построение интеллектуальной военной системы», в том числе широкое внедрение в вооруженные силы технологий и систем ИИ [Кашин 2023]. В своем военно-технологическом развитии КНР все большую ставку делает на заимствовании технологий из гражданского наукоемкого сектора.

С высокой степенью вероятности можно говорить о том, что страна находится на пороге превращения в сверхдержаву и по ядерному параметру. Вполне возможно, что Китай может выйти на нынешние «потолки» США и РФ, определенные Договором СНВ-3. По оценкам экспертов, с технологической и финансово-экономической точки зрения КНР к этому готова. В результате может радикально измениться глобальный политико-военный и военно-стратегический ландшафт. Известные американские аналитики считают, что выход КНР на уровень, например, 1 тыс. ядерных боезарядов позволит Пекину вести себя «более уверенно» в противостоянии с США при силовом решении тайваньской проблемы⁹. Не следует исключать и возможности того, что в связи с развитием ядерной программы КНР США повысят планку наращивания своих стратегических ядерных сил (СЯС), по сравнению с имеющимися на сегодняшний день планами модернизации. В экспертных кругах США данный вопрос обсуждают.

При анализе меняющегося геополитического положения Китая необходимо учитывать проблемы этой страны. На протяжении длительного времени китайская экономика росла двузначными темпами, однако в последние годы темпы роста сократились. В сентябре 2023 г. МВФ прогнозировал, что по итогам года Китай достигнет целевого показателя роста

⁷ Пядушкин М.А. Космические амбиции Пекина растут. Независимая газета. 19.10.2023 (https://nvo.ng.ru/realty/2023-10-19/13_1258_moon.html).

⁸ Global Trade Outlook – February 2023 report. UK Government. P. 19. 28 February 2023. (<http://www.gov.uk/government/publications/global-trade-outlook-february-2023-report>).

⁹ Pettyjohn S., Dennis H. Avoiding the Brink. Escalation Management in a War to Defend Taiwan. Center for a New American Security. February 2023. (https://s3.us-east-1.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNAS_Report-Avoiding-the-Brink-Final.pdf).

в районе 5%, а в среднесрочной перспективе темпы роста экономики КНР могут замедлиться примерно до 3,5%. В случае экономических реформ этот показатель может оказаться выше¹⁰. В КНР накопились большие долги: совокупный государственный, корпоративный, физических лиц. Отдельные российские эксперты отмечают, что страна сталкивается со сложностями в трансформации экспортоориентированной экономической модели в пользу модели «двойной циркуляции» и всемерного поощрения внутреннего спроса.

Перед КНР стоят крупные вызовы социально-демографического плана: сокращение численности населения (депопуляция), сохраняющееся социально-экономическое неравенство и старение населения, чреватое в том числе замедлением темпов экономического роста Китая [Бабаев 2023]. На решение этих проблем направлены огромные усилия партийно-государственного руководства КНР [Русанова 2023].

Усиление роли Китая, международная активность и наращивание военной мощи, соответствующей статусу великой державы (а затем и сверхдержавы), происходит в условиях усиления противодействия со стороны США и их союзников.

Руководство КНР готово противостоять враждебной политике США. Одновременно и в Пекине, и в Вашингтоне понимают, что экономики обеих стран взаимозависимы – в т.ч. за счет взаимного участия в ГЦДС.

16 ноября 2023 г. в Сан-Франциско состоялась китайско-американская встреча на высшем уровне во время участия Си Цзиньпина в саммите АТЭС, которая несколько снизила остроту напряженности в отношениях КНР и США.

Си Цзиньпин предложил обширный перечень сфер, в которых можно развивать сотрудничество КНР и США. В то же время он отметил, что вопрос Тайваня был и остается одним из самых ключевых и деликатных во всем комплексе китайско-американских отношений, что Китай непременно воссоединится и будет обязательно единым. Си указал Дж. Байдену и на деструктивные меры в отношении Китая со стороны США, в частности на попытки задушить китайские технологические отрасли и лишить его народ права на развитие¹¹.

США

В координатах происходящей геополитической трансформации Соединенные Штаты сохраняют позиции самой крупной державы в экономическом, технологическом и военном отношениях. Однако эти позиции по многим направлениям подверглись значительной эрозии.

За четверть века американская доля в мировой экономике сократилась с 30 до 25%, но США сохраняют лидирующую позицию, опережая КНР на 5 трлн долл. по ВВП, рассчитываемому по обменному курсу. Также государство остается на высокой позиции по уровню доходов на душу населения, занимает первую строчку по объемам импорта капитала и обладает привилегией доминирования доллара в мировой валютной системе. В то же время наблюдается устойчивая тенденция снижения доли доллара в золотовалютных резервах и международных расчетах. США в последние 10–12 лет добились результатов в самообеспечении углеводородами, получив преимущество перед КНР, которая зави-

¹⁰ IMF sees signs China stabilizing, says reforms can boost medium-term growth. Reuters. September 28, 2023. (<https://www.reuters.com/world/china/imf-sees-signs-china-stabilizing-says-reforms-can-boost-medium-term-growth-2023-09-28/>).

¹¹ Председатель КНР Си Цзиньпин провел встречу с Президентом США Джо Байденом. Сайт посольства КНР. 16.11.2023. (http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zgxw/202311/t20231116_11181610.htm).

сит от импорта энергоносителей (особенно с нестабильного Ближнего Востока). Страна по-прежнему много инвестирует в НИОКР. Однако в исторической ретроспективе резкое снизилась доля США в мировых расходах на эти цели – с пиковых почти 70% в 1960 г. до 30,7% в 2020 г.¹². В период 2000–2020 гг. доля США сократилась с 39,9 до 30,7% – опять-таки из-за прорыва КНР, которая увеличила показатель с 4,9 до 24,8%¹³.

На долю США приходится свыше 40% мировых расходов на военные цели. Военные расходы США по федеральному бюджету на 2024 финансовый год определены на уровне 886 млрд долл.¹⁴. Соединенные Штаты обладают одним из двух крупнейших ядерных арсеналов мира. Начата масштабная программа модернизации ядерного потенциала – всех трех компонентов ядерной триады¹⁵.

Большая часть американской политической элиты крайне болезненно воспринимает заявку Китая на мировое лидерство в новейших технологиях (в особенности в военной сфере). Она делает ставку на обеспечение американского превосходства в использовании перспективных военных технологий, уделяя особое внимание технологиям, которые могли бы «изменить правила игры» в политико-военной и в оперативно-стратегической сферах при применении в вооружении. Такие технологии Вашингтон рассматривает в увязке с перспективными формами и способами вооруженной борьбы, а также с прогнозами будущих военных конфликтов.

В последние годы США, обеспокоенные тем, что баланс сил в мире складывается не в их пользу, формируют новые альянсы под своим контролем в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В 2007 г. был инициирован так называемый Четырехсторонний диалог по безопасности (Quadrilateral Security Dialogue – QSD или QUAD). В QUAD входят США, Индия, Япония и Австралия.

В 2021 г. был подписан договор группы трех стран – AUKUS (Австралия, Великобритания, США). Планируется, что это объединение будет противодействовать усилению Китая в военной и технологической области.

В 2022 г. в ходе визита президента США Дж. Байдена на Ближний Восток прошел виртуальный саммит еще одного нового альянса с участием Израиля, Индии, ОАЭ и США, который назвали QUAD-2. Таким образом США пытаются создать геополитический союз (пока в торгово-экономической и политической областях), направленный на усиление своего влияния в ближневосточном регионе, вовлечение стран региона в санкционную политику против РФ и создание антииранского фронта¹⁶. В 2023 г. произошло расширение НАТО за счет вступления Финляндии и Швеции.

Такие действия напрямую затрагивают важнейшие российские интересы в области национальной безопасности. В ответ России необходимо наращивать усилия в военной и военно-экономической сферах, что отразилось в том числе в увеличении военных расходов в федеральном бюджете РФ на 2024 г. Для обеспечения интересов оборонной безопасности России на европейском направлении руководству РФ пришлось воссоздать два

¹² Congressional Research Service (CRS). Global Research and Development Expenditures: Fact Sheet. Congressional Research Service. Updated September 14, 2022. (<https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R44283>).

¹³ Ibid.

¹⁴ Biden signs \$886 billion US defense policy bill into law. Reuters. December 23, 2023. (<https://www.reuters.com/world/us/biden-signs-886-billion-us-defense-policy-bill-into-law-2023-12-22/>).

¹⁵ Congressional Budget Office. Projected Costs of U.S. Nuclear Forces, 2021 to 2030. Congressional Budget Office. May 24, 2021. (<https://www.cbo.gov/publication/57130>).

¹⁶ Иванов С. QUAD-2: Вашингтон пытается создать новый блок на Ближнем Востоке. Международная жизнь. 24.08.2022. (<https://interaffairs.ru/news/show/36694>).

военных округа – Московский и Ленинградский. Была сформирована соответствующая структура, а численность личного состава Вооруженных сил РФ¹⁷ возросла.

Соединенные Штаты активно добиваются увеличения военных расходов стран – членов НАТО. Также НАТО распространяет свою деятельность на Азиатско-Тихоокеанский регион (в трактовке Вашингтона в последние годы, которую отторгают и Пекин, и Москва, – Индо-Тихоокеанский).

Соединенные Штаты мобилизуют свои союзы и партнерства на укрепление американских позиций – прежде всего для противостояния с такими центрами системы мировой политики, как КНР и РФ.

В американской «Стратегии национальной безопасности-2022» «самым серьезным геополитическим вызовом» однозначно названа КНР¹⁸. В Вашингтоне установился двухпартийный консенсус о противодействии Китаю. В частности, в январе 2023 г. в Палате представителей был учрежден Специальный комитет по стратегическому соперничеству между США и КНР, который отслеживает политику администрации Дж. Байдена в отношении Китая.

США, как и прежде, выстраивают свою внешнюю, внешнеэкономическую и военную политику с «позиции силы», игнорируя легитимные интересы других держав, из-за чего возрастают риски и уровень нестабильности. Особенно сильно данная особенность проявляется в политике Соединенных Штатов в отношении России, которую они стремятся устранить в качестве «геополитического игрока и соперника» [Дробинин 2023]. В «Стратегии национальной безопасности-2022» Россию описывают как страну, представляющую «непосредственную и постоянную угрозу региональному порядку безопасности в Европе»¹⁹.

В последние несколько лет США пожинают горькие плоды своей собственной идеологии и практики глобализации. Американская экономика потеряла множество рабочих мест в результате активного переноса производств из страны (особенно в Китай) ради снижения издержек. Рынки США открылись для китайской продукции согласно правилам ВТО, в которой КНР в результате длительных и упорных переговоров завоевала статус «развивающейся страны» со всеми преференциями. Американский «правлящий класс» пришел к выводу, что Китай воспользовался, по его мнению, «пассивностью» США, смог извлечь крупные дивиденды из глобализации икратно увеличил свою мощь. Дальнейшее укрепление позиций угрожает безопасности и процветанию США, а значит, ему необходимо противодействовать.

Пытаясь исправить положение дел, Вашингтон выступает де-факто главным драйвером «деглобализации» [Кокошин, Кокошина 2023]. Тем не менее данное понятие в официальном политическом дискурсе США не употребляют.

Уже при президенте Д. Трампе начались активные попытки так называемого «декаплинга» – разъединения экономик США и КНР и переноса ряда высокотехнологических производств на территорию США. Также в США начали в ускоренных темпах строить новые заводы следующего поколения по производству микроэлектроники. Примечательно, что при Дж. Байдене, известном своей былой приверженностью к либерализации и глобализации, все ограничения во внешней торговле, которые были введены при Трампе, сохранились. Более того, был расширен список дискриминационных решений в

¹⁷ Масштабные изменения в российской армии пройдут в 2023–2026 годах. Российская газета. 17.01.2023. (<https://rg.ru/2023/01/17/masshtabnye-izmeneniia-v-rossijskoj-armii-projdu-t-v-2023-2026-godah.html>).

¹⁸ National Security Strategy. The White House. October 12, 2022. P. 11. (<https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>).

¹⁹ Ibid.

области субсидий и тарифов. В целом нынешняя американская администрация применяет все новые протекционистские меры, особенно в промышленной политике, что затрагивает интересы не только Китая, но и многих других стран.

Противодействие по отношению к КНР нарастает и в политической, и в идеологической областях. Соперничество с Китаем американская сторона трактует как борьбу «между двумя системами». Российский дипломат А.И. Денисов отметил, что такое смещение в противостоянии происходит «со времени президентства Дональда Трампа и до настоящего момента» [Денисов 2023]. В частности, все более острой (а подчас и злобной) становится критика государственных и политических деятелей США в адрес правящей Коммунистической партии Китая, которая проводит линию на построение в КНР «социализма с китайской спецификой» и добилась значительных успехов на этом направлении. Вашингтон постоянно пытается влиять на внутривнутриполитическую обстановку в Китае, что, в частности, выразилось в событиях в Гонконге в 2019–2020 гг., когда Пекин предпринимал там меры по стабилизации обстановки. Такая же ситуация наблюдается в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. США также активно поддерживают сепаратистские движения на Тайване, который представляет собой неотъемлемую часть КНР.

Пик американского могущества уже позади, и Соединенные Штаты утратили монополию на формирование мироустройства. Тем не менее американский политический истеблишмент по-прежнему уверен в исключительности американской нации, ее «богоизбранности», уникальности геополитического предназначения США [Неймарк 2023].

Индия

С середины 1990-х гг. темпы роста индийской экономики превышали 6%. По некоторым оценкам, к 2030 г. Индия превзойдет Японию по ВВП и станет 3-й экономикой мира. В стране сохраняется крупный государственный сектор, поддерживается высокий уровень развития тяжелой индустрии. В то же время в Индии действует несколько крупнейших частных конгломератов. Активно развивается ряд высокотехнологичных отраслей промышленности и сферы услуг, связанных с информационно-коммуникационными технологиями и биотехнологиями. Высшее руководство также поставило амбициозные цели по расширению производства микроэлектроники, которое до недавнего времени в Индии (в отличие от Китая) не развивали.

Индия значительно интегрирована в производственные цепочки западных стран и Японии, как и в ГЦДС в целом. Страна ускоренными темпами развивает космические технологии, ее позиции в коммерческом использовании космоса и космических исследованиях укрепляются.

Емкий индийский внутренний рынок имеет большие возможности для насыщения. Благодаря огромному демографическому потенциалу (почти 1,5 млрд человек) Индия обладает одной из крупнейших армий мира, значительная часть которой размещена вдоль границ с Пакистаном и Китаем. На государство также приходится одна четвертая часть глобального прироста трудоспособного населения.

Однако на геополитические позиции Индии будут влиять и проблемы страны. К ним, в частности, следует отнести высокий уровень бедности, скрытую безработицу, диспропорции регионального развития, проблемы с обеспечением продовольственной безопасности и здравоохранения, сильную зависимость экономики от зарубежных инвестиций и экспорта (что делает ее уязвимой для внешнего давления), хронический бюджетный дефицит и др. Слабой стороной экономики Индии считается ее инфраструктура, которая менее развита, чем у Китая.

США пытаются использовать Индию как противовес Китаю наряду с такими своими очевидными союзниками, как Япония, Республика Корея и Австралия. США эксплуатируют и тему давнего пограничного конфликта между Китаем и Индией, который периодически обостряется²⁰. Вашингтон целенаправленно стремится втянуть Индию в геополитические союзы с антикитайской и антироссийской позицией, о которых говорилось выше.

США особо заинтересованы в военно-техническом сотрудничестве с Индией. В частности, Вашингтон принял беспрецедентное для себя решение о совместном производстве «важнейших оборонных платформ»²¹. Очевидно, такое партнерство самым непосредственным образом затрагивает интересы России, которая имеет давние традиции военно-технического сотрудничества с Индией.

Наращивая свою экономическую, технологическую и военную мощь (в том числе за счет взаимодействия с США и другими западными странами), Индия не торопится встраиваться в американскую схему противостояния Китаю. Она отказалась занять и антироссийскую, прозападную позицию в связи с событиями на Украине. Индия несколько раз воздержалась при голосовании по резолюциям СБ ООН и Генеральной Ассамблеи ООН по поводу специальной военной операции России на Украине (СВО). В то же время многие представители индийской бизнес-элиты, тесно интегрированные в западные экономические и производственные центры, минимизировали свое сотрудничество с Россией ввиду опасности вторичных санкций.

Как отмечает российский историк А.В. Куприянов, Индия сопротивляется нажиму США, сохраняя стратегическое партнерство с Россией. Ориентируясь на будущее многополярное устройство мира, Индия не хочет толкнуть РФ на еще большее сближение с Китаем. Конфликт на Украине многие представители политической элиты Индии рассматривают исключительно сквозь «геополитическую призму», без идеологической составляющей. Они не ассоциируют себя с «демократическим миром», который борется против «авторитарного российско-китайского союза» [Индо-Тихоокеанский регион... 2023]. Вместе с тем индийская элита стремится максимально использовать для себя данную политику США, в том числе для того, чтобы получить доступ к технологиям искусственного интеллекта, квантовых вычислений, космических исследований, связи пятого поколения и др.

Существенную роль Индия играет в ШОС и БРИКС, где в значительной мере формируется альтернатива курсу коллективного Запада. Особенно активно Индия действует в рамках ШОС, что было заметно в период ее председательства в организации в 2023 г.

Нью-Дели не поддерживает дискурс о противостоянии Западу и использованию БРИКС для формирования нового мирового порядка. Соответственно, портить отношения с США и странами ЕС Индия также не желает.

Можно согласиться с академиком РАН В.В. Михеевым, который отмечал, что Индия по отношению к РФ «последовательно, но умеренно и осторожно дружественная страна в рамках балансирования между Россией и США» [Индо-Тихоокеанский регион... 2023].

В целом вопрос о будущем месте Индии в системе мировой политики определяет одну из крупнейших в геополитических трансформаций. Он исключительно важен для интересов России.

²⁰ Curtis L., Grossman D. India-China Border Tensions and US Strategy in the Indo-Pacific. Center for a New American Security. March 30, 2023. (<https://www.cnas.org/publications/reports/india-china-border-tensions-and-u-s-strategy-in-the-indo-pacific>).

²¹ Lopez T. Austin: In Troubled Times, World Needs U.S. Leadership. US Department of Defense. Dec. 2, 2023. (<https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3604791/austin-in-troubling-times-world-needs-us-leadership/>).

Россия, российские интересы и российское общество

Согласно новой Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г., одна из стратегических целей нашей страны на мировой арене – «упрочение позиций... как одного из ответственных, влиятельных и самостоятельных центров современного мира»²².

РФ – важный геополитический актор. Наша страна обоснованно заявляет о своих интересах в сфере национальной безопасности – особенно на постсоветском пространстве, которое представляет собой зону стратегических интересов России. Государство развивает различные форматы сотрудничества, как двусторонние, так и многосторонние конфигурации в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Содружества независимых государств (СНГ) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Важность отношений со странами Центральной Азии (ЦА) на современном этапе для России обусловлена в частности тем, что эти государства обладают значимым потенциалом трудовых ресурсов. Россия, в свою очередь, находится в условиях сложной демографической ситуации и возросшего спроса работодателей на рабочую силу (особенно в строительстве, промышленности, сельском хозяйстве) [Красинец, Шевцова 2023]. Увеличение численности трудовых мигрантов стало одной из черт новой социальной реальности России. В последние годы почти 90% трудовых мигрантов прибывают в РФ из трех стран ЦА – Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана²³.

В отечественных социологических исследованиях отмечается, что трудовые мигранты все значительнее влияют на этнодемографические процессы в российском обществе, создавая риски социальной напряженности [Коленикова 2023]. В данном отношении взвешенный, обоснованный курс руководства страны на корректировку миграционной политики, при которой будут учитываться внутренние социокультурные, экономические факторы и геополитические трансформации, имеет важное значение для дальнейшей стратегии развития России.

Россия проявляет политико-дипломатическую активность и за пределами постсоветского пространства – на Ближнем Востоке, в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии (ЮВА), АТР, а также в Африке, на которую обращает все больше внимания российское руководство. Демонстрацией развития отношений с Африкой стал саммит «Россия-Африка», который прошел в Санкт-Петербурге в июле 2023 г. [Сидорова 2023].

У РФ и КНР сложились особые отношения, несмотря на беспрецедентные антироссийские санкции и угрозу вторичных санкций в отношении Китая. В то же время, как считают некоторые отечественные исследователи, развитие отношений с Китаем несет в себе определенные риски [Торкунов, Стрельцов 2023]. Они также отмечают, что в средней или в долгосрочной перспективе России придется думать о «способах балансирования Китая». КНР – «это огромная держава» со своими интересами и задачами, «которые она будет воплощать в жизнь последовательно и при определенных обстоятельствах жестко», что «совершенно нормально, как нормально и стремление России создать для себя дополнительные гарантии перед лицом Китая» [Лукьянов 2023].

²² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.03.2023. (<https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>).

²³ Ивахнюк И.В. Трудовая миграция в Россию. Взгляд через призму политических, экономических и демографических тенденций. Портал РСМД. 17 ноября 2023. (<https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-vzglyad-cherez-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demografichesk/>).

РФ также активно участвует в деятельности БРИКС и ШОС. Данные организации входят в зону приоритетного внимания РФ, что отражено в «Концепции внешней политики Российской Федерации». Коллективная позиция стран БРИКС сыграла свою роль в том, что половина стран на саммите «Группы двадцати» (G20) в сентябре 2023 г. в Нью-Дели не приняла западную трактовку событий на Украине²⁴. Деятельность ШОС и БРИКС, особенно после расширения последней, вызывает растущую озабоченность западных экспертов в сфере прогнозирования международных отношений.

Россия – ядерная сверхдержава, примерно равная США по стратегическим ядерным силам (СЯС). В то же время в составе российских СЯС имеются такие средства, которых нет у США. В модернизации СЯС, как неоднократно отмечал Президент России В.В. Путин, Россия значительно опережает Соединенные Штаты. Высокий ядерный статус РФ играет очень существенную роль в геополитических трансформациях.

Значимыми событиями в контексте геополитических трансформаций (особенно на евразийском пространстве) стали возвращение Крыма, создание ДНР и ЛНР, а также выдвижение требований к Западу и Украине по обеспечению российских коренных интересов безопасности. Когда данные требования были отвергнуты, началась СВО, цели которой были четко определены российским руководством. Россия была объявлена противником Соединенными Штатами и их союзниками. Развернулась «гибридная война» коллективного Запада против РФ. Прокси-война с использованием Украины сопровождается масштабными поставками западного вооружения и военной техники, а также выделением ей значительной финансовой помощи западными государствами. США, их союзники и партнеры нацелены на «стратегическое поражение» России в данном конфликте. Ради ее достижения они готовы к очень высокой степени риска – вплоть до прямого столкновения РФ и НАТО, что может привести к третьей мировой войне и ядерной катастрофе.

Россия смогла выдержать беспрецедентные «санкционные удары» со стороны коллективного Запада в связи с событиями на Украине, сохранив сильные позиции в экономике и системе мировой политики.

На заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 22 августа 2023 г. В.В. Путин отметил, что по итогам 2022 г. Россия, несмотря на пессимистические прогнозы, «вошла в пятерку крупнейших экономик мира», обогнав Германию «по паритету покупательной способности, по объему экономики»²⁵. На совещании по экономическим вопросам 12 февраля 2024 г. Президент отметил, что ВВП России в 2023 г. прибавил 3,6%. Это выше среднемировых темпов роста (3%) и роста экономик развитых стран (1,5%)²⁶.

Для возрастания веса России на мировой арене необходимо повышать инновационность российской экономики и наращивать вложения в научно-технологическое развитие, а также обеспечивать высокую эффективность таких вложений. Также важно сберегать и развивать человеческий потенциал (капитал) – основной источник национального богатства, наращивание которого необходимо для формирования экономики знаний [Локосов 2023].

²⁴ Гусев А. Итоги саммита G20: делийская декларация продемонстрировала сплоченность «незападных стран». Национальный комитет по исследованию БРИКС. 22.09.2023. (<https://www.nkibrics.ru/posts/show/650da1f562726903e8c00000>).

²⁵ Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. Сайт Президента России. 22.08.2023. (<http://kremlin.ru/events/president/news/72084>).

²⁶ Совещание по экономическим вопросам. Сайт Президента России. 12.02.2024. (<http://kremlin.ru/events/president/news/73426>).

Как отмечает ученый-экономист, профессор Н.И. Комков, неотложность преодоления многосторонних санкций смещает достижение национальных целей на некоторый срок, но не меняет необходимости концентрироваться на развитии нации на инновационно-технологической основе [Комков 2023].

Среди приоритетов социально-экономического развития России, объявленных президентом и Правительством РФ, – цифровизация, которая может иметь многочисленные социальные последствия для нашей страны.

Позиционируя себя в системе мировой политики, Россия опирается на собственную концепцию цивилизационного развития, которая учитывает специфику национальной культуры и особенности социально-экономического уклада [Титаренко 2023]. Россия активно отстаивает свою многоэтническую суверенность, национально-цивилизационную идентичность, выступает против деструктивных явлений и тенденций в социокультурной сфере, за сохранение традиционных человеческих ценностей.

По данным репрезентативного исследования Института социологии ФНИСЦ РАН, большинство россиян (54%) убеждены в необходимости самобытного, отличного от западного вектора развития [Сушко 2022]. Видный отечественный социолог М.Ф. Черныш отмечает, что в восприятии большинства граждан преобладают «представления о полиэтническом характере российской нации, объединяющей различные этнокультурные и конфессиональные идентичности российским гражданством...» [Черныш 2022].

Для национального самосознания россиян особо ценны идеи патриотизма, державности и исторической преемственности, что подтверждают социологические опросы. Как показывают отечественные исследования, в долгосрочной перспективе главным историческим консолидатором идентичности россиян выступает память о военных победах, одержанных нашим народом [Фадеев 2023].

В российском обществе сильным консолидационным потенциалом прежде всего обладают группы, ориентированные на будущее с сильной властью, с сохранением национальных традиций и самобытным вектором развития РФ [Коленникова 2023].

Российское общество значительно консолидировалось после начала СВО. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), после объявления о ее начале 65% россиян поддержали это решение, спустя год показатель увеличился до 68%. В 2024 г. он сохранился на прежнем уровне²⁷.

В условиях вооруженного конфликта на Украине формируются мобилизационные настроения в общественном сознании россиян [Латов 2023]. Как отмечается в исследовании «Российское общество и вызовы времени», в нашем обществе «растет уверенность в том, что страна идет по правильному пути, усиливается поддержка власти» [Горшков, Тихонова 2022]. Население России привержено территориальной целостности страны и, по словам В.К. Левашова, «праведности действий во имя собирания ее исторических и канонических территорий и народов» [Левашов 2022].

Как отмечают социологи В.К. Левашов и О.П. Новоженина, в России возникла новая социально-политическая реальность. Она значительно влияет на выбор траектории устойчивого развития российского общества [Левашов, Новоженина 2022] и положение страны в геополитической расстановке сил, а значит, требует осмысления и изучения.

---

²⁷ Специальная военная операция: два года спустя. ВЦИОМ. 24 февраля 2024 г. (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-dva-goda-spustja>).

Переход от «однополярности» к более сложной конфигурации (полицентричности) – реальность современного развития мироустройства. Однако данный процесс продолжается – быстро и масштабно, с высокой степенью конфликтности и стратегической неопределенности. В создавшейся и перспективной конфигурации Россия играет исключительно важную роль.

Обеспечение национальной безопасности, поступательное внутреннее социально-политическое развитие и расширение возможностей РФ в будущей геополитической реальности будет зависеть от ее экономического роста и научно-технологического развития, усиления российской военной и военно-технологической мощи. Выйдя на более высокие темпы роста экономики в среднесрочной перспективе, Россия может нивелировать острую, по мнению граждан, проблему социально-экономического неравенства [Тихонова, Дудин 2023].

США и многие государства-члены Европейского союза отрицают жизненно важные интересы России на постсоветском пространстве. Коллективный Запад пытается ослабить ее влияние на данных направлениях, ухудшить отношения расположенных здесь стран с Российской Федерацией. Наиболее заметно данные намерения проявились на Украине. Любые попытки руководителей иностранных государств противопоставить политику стран на постсоветском пространстве российской политике следует рассматривать как противоречащие стратегическим интересам нашей страны.

В условиях развязанной Западом «гибридной войны» против России в стране произошла консолидация общества в связи с осознанием необходимости защитить национальные интересы и традиционные ценности России. Российское государство и общество активно противостоят попыткам вмешательства во внутренние дела нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бабаев К.В. (2023) Демографическая ситуация в КНР и ее потенциальное влияние на экономику Китая // *Народонаселение*. № 3. С. 55–56.

Babaev K.V. (2023) Demograficheskaya situatsiya v KNR i eyo potencial'noe vliyanie na ekonomiku Kitaya [The Demographic Situation in China and Its Potential Impact on the Chinese Economy]. *Narodonaselenie*, no. 3, pp. 55–56. (In Russ.)

Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка (2023) *Мировая экономика и международные отношения*. № 1. С. 122–127.

Globalnii konflikt i konturi novogo miroporyadka [Global Conflict and the Contours of a New World Order.] (2023) *World Economy and International Relations*. vol. 67, no. 1, pp. 122–127. (<https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2023/1-t-67/academic-event/global-conflict-and-the-countours-of-a-new-world-order>). (<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-1-122-127>). (In Russ.)

Гончаров С.Н. (2022) «Выпрыгивание из исторического цикла» и строительство новой идеологии на XX съезде КПК // *Проблемы Дальнего Востока*. № 6. С. 153–174.

Goncharov S.N. (2022) “Vypryigivanie iz istoricheskogo cikla” istroitelstvo novoj ideologii na XX s'ezde KPK [“Jumping Out of the Historical Cycle” and Building a New Ideology at the Twentieth CPC Congress]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 6, pp. 153–174. (In Russ.)

Горшков М.К., Тихонова Н.Е. (2022) *Российское общество и вызовы времени*. Книга шестая. М.: Издательство «Весь мир». 284 с.

Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (2022) *Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga shestaya* [Russian Society and the Challenges of the Time. Book Six]. Moscow: Ves' Mir. 284 p. (In Russ.)

Денисов А.Н. (2023) Особенности современной американско-китайской стратегической конкуренции // Проблемы национальной стратегии. № 1. С. 33–45.

Denisov A.N. (2023) Osobennosti sovremennoj amerikansko-kitajskoj strategicheskoy konkurencii [Features of Modern American-Chinese Strategic Competition]. *Problemy nacional'noj strategii*, no. 1, pp. 33–45. (In Russ.)

Дробинин А.Ю. (2023) Актуальные тенденции мирополитического развития и интересы России // Проблемы национальной стратегии. № 1. С. 46–58.

Drobinin A. Yu. (2023) Aktualnye tendencii miropoliticheskogo razvitiya i interesy Rossii [Current Trends in World Political Development and the Interests of Russia]. *Problemy nacionalnoj strategii*, no. 1, pp. 46–58. (In Russ.)

Зуенко И.Ю. (2023) Китай как нормальная страна // Россия в глобальной политике. Т. 21. № 4. С. 192–202.

Zuenko I.Yu. (2023) Kitaj kak normal'naya strana [China as a Normal Country]. *Rossiya v global'noj politike*. vol. 21, no. 4, pp. 192–202. (In Russ.)

Индо-Тихоокеанский регион: между «дружбой» и «недружбой» (Круглый стол Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН) (Часть вторая) (2023) Мировая экономика и международные отношения. № 4. С. 132–139.

Indo-Tixookeanskij region: mezhdru "druzhboj" i "nedruzhboj" (Kruglyj stol Centra aziatsko-tixookeanskikh issledovanij IME' MO RAN) (Chast' vtoraya) [The Indo-Pacific Region: Between "Friendship" and "Unfriendliness" (Round Table of the Center for Asia-Pacific Studies of the IMEMO RAS) (Part Two)] (2023) *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodny'e otnosheniya*, no. 4, pp. 132–139. (In Russ.)

Кашин В.Б. (2023) XX съезд КПК и его влияние на политику КНР в сфере обороны // Российское Китаеведение. № 1. С. 35–45.

Kashin V.B. (2023) XX s'ezd KPK i ego vliyanie na politiku v oblasti oborony' [The Twentieth Congress of the CPC and Its Impact on the PRS's Defense Policy]. *Rossijskoe kitaevedenie*, no. 1, pp. 35–45. (In Russ.)

Кокошин А.А. (2005) Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М.: Европа. 140 с.

Kokoshin A.A. (2005) *Real'nyi suverenitet v sovremennoj miropoliticheskoy sisteme* [Real Sovereignty in the Modern World Political System]. Moscow: Evropa. 140 p. (In Russ.)

Кокошин А.А., Кокошина З. А. (2023) Процессы глобализации и деглобализации в условиях нарастающего противостояния США и КНР и интересы России // Вестник Российской академии наук. Т. 93. № 10. С. 942–954.

Kokoshin A.A., Kokoshina Z. A. (2023) Processy' globalizacii i deglobalizacii v usloviyax narastayushhego protivostoyaniya SShA i KNR i interesy' Rossii [Processes of Globalization and Deglobalization in the Context of Growing Confrontation between the United States and China and the Interests of Russia]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, vol. 93, no. 10, pp. 942–954. (In Russ.)

Коленникова Н.Д. (2023) Российское общество в период глобальной турбулентности: вызовы и возможности // Социологические исследования. № 1. С. 154–156.

Kolennikova N.D. (2023) Rossijskoe obshhestvo v period global'noj turbulentnosti: vyzovy i vozmozhnosti [Russian Society in a Period of Global Turbulence: Challenges and Opportunities]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 154–156. (In Russ.)

Комков Н.И. (2023) Трансформация и сохранение потенциала развития экономики России // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 173–183.

Komkov N.I. (2023) Transformaciya i sohranenie potenciala razvitiya ekonomiki Rossii [Transformation and Preservation of the Development Potential of the Russian Economy]. *Problemy prognozirovaniya*, no. 3, pp. 173–183. (In Russ.)

Крамарова Е.Н. (2022) Международное сотрудничество и конкуренция в области научно-технологического развития на современном этапе // Проблемы национальной стратегии. № 1. С. 252–267.

Kramarova E.N. (2022) Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo i konkurenciya v oblasti nauchno-tehnologicheskogo razvitiya na sovremennom etape [International Cooperation and Competition in the Field of Scientific and Technological Development at the Present Stage]. *Problemy nacionalnoj strategii*, no. 1, pp. 252–267. (In Russ.)

Красинец Е.С., Шевцова Т.В. (2023) Трудовая миграция и рынок труда в современной России: проблемы взаимодействия // Народонаселение. № 4. С. 52–56.

Krasinecz E. S. Shevczova T. V. (2023) Trudovaya migraciya i rynek truda v sovremennoj Rossii: problemy` vzaimodejstviya [Labor Migration and the Labor Market in Modern Russia: Problems of Interaction]. *Narodonaselenie*, no. 4, pp. 52–56. (In Russ.)

Латов Ю. (2023) Динамика массового сознания россиян: экстраординарная ситуация или начало нового цикла? // Политические исследования. № 4. С. 161–179.

Latov Yu. (2023) Dinamika massovogo soznaniya rossiiyan: ekstraordinarnaya situaciya ili nachalo novogo cikla? [Dynamics of Russians' Mass Consciousness: An Extraordinary Situation or the Beginning of a New Cycle?]. *Politicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 161–179. (In Russ.)

Левашов В.К. (2022) Тридцать лет и момент истины российских трансформаций // В: Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 20. Ред.: М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф. С. 47–79.

Levashov V.K. (2022) Tridzats' let i moment istiny rossijskih transformacij [Thirty Years and the Moment of Truth of Russian Transformations]. In: *Rossiya reformiruyushhayasya. Ezhegodnik*. Issue 20. Ed(s): M.K. Gorshkov. Moscow.: Novyj Khronograf. Pp. 47–79. (In Russ.)

Левашов В.К., Новоженина О.П. (2022) Гибридная социально-политическая реальность: сущность, мнения граждан и тенденции // Социологические исследования. № 12. С. 139–149.

Levashov V.K., Novozhenina O.P. (2022) Gibridnaya socialno-politicheskaya realnost': sushhnost', mneniya grazhdan i tendencii [Hybrid Socio-political Reality: The Essence of Citizens' Opinions and Trends]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 12, pp. 139–149. (In Russ.)

Локосов В.В. (2023) Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения // Народонаселение. Т. 26. № 4. С. 4–14.

Lokosov V.V. (2023) Chelovecheskij potencial: konceptualnye podhody i metodiki izmereniya [Human Potential: Conceptual Approaches and Measurement Techniques]. *Narodonaselenie*. vol. 26, no. 4, pp. 4–14. (In Russ.)

Лукьянов Ф.А. (2023) Глобальное большинство – на перекрестке мировой политики? // Проблемы национальной стратегии. № 2. С. 34–41.

Luk`yanov F.A. (2023) Globalnoe bolshinstvo – na perekrestke mirovoj politiki? [Is the Global Majority at the Crossroads of World Politics?]. *Problemy nacional`noj strategii*, no. 2, pp. 34–41. (In Russ.)

Неймарк М.А. (2023) Мессиянство и гегемония в современной геополитике: американский эксклюзив // Обозреватель-Observer. № 1. С. 6–16.

Nejmark M.A. (2023) Messianstvo i gegemoniya v sovremennoj geopolitike: amerikanskij eksklyuziv [Messianism and Hegemony in Contemporary Geopolitics: American Exclusive]. *Obozrevatel`-Observer*. no. 1, pp. 6–16. (In Russ.)

Сафронова Е.И. (2023) Китай и ирано-саудовское соглашение 2023 года: обстановка, цели и значение // Проблемы Дальнего Востока. № 3. С. 70–84.

Safronova E.I. (2023) Kitaj i irano-saudovskoe soglashenie 2023 goda: obstanovka, celi i znachenie [China and the Iran-Saudi Agreement of 2023: The Situation, Goals and Significance]. *Problemy Dal`nego Vostoka*, no. 3, pp. 70–84. (In Russ.)

Сидорова Г. (2023) Россия и Африка: старые друзья, новые возможности. По итогам второго саммита «Россия и Африка» // *Международная жизнь*. № 8. С. 18–27.

Sidorova G. (2023) Rossiya i Afrika: starye druzya, novye vozmozhnosti. Po itogam vtorogo sammita "Rossiya i Afrika" [Russia and Africa: old friends, new opportunities. Following the results of the second Russia and Africa Summit]. *Mezhdunarodnaya zhizn*, no. 8. pp. 18–27. (<https://interaffairs.ru/jauthor/material/2860>). (In Russ.)

Социальная реальность и социальная мифология (от социальной реальности неолиберализма – к социальной реальности) (2020) Т. 1. Ред.: Ю.А. Голубицкий. М.: Вече.

Socialnaya realnost' i socialnaya mifologiya (ot socialnoj real'nosti neoliberalizma – k social'noj real'nosti [Social Reality and Social Mythology (From the Social Reality of Neoliberalism to the Social Reality)] (2020) Vol. 1. Ed(s): Yu.A. Golubiczkij. Moscow: Veche. (In Russ.)

Социальная реальность и социальная мифология (от социальной реальности неолиберализма – к социальной реальности) (2021) Т. 2. Ред.: Ю.А. Голубицкий. М.: Вече.

Socialnaya realnost' i socialnaya mifologiya (ot socialnoj real'nosti neoliberalizma – k social'noj real'nosti [Social Reality and Social Mythology (From the Social Reality of Neoliberalism to the Social Reality)] (2021) Vol. 2. Ed(s): Yu.A. Golubiczkij. Moscow: Veche. (In Russ.)

Сушко П.Е. (2022) Представления россиян о путях развития России: распространенность и специфика // *Социологические исследования*. Т. 48. № 11. С. 25–37.

Sushko P.E. (2022) Predstavleniya rossiyan o putyakh razvitiya Rossii: rasprostranennost' i specifika [Russians' Ideas about Russia's Development Paths: Prevalence and Specificity]. *Sociologicheskie issledovaniya*, vol. 48, no. 11, pp. 25–37. (In Russ.)

Титаренко Л.Г. (2023) На пути к суверенной российской цивилизации // *Социологические исследования*. № 10. С. 162–167.

Titarenko L.G. (2023) Na puti k suverennoj rossijskoj civilizacii [On the Way to a Sovereign Russian Civilization]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 162–167. (In Russ.)

Тихонова Н.Е., Дудина И.В. (2023) Основные противоречия российского общества в восприятии населения страны: сравнительная значимость, факторы // *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 11. № 2. С. 6–24.

Tikhonova N.E., Dudina I.V. (2023) Osnovnye protivorechiya rossijskogo obshhestva v vospriyatii naseleniya strany: sravnitel'naya znachimost', faktory [The Main Contradictions of Russian Society in the Perception of the Country's Population: Comparative Significance, Factors]. *Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika*, vol. 11, no. 2, pp. 6–24. (In Russ.)

Торкунов А., Стрельцов Д. (2023) Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // *Мировая экономика и международные отношения*. № 4. С. 5–16.

Torkunov A., Streltsov D. (2023) Rossijskaya politika povorota na Vostok: problemy` iriski [Russian Policy of Turning to the East: Problems and Risks] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4, pp. 5–16. (In Russ.)

Русанова Н.Е., Ван Е. (2023) Особенности нового китайского пронатализма // *Народонаселение*. № 4. С. 39–51.

Rusanova N.E., Van E. (2023) Osobennosti novogo kitajskogo pronatalizma [Features of the New Chinese Pronatalism]. *Narodonaselenie*, vol. 26, no. 4, pp. 39–51. (In Russ.)

Черныш М.Ф. (2022) Об историческом прошлом и идентичности современных россиян // В: *Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения)*. Ред.: М.К. Горшков. М.: Весь мир. 247 с.

Chernysh M.F. (2022) Ob istoricheskom proshlom i identichnosti sovremennyh rossiyan [About the Historical Past and Identity of Modern Russians]. In: *Istoricheskoe soznanie rossiyan: ochenki proshlogo, pamyat`, simvolyy (opyt sociologicheskogo izmereniya)*. Ed(s): M.K. Gorshkov. Moscow: Ves` Mir. 248 p. (In Russ.)

Фадеев П.В. (2023) Российская государственно-гражданская идентичность сквозь призму восприятия истории, культуры и общественно-политической жизни // Социологическая наука и социальная практика. Т. 10. № 3. С. 78–95.

Fadeev P.V. (2023) Rossijskaya gosdarstvenno-grazhdanskaya identichnost' skvoz' prizmu vospriyatiya istorii, kultury i obshhestvenno-politicheskoy zhizni [Russian State and Civil Identity through the Prism of Perception of History, Culture and Socio-political Life]. *Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika*, vol. 10, no. 3, pp. 78–95. (In Russ.)

Шлыков П. (2023) Турецкий кульбит. Стратегическое хеджирование – опыт практического применения // Россия в глобальной политике. № 3. С. 142–159.

Shlykov P. (2023) Tureczkij kul'bit. Strategicheskoe hedzhirovanie – opyt prakticheskogo primeneniya [Turkish Somersault. Strategic Hedging is a Practical Experience]. *Rossiya v global'noj politike*, no. 3, pp. 142–159. (In Russ.)

Информация об авторах

Андрей Афанасьевич Кокошин, академик РАН, профессор, директор Института перспективных стратегических исследований Национального исследовательского института «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: 101000, Россия, г. Москва, Мясницкая улица, д. 20. Заведующий кафедрой международной безопасности факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Адрес: 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: aakokoshin@gmail.com

Кокошина Злата Андреевна, научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корпус 5. E-mail: zlata.kokoshina77@gmail.com

About the authors

Andrey A. Kokoshin, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Director, Institute for Advanced Strategic Studies, HSE University. Address: 101000, 20, Myasnitskaya st., Moscow, Russia. Head of the Chair, Department of World Politics, Lomonosov Moscow State University. Address: 119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia. E-mail: aakokoshin@gmail.com

Zlata A. Kokoshina, Research Fellow, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: 117218, building 5, 24/35, Krzhizhanovskogost., Moscow, Russia. E-mail: zlata.kokoshina77@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 23.01.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 16.03.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 06.04.2024

Оригинальная статья / Original article

Предпосылки современного китайско-американского противоборства¹

© А.В. ГУБИН

Губин Андрей Владимирович, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия), Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР), gubin.av@dvfu.ru. ORCID: 0000-0001-6042-5754

Цель статьи – проанализировать причины комплексного противоборства КНР и США в современных условиях. Представляют интерес теоретическая, методологическая и идеологическая основы нарастания напряженности между этими странами. Новизна работы заключается в анализе предпосылок противостояния, с одной стороны, с точки зрения теории международных отношений, с другой – с учетом экспертных оценок, мнений политических деятелей, а также практической политики. Сформулирован вывод: новый виток конфликтности в мире вызван активизацией деятельности США, чтобы восстановить свое влияние и не допустить укрепления иных центров силы. Ориентация на многомерную конфронтацию без прямого военного столкновения была predetermined еще 30 лет назад. В то же время сейчас очевидно, что китайские инициативы в сфере экономики и безопасности находят все больше сторонников. В этих условиях, когда невозможно говорить об однозначном превосходстве США или Китая, необходим поиск компромиссов, возможностей для мирного сосуществования.

Ключевые слова: Китай, США, мировой порядок, глобальная безопасность, система международных отношений

Цитирование: Губин А.В. (2024) Предпосылки современного китайско-американского противоборства // Общественные науки и современность. № 2. С. 26–39. DOI: 10.31857/S0869049924020026, EDN: zndhji

¹ Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Китайской академии общественных наук (КАОН) в рамках научного проекта № 20-511-93005 «Развитие стратегического партнерства России и Китая в Восточной Азии».

Funding. This research was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Chinese Academy of Social Sciences (CASS), project number 20-511-93005.

Prerequisites for the Present China–US Confrontation

© A. GUBIN

Andrey Gubin, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia), Jilin University (Changchun, China), gubin.av@dvfu.ru. ORCID: 0000-0001-6042-5754

Abstract. The reasons for the complex confrontation between China and the United States in current conditions are analyzed. The theoretical, methodological and ideological foundations of the increase in tension between these countries are of interest. The novelty of the work lies in the analysis of the prerequisites for the confrontation, on the one hand, from the point of view of the theory of international relations, and on the other, taking into account expert assessments, opinions of politicians, as well as practical politics. The conclusion is formulated: a new round of conflict in the world is caused by the intensification of US activities to restore its influence and prevent the strengthening of other centers of power. The focus on multidimensional confrontation without direct military conflict was predetermined 30 years ago. At the same time, it is now obvious that Chinese initiatives in the field of economics and security are finding more and more supporters. In these conditions, when it is impossible to talk about the unambiguous superiority of the United States or China, a search for compromises and possibilities for peaceful coexistence is necessary.

Keywords: China, USA, world order, global security, system of international relations

Citation: Gubin A.V. (2024) Prerequisites for the Present China–US Confrontation. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 26–39. DOI: 10.31857/S0869049924020026, EDN: zndhji (In Russ.).

Сегодня мировой политический процесс во многом определяют американско-китайские отношения. КНР и США занимают лидирующие места по валовому внутреннему продукту и объему внешнеторговых операций, их торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество достигло беспрецедентных масштабов. Обе страны также обладают крупнейшими вооруженными силами, что позволяет отстаивать собственные интересы и обеспечивать свою безопасность, а также распространять свое влияние в регионах, представляющих для них стратегическое значение. Кроме того, в последнее время на отношения Пекина и Вашингтона стал влиять и ядерный фактор – во многом благодаря модернизации Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и наращиванию КНР стратегических ядерных сил.

Среди теоретиков и практиков нет единого мнения относительно отправной точки противоборства в разных сферах между КНР и США. Распространено мнение, что противоречия были заложены администрацией американского президента Б. Обамы, которая провозгласила политику «перебалансировки» в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в 2009 г. Двусторонние отношения существенно ухудшились после принятия Д. Трампом курса на строительство «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» в 2017 г., который был основан на принципах многомерной конкуренции с Китаем и ограничения экономических, технологических и военных возможностей Пекина посредством укрепления союзных и партнерских связей США с другими региональными акторами.

Тем не менее было бы неправильным утверждать, что ранее в США и Китае не осознавали неотвратимость возможного столкновения интересов и нарастания противоречий. Для давления на китайское руководство и ухудшения международного имиджа КНР американцы раскручивают проблематику горячих точек в регионе, таких, например, как

Тайваньский пролив и Южно-Китайское море. Кроме того, они намеренно привлекают внимание мирового сообщества к вымышленным темам: «нарушению прав человека» в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и в Гонконге, мировой «китайской экспансии», «нарушению прав интеллектуальной собственности» и др. Важно, что западные теоретики обосновали вероятность столкновения интересов Вашингтона и Пекина более 30 лет назад, когда экономические и военные возможности двух стран были несоизмеримы. Вместе с тем американское руководство не предприняло мер, чтобы не допустить подобного развития событий, что может свидетельствовать о его системных стратегических просчетах.

Анализируя причины возникновения противоборства КНР и США на современном этапе, нужно принимать во внимание теоретическую и идеологическую основы нарастания напряженности. Новизна работы связана с рассмотрением предпосылок противостояния, с одной стороны, с точки зрения теории международных отношений, с другой – с учетом экспертных оценок, мнений политических деятелей, а также практической политики. Методология исследования выстроена вокруг системного подхода с привлечением элементов компаративного и ряда эвристических методов (синектика, аналогия, функциональный анализ и др.). Источниковую базу составили работы американских и китайских авторов – теоретиков и практиков международных отношений. Важную роль играют официальные документы, выступления политических деятелей, экспертные оценки. Нижняя граница хронологических рамок работы относится к концу 1980-х – началу 1990-х гг., когда впервые заговорили о неизбежности американо-китайских противоречий.

Турбулентность как конец однополярности

Сегодня глобальные политические и экономические процессы в значительной мере сосредоточены в АТР. Однако набирающее обороты противостояние США и КНР распространяется по всему миру. Американо-китайское соперничество – это не результат случайного недопонимания и тактических ошибок, а следствие изменения после распада Советского Союза системы международных отношений. И США, и КНР претендуют сегодня на роль единственного тихоокеанского лидера. Несмотря на позитивный опыт компромиссов в 1970–1980-е гг., Вашингтон явно не намерен уступить свои позиции глобального гегемона и позволить другим державам выйти на первые роли в стратегически значимых для него регионах.

После окончания холодной войны и распада биполярной системы международных отношений, основанной на взаимном сдерживании и балансе сил, государства Азиатско-Тихоокеанского региона оказались в ситуации анархии или, согласно терминологии американского политолога Дж. Розенау, турбулентности. Главная особенность турбулентной политики – неопределенность. После распада биполярной системы формирование мировой политики происходило в условиях наращивания сложности и динамизма социально-политических процессов, в то время как сложившиеся ранее правила уже не работали [Rosenau 1990]. Одна из причин турбулентности – неспособность государств эффективно решать внутренние политические вопросы, которые все теснее переплетаются с международными проблемами и выходят за рамки юрисдикции этих стран [Баранов 2018].

В конце XX в. в мире утвердилась гегемония единственной сверхдержавы – США, однако эта ситуация не могла продолжаться долго в силу нарастания турбулентности. Оказалось, что возможности сверхдержавы поддерживать порядок в глобальном масштабе и одновременно решать собственные задачи ограничены. Соединенные Штаты все еще превосходят другие государства по индексу совокупной мощи, включая ее военный ком-

понент, но большинство требующих решения проблем не поддается только силовому воздействию. Фактически Вашингтон оказался не в состоянии мотивировать партнеров объединиться на добровольной основе, а также противодействовать возникновению форматов, альтернативных американоцентричным. Более того, в ряде случаев отмечаются трения и между союзниками Вашингтона, которые стремятся найти выгодные для себя варианты защиты национальных интересов.

В ходе мировой истории отношения между доминирующей державой и ее потенциальными соперниками нередко приводили к конфликтам. Лидеры позиционируют себя как поборников справедливого международного порядка, который на самом деле отвечает их интересам, тогда как новым силам требуется пространство для развития за пределами status quo. Как отметил бывший премьер-министр Сингапура Ли Кван Ю, «XXI век будет ознаменован соревнованием за лидерство на Тихом океане как ключевом регионе роста... кто не имеет твердых позиций в Тихоокеанском бассейне, не может оставаться в роли мирового лидера»².

Согласно воззрениям известного китайского теоретика Янь Сюэтуна, американское господство после окончания холодной войны носило исключительно временный характер – до формирования биполярности нового образца, в которой Китай будет играть роль «младшей сверхдержавы» [Yan 2019]. Однако сегодня ситуация складывается таким образом, что сложно говорить о создании определенной иерархии в международных отношениях. Вашингтон и его союзники усматривают в мирном росте КНР непосредственную угрозу собственному лидерству и либеральному миропорядку, хотя Пекин никогда открыто не провозглашал цель свергнуть западную гегемонию и не противопоставлял себя западной цивилизации. В частности, заведующий отделом международных связей Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) Лю Цзяньчао во время визита в США в январе 2024 г. отметил, что «Китай не ищет путей изменения современного мирового порядка или создания нового, поскольку получает очевидную выгоду от текущего положения дел»³.

Теоретические обоснования снижения могущества США

Современная ситуация в американо-китайских отношениях укладывается в теорию циклов, которую предложил в конце 1970-х гг. американский ученый Дж. Модельски [Современные теории международных отношений... 2013, 50–64]. В данной интерпретации международные отношения предстают как система глобального управления во главе с государством-лидером. В политическом устройстве участвуют все великие державы, однако центральный его элемент составляют отношения между государством-лидером и его ближайшим соперником. Через регулярные промежутки времени основной потенциал силы концентрируется в руках одного государства-лидера, которое определяет дальнейшие параметры развития мировой системы как системы глобального управления. С течением времени происходит неизбежное перераспределение силы, и гегемон утрачивает власть. Каждый цикл неизбежно завершается войной за первенство между великими державами.

² Interview with Lee Kwan Yew. Charlie Rosie. The Power of Question. 22.10.2009. (<https://charlierose.com/videos/15567>).

³ Official: China won't upend the global order. 10.01.2024. (<https://www.ecns.cn/news/2024-01-10/detail-ihcwrvv3808286.shtml>); Senior CPC official's US trip to push bilateral ties for a stable start in 2024. 09.01.2024. (<https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305067.shtml>).

После 2000 г., по прогнозам Модельски, США постепенно должны были утрачивать силу и власть, а к 2030 г., как предполагалось, произойдет смена глобального лидера. После завершения очередного цикла важно обеспечить рост мировой экономики, которая переживает экспоненциальные кризисы, связанные прежде всего с ростом потребления при ограниченности ресурсов. В работе «Сценарий развития мировой политики до 2016 г.», опубликованной в 1987 г., эксперт предположил, что глобальная война в период смены мирового лидера маловероятна [Modelski 1987]. Более того, ко времени заката США СССР должен был сохранить позиции великой державы, тогда как растущие Китай, Индия, Япония и Евросоюз еще не были бы в состоянии оспорить американское лидерство. Модельски полагал, что к 2016 г. мир в значительной мере сохранит биполярную конфигурацию и будет относительно стабильным, хотя и возникнут новые коалиции. Основные политические проблемы по-прежнему будут связаны с предотвращением ядерной войны и формированием обновленной международной системы. Согласно прогнозу, центр мирового развития должен сместиться в АТР, советская (российская) и китайская политическая активность на Дальнем Востоке существенно возрасти. Однако, по мнению автора теории циклов, к 2030 г. мир ввиду информационной революции и эрозии суверенитетов государств все же подошел бы к порогу глобальной войны, сущность которой ввиду разрушительного характера современного оружия будет совершенной иной, нежели мировые войны XX в. [Rasler; Thompson 1994, 20–21].

Несмотря на то, что применение теории циклов не позволило предсказать крушение Советского Союза, а в ряде случаев анализ исторического развития был подменен математической экстраполяцией в угоду универсализации, в данной теории довольно верно отражены современные тенденции мирового развития. Стремление к многополярности в ряде случаев сводится к биполярной конфронтации, а вторым полюсом, который мог бы оспорить американскую гегемонию, пусть пока и в ограниченных масштабах в рамках АТР, стал Китай. Более того, 2030 г. действительно фигурирует во многих доктринальных документах, регламентирующих развитие вооруженных сил и стратегию национальной безопасности США, Китая и России.

В этой связи интересен подход американского политолога Р. Гилпина, который считал, что международные отношения постоянно меняются, а могущество связано с экономическим лидерством государства. Центральное место в разработанной им теории гегемонистской стабильности занимает концепция экономического лидерства государства-гегемона с учетом совокупности его интересов. В этом случае международные отношения предстают как определенный вид подчинения, наиболее стабильный из которых – имперский или гегемонистский. Биполярные и многополярные модели мироустройства, основанные лишь на балансе сил, представляются ученому нестабильными [Gilpin 1981, 107].

Гилпин описывает цикличность как динамику неравномерного роста показателей экономической, военной и технологической мощи. После достижения высшей точки гегемон сталкивается с тенденциями, возвращающими международную систему в силовое равновесие. Гилпин предполагал, что в определенный момент США не смогут платить за мировое лидерство и управлять глобализацией, масштаб которой существенно преувеличен [Gilpin 2000, 3–10]. Более того, дестабилизирующим международную систему фактором оказывается регионализация – стремление региональных лидеров к доминированию в рамках исторических пространств, когда выход на новые рынки обеспечивает блокировка интеграционных объединений. По мнению Гилпина, развязыванию глобальной войны предшествуют несколько событий: сжатие пространства, свободного от конфликта интересов; уменьшение возможностей для компромиссов из-за представления всех политических ситуаций в виде игры с нулевой суммой; намеренное инициирование превентивных

конфликтов в социальной, экономической и идеологической сферах; утрата политиками контроля над ситуацией. Несмотря на заметные несовершенства этой концепции, особенно в том, что касается связи гегемонизма с мировой экономикой, а также тождественности внутренней и внешней политики, развитие международных отношений во многом соответствует ее положениям.

Американские политологи предвидели рост мощи и влияния Китая. В частности, С. Хантингтон писал, что внешняя экспансия Великобритании, Франции, Германии, Японии, СССР и США совпала с фазой интенсивной индустриализации. Китай только в начале 1990-х гг. достиг данной стадии экономического развития, поэтому расширение его влияния на протяжении следующих лет неизбежно [Huntington 1991, 12]. Однако ученый не видел в КНР экзистенциальной угрозы, не наделял ее агрессивными чертами и конфликтным потенциалом.

Известный международник Дж. Миршаймер также высказывал уверенность относительно того, что Китай будет стремиться к доминированию в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а возможно, и в мире, повторяя путь многих потенциальных гегемонов [Mearsheimer 2001, 400]. На его взгляд, главная проблема состоит в том, что США не выработали эффективную модель взаимодействия с КНР, концентрируя внимание на глобалистских представлениях о международной системе, рассматривая развитие тех или иных региональных держав исключительно в краткосрочной перспективе.

Страны Запада на протяжении последних двух веков определяли мировую политику, сосредоточив в своих руках большую часть мирового богатства. Именно поэтому Китай, экономика которого за 30 лет политики реформ и открытости увеличилась в несколько раз, видится олицетворением «восточного вызова» евро-атлантической парадигме международных отношений. Однако главный вызов связан не столько с возвышением КНР, сколько с системным кризисом американоцентричного порядка. Говоря об очевидном росте потенциала КНР превратиться из региональной державы в глобальную, необходимо избегать линейной макиавеллистской логики. Экономическое развитие Китая само по себе не представляет прямой и явной угрозы Соединенным Штатам, военные приготовления также напрямую не направлены против Вашингтона. Китайские лидеры не стремятся к полномасштабной войне, вопреки оценкам некоторых экспертов, которых можно отнести к противникам Китая [Babbin, Timperlake 2006]. Более того, суммируя мнения американских специалистов по Китаю, можно сделать вывод, что для США усиление КНР таит в себе больше возможностей, чем опасностей. Если же относиться к Пекину только как к врагу, то рано или поздно он таковым и станет [Friedberg 2012, 5].

Некоторые западные аналитики выражают сожаление, что после распада СССР американская администрация долгое время воспринимала Восточную Азию исключительно как экономического партнера, не уделяя должного внимания политике и безопасности. Государственный департамент и Министерство обороны США выступали во взаимодействии с регионом на вторых ролях. В результате Вашингтон оказался не готов к существенному перераспределению баланса сил, вызванному возвышением Китая, и был вынужден реагировать на новую ситуацию на международной арене в срочном порядке [Friedman 2012, 168]. Бесспорно, спешка и явная наступательная позиция США крайне беспокоят Пекин и создают непростую ситуацию выбора единственного стратегического партнера для многих стран АТР.

США vs КНР: трудности взаимного восприятия

Одно из главных противоречий в американо-китайских отношениях связано с принципиальным различием политических систем и идеологий. Именно тот факт, что себя США провозглашают либеральной демократией, а Китай объявляют авторитарным государством, противопоставляя себе, усиливает взаимное недоверие и конкуренцию. Политолог М. Дойл полагал, что в отношениях между демократиями и теми государствами, которыми они таковыми не считают, всегда присутствуют подозрения [Doyle 1983]. В представлениях большинства американцев образ Китая неизменно связан с нарушениями прав человека и узурпацией власти некой верхушкой, что имеет негативную коннотацию в либеральной традиции. Эта особенность общественного мнения существенно затрудняет межправительственный диалог, укрепляет взаимное неприятие.

На протяжении более чем двадцати лет американские официальные лица призывают китайских коллег быть более открытыми в вопросах безопасности, оборонных расходов. Однако ввиду особенностей механизма принятия решений в этой сфере Пекин весьма неохотно идет на диалог, поскольку считает эти вопросы входящими в перечень его основных национальных интересов. Впрочем, даже если бы КНР вдруг начала проводить более открытую информационную политику, в Вашингтоне восприняли бы это как дезинформацию и двойную игру [Friedberg 2012, 43]. По-видимому, можно говорить о том, что в США сознательно противопоставляют Китай западному миру и отрицают китайский подход к построению демократии, гражданского общества и правового государства.

Согласно опросу, проведенному Центром Пью (Pew Research Center), в 2012 г. 65% американцев оценивали американо-китайские отношения как хорошие, однако 66% считали Китай конкурентом, а 15% – врагом. 68% респондентов в США полагали, что КНР нельзя доверять, однако основную угрозу американцы усматривали в области экономического, а не военного противостояния (59 против 28% соответственно). Кроме того, 59% жителей США, участвовавших в опросе, были уверены, что КНР не учитывает интересы Америки в своей внешней политике. Интересно, что практически одинаково были озабочены позицией Китая сторонники и Республиканской, и Демократической партий, чего не наблюдалось с распада СССР⁴.

Через десять лет – в 2023 г., Pew Research Center опубликовал результаты очередного подобного опроса, которые свидетельствуют о резком ухудшении восприятия Китая и его политики в американском обществе: теперь уже 83% респондентов относятся к Китаю скорее негативно, при этом рост таких настроений составлял примерно 4% в год. 40% опрошенных видят в КНР противника США, что на 13% больше, чем год назад. Примечательно, что главная угроза видится не в Китае так таковым, а в укреплении китайско-российского партнерства (62%). Кроме того, 47% американцев считают серьезной проблемой, способной вызывать конфликт, ситуацию в Тайваньском проливе⁵. Конечно, мнения респондентов складываются в значительной мере под влиянием официальной позиции властей.

Двадцать лет назад аналитики американской некоммерческой научно-исследовательской организации RAND утверждали, что в случае большей демократизации Китая по

⁴ How Americans and Chinese View Each Other. Pew Research, Global Attitudes Project. 01.11.2012. (<http://www.pewglobal.org/2012/11/01/how-americans-and-chinese-view-each-other>).

⁵ Americans are critical of China's global role – as well as its relationship with Russia. Pew Research Center. 12.04.2023. (<https://www.pewresearch.org/global/2023/04/12/americans-are-critical-of-chinas-global-role-as-well-as-its-relationship-with-russia>).

западному образцу предубеждение американских политиков относительно непредсказуемости и агрессивности коммунистического режима может быть преодолено, и это облегчит принятие решения о сокращении военного присутствия США в западной части Тихого океана [Burles, Shulsky 2000]. Однако данный прогноз не сбывся: оказалось очень удобно оправдывать рост собственной военной активности в АТР пресловутым недостатком в Китае демократии.

Следует иметь в виду, что попытки Вашингтона полностью изолировать и подчинить себе КНДР, Иран, Сирию и некоторые другие страны потерпели неудачу во многом благодаря активной китайской позиции. Позитивный образ КНР крепнет среди стран с переходными формами правления или режимами с четко выраженными национальными особенностями на Ближнем Востоке, в Африке, Латинской Америке, Центральной и Юго-Восточной Азии, поскольку сотрудничество с Китаем воспринимают там как источник экономического благополучия и безопасности [Ramo 2004].

Китайские лидеры новой формации не считают себя революционерами, обязанными разжечь мировой пожар, однако не сомневаются в том, что Вашингтон – их главный идеологический соперник, который добивается верховенства империалистических принципов по всему миру под видом борьбы с тиранией и распространения демократии. Китайские аналитики внимательно изучили опыт развала СССР, а также изоляции КНДР, Кубы, Ливии, Ирака, Ирана и Венесуэлы от внешнего мира и поэтому склонны создавать новые идеологемы и модели, привлекательные для возможных партнеров. Китай выстраивает собственный имидж, сочетая элементы торговой дипломатии и «мягкой силы», не акцентируя внимание на наращивании силового потенциала, что позволяет многим странам не воспринимать его как угрозу своей безопасности и суверенитету. Сегодня такой подход можно назвать формированием потенциала дискурсивной силы [Денисов 2020], когда многомерное международное сотрудничество с КНР постепенно создает новую реальность с собственными механизмами и логикой.

Препятствия для американо-китайского сближения

В соответствии с постулатами так называемой теории демократического мира, демократии друг с другом не воюют, тяготея к миру [Дугин 2013, 130–133]. Спорность подобного излишне общего суждения очевидна, но такова логика адептов теории. Так, М. Дойл полагал, что взаимодействия между демократиями более безопасны для участников, поскольку решение о войне с похожим режимом вряд ли может быть популярным. В отношении же недемократий либеральные государства вполне могут прибегать к интервенциям, превентивным ударам и т. д. с целью обеспечить собственную безопасность, которая представляется универсальным благом [Doyle 1983].

В середине 1990-х гг. американский экономист Роуэн рассчитал, какой уровень ВВП на душу населения необходим, чтобы начался демократический транзит. Согласно этим выкладкам, КНР уже к 2015 г. должна была стать демократией либерального типа [Rowen 1996]. Политолог Б. Джилли считал, что Компартия Китая будет затягивать демократический транзит на протяжении первых двадцати лет нового века, однако с 2019 г., возможно, в ознаменование 70-летней годовщины образования КНР, будут начаты политические реформы в соответствии с ожиданиями населения и ростом уровня жизни [Gilley 2004, 32]. Как видим, западные специалисты не учли китайских особенностей построения демократического среднезажиточного общества, в котором нет запроса на повышение политической активности граждан за рамками разрешенных политических партий.

В этой связи с целью сформировать некие общие ценности Вашингтон всячески приветствовал участие КНР в различных интеграционных объединениях и отраслевых организациях, таких как форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, Региональный форум Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, Всемирная торговая организация. В 1990–2000-е гг. активно шли двусторонние консультации по вопросам безопасности, военные обмены и учения. Американские политики неоднократно высказывались о Китае как об «ответственном акционере» в Тихоокеанской Азии [Zoellick 2005]. Однако институционализация партнерства так и не стала достаточным основанием для снижения конфликтности, тем более что Пекин предпочел двусторонние схемы или контролируемые им самим форматы, такие как Шанхайская организация сотрудничества или АСЕАН+3, впоследствии выросший до уровня Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП) – самой большой в мире зоны свободной торговли.

В 1970-х гг. одной из причин американо-китайского сближения служила общая «советская угроза». Сегодня отсутствуют серьезные угрозы, требующие совместных усилий Вашингтона и Пекина. Некоторое время американо-китайский диалог строился вокруг «северокорейской ядерной проблемы» даже после провала шестисторонних переговоров. Однако распространение оружия массового уничтожения и ракетных технологий не представляет для КНР реальной опасности, несмотря на четкую негативную позицию относительно ракетно-ядерной программы Пхеньяна. В настоящее время видение ситуации Китаем и Россией полностью противоречит американскому подходу к вопросам безопасности на Корейском полуострове и во всей Восточной Азии.

Что касается транснационального терроризма исламского толка, то для Китая эта проблема актуальна только применительно к Синьцзяну, причем как сугубо внутренняя, что исключает любое внешнее вмешательство. Пекин выстраивает борьбу с радикализмом вокруг пресечения контактов международных ячеек с экстремистами в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и Тибете. Транснациональная преступность, проблемы здравоохранения и охраны окружающей среды не настолько важны, чтобы напрямую угрожать существованию государства, а потому сотрудничество со странами Запада в этой области не является для КНР жизненно необходимым.

Достаточно перспективным направлением сближения могло бы стать подписание Китаем со странами АСЕАН Кодекса о поведении в Южно-Китайском море, который потенциально способствовал бы урегулированию территориальных противоречий. Вместе с тем США настаивают на одностороннем сворачивании Китаем всей военной активности в регионе. США не подписали Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. и не признают ее положения. Поэтому они полагают возможным осуществлять миссии по безопасности мореплавания (FONOP) в Южно-Китайском море, что в КНР считают неприемлемым. Более того, страны АСЕАН в настоящее время склонны самостоятельно договариваться с Китаем, ставя экономические интересы выше политических – ведь существенная часть товарооборота стран Юго-Восточной Азии приходится на КНР⁶.

Обладание ядерным оружием и стратегическими носителями – достаточное основание для поддержания постоянного диалога на высшем уровне и мощный фактор сдерживания. Американский политолог Э. Голдстейн полагал, что ситуация ядерного сдерживания существенно уменьшает опасность, которую таит в себе обретение Китаем статуса глобальной державы, поскольку в этом случае его поведение должно стать более предсказуемым [Goldstein 1998, 70]. Однако пока что противостояние США и Китая не достигло

⁶ Tiezzi, S. Why China isn't interested in the South China Sea Code of Conduct. The Diplomat. 26.02.2014. (<http://thediplomat.com/2014/02/why-china-isnt-interested-in-a-south-china-sea-code-of-conduct/>).

критического уровня. Стратегические ядерные силы КНР выстроены по принципу минимально необходимого уровня сдерживания, что позволяет отложить вопрос об ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ) подобно американско-российским договорам об СНВ и статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. Пекин полагается на действенность собственного заявления о неприменении ни при каких условиях ядерного оружия первым против любого противника в качестве гарантии от ядерного удара⁷. Более того, опыт американско-советского ядерного сдерживания показывает, что сверхдержавы охотно вступают в противоборство опосредованно – на мировой периферии, не признавая открытого конфликта между собой [Barass 2009; Стародубов 2007]. Поэтому даже если Пекин и решится в будущем на переговоры об СНВ, это не станет надежной гарантией улучшения отношений с Вашингтоном.

Учитывая, что уже развернутые системы противоракетной обороны США наземного и морского базирования существенно ограничивают возможности стратегических ядерных сил КНР, вероятно, Китай мог бы присоединиться к отдельным российским инициативам и противодействовать попыткам США развернуть наземные и морские мобильные компоненты американской противоракетной обороны в АТР.

Может ли Китай стать новым гегемоном?

При рассмотрении возможности замены Соединенных Штатов Китаем в качестве глобального лидера стоит предварительно ответить на два вопроса: нужно ли это самому Китаю и располагает ли он соответствующим потенциалом? По мнению председателя КНР Си Цзиньпина, «Китай не желает становиться так называемым мировым полицейским или замещать кого-либо в этой роли»⁸.

В КНР внимательно изучили американский опыт создания международных институтов, с помощью которых Вашингтон контролирует мировые финансовые и хозяйственные процессы, а также поддерживает функционирование Бреттон-Вудской системы. Китай пока не имеет достаточного опыта создания универсальных многосторонних механизмов и продвижения собственных стандартов и модели развития. Определенные шансы на успех связаны с идеей развернуть региональный финансовый институт на основе Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, а также расширить инициативы по линии БРИКС, например, по расчетам в национальных валютах. По-видимому, создание универсальной организации, которая будет обеспечивать высокую степень экономической и политической интеграции стран региона, типа Европейского союза, пока не отвечает интересам Пекина⁹.

Для Китая чрезвычайно полезен российский опыт сохранения общего культурного и экономического пространства в рамках СНГ, в том числе и негативный пример Украины. Кроме того, Пекин извлек уроки из практики многосторонней кооперации по линии Шанхайской организации сотрудничества, включая формирование равноценного партнерства и следование принципу взаимной выгоды. Как представляется, Москва заинтересована в участии Пекина в интеграционных объединениях и рассчитывает в дальнейшем разделить с ним сферы ответственности на евразийском пространстве.

⁷ В Китае заявили, что не намерены первыми применять ядерное оружие. ТАСС. 03.08.2022. (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15376033>).

⁸ 习近平：中国不想成为所谓的“世界警察” (Xi Jinping. China doesn't want to be a world's policeman). 中国网 (China.com). 2015-10-19. (http://www.china.com.cn/news/2015-10/19/content_36838756.htm).

⁹ Xue Li, Cheng Zhangxi. Will China replace the US global role? The Diplomat. 28.04.2018. (<https://thediplomat.com/2018/04/will-china-replace-the-us-global-role/>).

Пекин полагается на идеи многополярности, поэтому формально не намерен устанавливать ситуацию баланса сил в Восточной Азии. Доминирование Вашингтона в АТР китайское руководство признает несправедливым, отмечая, что «азиатские вопросы должны решаться самими азиатами»¹⁰. Вопрос о постепенном снижении влияния США при росте могущества Китая в Восточной Азии для китайцев решен. Регион рассматривается как геополитическое жизненное пространство для устойчивого развития КНР, тогда как деятельность США вбивает клин между Китаем и его естественными союзниками в регионе [Xu, Zhao 2007]. Некоторые аналитики считают, что миссия Китая – бросить глобальный вызов Соединенным Штатам¹¹. Однако наиболее целесообразный вариант ответных действий Китая на недружественную деятельность США – формирование внешнего окружения путем создания механизмов и институтов сотрудничества при постепенном создании значимого военного потенциала в стратегически важных для страны районах.

Профессор Пекинского университета международных отношений Цинь Яцин утверждает, что современная китайская система международных отношений, которую Пекин продвигает в АТР и некоторых других регионах, подразумевает наличие политической власти и общественного порядка на «природных» принципах [Qin 2013]. Структура международной системы иерархична, так как гармонию и безопасность должно поддерживать одно самое авторитетное государство. Можно сказать, что Китай противопоставляет анархичной Вестфальской системе международных отношений, которая провоцирует межгосударственные конфликты, фокусируясь на национализме. Подобный подход, в случае его успеха на политическом, экономическом и культурном уровнях, формирует некое «общество Поднебесной», где центр не эксплуатирует, а защищает периферию, исходя из принципов взаимозависимости и процветания как Китая, так и всех его соседей и исключая любое вмешательство во внутренние дела друг друга.

В 2004 г. американский политолог Дж. Рамо описал Пекинский консенсус как модель впечатляющих достижений и привлекательного опыта КНР. Основные особенности данной модели: успешная адаптация к глобализации, ключевая роль государства в экономике, рост промышленности, улучшение уровня жизни населения, стремительное развитие науки, техники и образования [Ramo 2004]. По мнению ученого, некоторые страны Восточной Азии и Латинской Америки, которые изначально следовали Вашингтонскому консенсусу, позднее переняли китайскую стратегию социально-экономического развития. Пекинский консенсус, в отличие от Вашингтонского, делает акцент на этических принципах, общественном развитии, экономическом росте, а также глобальном балансе сил.

Профессор Дин Шэн из Университета Блумсберг полагает, что современная КНР может позиционировать себя в качестве державы, которая способна изменить статус-кво в регионе в свою пользу. Китай следует глобальной стратегии, основанной на «мягкой силе», и эффективно применяет ее на пути к статусу доминантной державы. Пекинское руководство, продолжая всестороннюю модернизацию, не только продвигает идею «мягкой силы», но и внедряет новую глобальную стратегию, основанную на формировании благоприятного имиджа страны [Ding 2010].

В целом представляется справедливой оценка австралийского политолога Х. Уайта, который характеризует линии поведения Вашингтона и Пекина в отношении друг друга

¹⁰ Chin C. Xi Jinping's 'Asia for Asians' mantra evokes imperial Japan. South China Morning Post. 14.07.2014. (<http://www.scmp.com/comment/insight-opinion/article/1553414/xi-jinpings-asia-asians-mantra-evokes-imperial-japan>)

¹¹ Buckley C. China PLA Officer Urges Challenging U.S. Dominance. Reuters. 28.02.2010. (<http://www.reuters.com/article/2010/03/01/us-china-usa-military-exclusive-idUSTRE6200P620100301>).

как «ведущие к катастрофе»¹². Китай выстраивает новую модель отношений между великими державами, одним из центральных элементов которой можно считать стремление ослабить влияние США в Восточной Азии. Вашингтон в свою очередь заявляет о желании защитить азиатских союзников и партнеров от «гегемонии Пекина». Обе стороны прибегают к демонстрации силы, которую можно рассматривать как подготовку к ограниченным столкновениям на море и в воздухе, что обусловлено географическими особенностями АТР, страны которого выходят к обширным морским пространствам.

Однако следует учитывать мотивацию сторон на применение силы. Так, поведение США свидетельствует о намерениях и далее эксплуатировать страны Восточной Азии, провоцируя напряженность в регионе, чтобы не допустить объединения государств на принципах гармонии и взаимной выгоды. Китай защищает исключительно собственные интересы, ориентируясь на безопасность и развитие. Именно этим объясняется его все более тесное партнерство с Россией в военной, политической и других стратегических областях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Баранов Н.А. (2018) Турбулентность – характерный признак современной мировой политики // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. № 2. С. 6–16.

Baranov N. (2018) Turbulenost' – kharakternyy priznak sovremennoy mirovoy politiki [Turbulence as a distinguishing feature of the contemporary world politics]. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obzrevatel' – Observer*, no. 2, pp. 6–16. (In Russ.)

Денисов И.Е. (2020) Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. Т. 11. № 4. С. 42–52.

Denisov I. (2020) Kontseptsiya “diskursivnoy sily” i transformatsiya kitayskoy vneshney politiki pri Si Tszin'pine [The Concept of ‘Discursive Power’ and the Transformation of Chinese Foreign Policy under Xi Jinping]. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics]*, vol. 11, no. 4, pp. 42–52. (In Russ.)

Дугин А.Г. (2013) Международные отношения: парадигмы, теория, социология. М.: Академический проект. 348 с.

Dugin A. (2013) *Mezhdunarodnye otnosheniya: paradigm, teoriya, sotsiologiya*. [International Relations: paradigms, theory, sociology]. Moscow: Akademicheskiiy proekt. 348 p. (In Russ.)

Современные теории международных отношений (2013) / Ред. В.Н. Конышев, А.А. Сергунин. М.: РГ-пресс. 368 с.

Sovremennye teorii mezhdunarodnyh otnosheniy [Contemporary international relations theories] (2013) / Eds: V.N. Konyshchev, A.A. Sergunin. Moscow.: RG-Press. 2013. 368 p. (In Russ.)

Стародубов В.П. (2007) От разоружения к капитуляции. М.: Вече. 416 с.

Starodubov V.P. (2007) Ot razoruzheniya k kapitulyaciyi. [From disarmament to capitulation]. Moscow.: Veche. 2007. 416 p. (In Russ.)

Babbin J., Timperlake E. (2006) *Showdown: Why China wants War with the United States*. Washington D.C.: Regnery. 226 p.

Barrass G. (2009) *The Great Cold War: a Journey through the Hall of Mirrors*. Stanford: Stanford University Press. 484 p.

Burles M., Shulsky A. (2000) *Patterns in China's Use of Force: Evidence from History and Doctrinal Writings*. Santa Monica: RAND. 122 p.

¹² White H. Why China and America are Headed Toward a Catastrophic Clash. The World Post. 06.02.2014. (http://www.huffingtonpost.com/hugh-white/china-america-relations_b_5412014.html).

- Ding S. (2010) Analyzing rising power from the perspective of soft power: a new look at China's rise to the power // *Journal of Contemporary China*. Vol. 19, no. 64, pp. 255–272.
- Doyle M. (1983) Kant, Liberal Legacies and Foreign Affairs // *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 12, no. 3, pp. 205–235.
- Friedberg A. (2012) *A Contest for Supremacy: China, America and the Struggle for Mastery in Asia*. New York: W.W. Norton & Company. 384 p.
- Friedman G. (2012) *The Next Decade: Empire and Republic in a Changing World*. New York: Anchor books. 272 p.
- Gilley B. (2004) *China's Democratic Future: How it will happen and where it will lead*. New York: Columbia University Press. 320 p.
- Gilpin R. (2000) *The Challenge of Global Capitalism: the World Economy in the 21st Century*. Princeton: Princeton University Press. 408 p.
- Gilpin R. (1981) *War and Change in World Politics*. New York, Cambridge: Cambridge University Press. 288 p.
- Goldstein A. (1998) Great Expectation: Interpreting China's Arrival // *International Security*. Vol. 22, no. 3, Winter. P. 36–73.
- Huntington S. (1991) America's Changing Strategic Interests // *Survival*. Vol. 33, no. 1, pp. 3–17.
- Mearsheimer J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton, 2001. 592 p.
- Modelski G. (1987) Scenario for the year 2016 // *Exploring long cycles*. Ed.: G. Modelski. Lynne Rienner Publishers. P. 218–248.
- Qin Y. (2013) Culture and global thought: Chinese international theory in the making // *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*. No. 100, pp. 67–89.
- Ramo J.C. (2004) *The Beijing Consensus: notes on the new physics of Chinese power*. London: The Foreign Policy Center. 74 p. (<http://fpc.org.uk/fsblob/244.pdf>)
- Rasler K., Thompson W. (1994) *The Great Powers and Global Struggle 1490–1990*. Lexington: The University Press of Kentucky. 296 p.
- Rosenau J.N. (1990) *Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 480 p.
- Rowen H. (1996) The Short March: China's Road to Democracy // *National Interest*. Vol. 45, Fall. P. 61–70.
- Yan X. (2019) The Age of Uneasy Peace // *Foreign Affairs*. January/February. Vol. 98, no. 1, pp. 40–49.
- Zoellick R. (2005) *Whither China: from Membership to Responsibility? Remarks to a National Committee on U.S.–China relations*. New York. September 21. U.S. Department of State Archive. (<http://2001-2009.state.gov/s/d/former/zoellick/rem/53682.htm>)
- Xu P., Zhao Q. (2007) Zhongguo zhoubian anquan huanjing touxi [An Analysis of China's peripheral security environment] // *Guoji Wenti Yanjiu*. no. 2, pp. 26–31. (in Chinese).

Информация об авторе

Губин Андрей Владимирович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. Адрес: 690922, Россия, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, 10. E-mail: gubin.av@dvfu.ru

Адъюнкт-профессор Исследовательского центра Северо-Восточной Азии Цзилиньского университета. Адрес: 130012, Китай, г. Чанчунь, район Чаоян, ул. Цяньцзинь, д. 2699.

About the author

Andrey V. Gubin, Candidate of Sciences (Political Science), Associate Professor, International Relations Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University. Address: 690922, 10, Ajax, Russkiy island, Vladivostok, Russia. E-mail: gubin.av@dvfu.ru

Adjunct-Professor, North East Asia Research Center, Jilin University. Address: 130012, 2699 Qianjin street, Chaoyang district, Changchun, China.

Статья поступила в редакцию / Received: 01.09.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 05.02.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 14.04.2024

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ SOCIAL PHILOSOPHY

Оригинальная статья / Original article

Гомеостазис и метастабильность как естественно-научные эвристики современного обществознания

© М.А. КЛУПТ

Клупт Михаил Александрович, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Россия), klupt@mail.ru. ORCID 0000-0002-9423-4363

Характеризуется история переноса в обществознание естественно-научных концептов гомеостаза и метастабильности. Полемика Ч.Р. Миллса с Т. Парсонсом и Ж. Симондона с Н. Винером позволила выявить потенциал этих концептов для развития философии социального управления. Гомеостатическое саморегулирование в социуме часто сосуществует с метастабильными состояниями, чреватými как долгосрочным застоем, так и взрывными изменениями. Это серьезно усложняет прогноз динамики метастабильных состояний и увеличивает цену ошибки. Анализируется пионерная роль «Тектологии» А.А. Богданова, которая предвосхитила этот вывод.

Ключевые слова: А.А. Богданов, Н. Винер, Ч.Р. Миллс, Т. Парсонс, Ж. Симондон, гомеостазис, метастабильность, кибернетика, управление

Цитирование: Клупт М.А. (2024) Гомеостазис и метастабильность как естественно-научные эвристики современного обществознания // Общественные науки и современность. № 2. С. 40–51. DOI: 10.31857/S0869049924020034, EDN: zmzghd

Homeostasis and Metastability as Natural Sciences' Heuristics of Modern Social Sciences

© M. KLUPТ

Mikhail Klupt, Saint Petersburg State University of Economics, (Saint-Petersburg, Russia), klupt@mail.ru.
ORCID 0000-0002-9423-4363

Abstract. The article shows how polemics of C.Wright Mills with T. Parsons and N. Wiener with G. Simondon allowed to identify the potential of applying the concepts of homeostasis and metastability to elaborating the philosophy of social governance. Particular attention is paid to the contribution of these concepts to better understanding the problems of governance at both societal and organizational levels. Both in the organizations and societies homeostatic self-regulation is often co-existing with metastable states which are fraught both by long-range stagnation and unexpected explosive changes. This factor seriously complicates forecasting changes in metastable states and increases the cost of error. The pioneering role of A.Bogdanov's "Tekhtologia" which anticipated this conclusion is characterized. It is concluded that transfer of concepts of homeostasis and metastability into social sciences throws a bridge from philosophy of history to philosophy of social governance and contributes to their development.

Keywords: A.A. Bogdanov, C. Wright Mills, T. Parsons, G. Simondon, N. Wiener, homeostasis, metastability, cybernetics, governance

Citation: Klupt M.A. (2024) Homeostasis and Metastability as Natural Scientific Heuristics of Modern Social Science. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 40–51. DOI: 10.31857/S0869049924020034, EDN: zmgzghd (In Russ.).

Прогресс естествознания издавна, по меньшей мере со времен «социальной физики» XVII века, оказывает влияние на развитие общественных наук: естественно-научные концепты становятся для обществоведов основой для эвристических методов, благодаря которым они открывают новые грани предмета исследования. Два таких концепта – гомеостазис и метастабильность – рассматриваются в данной работе. Ее цель – показать, как раскрытие их эвристического потенциала способствует более глубокому пониманию механизмов и рисков социального развития и управления.

Гомеостазис

Понятие «гомеостазис» впервые ввел в научный оборот американский физиолог У. Кеннон (1871–1945). Он называл гомеостазисом автоматическое приспособление человеческого организма к изменениям внешней среды, совокупность скоординированных физиологических реакций, которые не позволяют флуктуациям в человеческом организме выходить за пределы узкого коридора обычных значений [Cannon 1929]. Кеннон опирался на более ранние исследования механизмов действия *vis medicatrix naturae* – целебной силы природы, корректирующей неполадки в живом организме.

Физиологи изучали гомеостатические механизмы еще до того, как появился сам этот термин. Кеннон относил к числу своих предшественников французских физиологов К. Бернара (1813–1878) и лауреата Нобелевской премии Ш. Рише (1850–1935). Последнему принадлежит принципиально важный для понимания гомеостазиса тезис: живые

существа «стабильны, потому что способны к изменениям – небольшая нестабильность необходима им, чтобы поддерживать истинную стабильность организма» [Richet 1900, 701, цит. по: *Billman* 2020, 11].

В 1911 г. о механизме отрицательной обратной связи в организме писал, не используя этот еще не вошедший в научный оборот термин, российский медик и физиолог Н.А. Белов (1878 – не позднее 1924) [*Белов* 1911]. Его на долгое время забытый вклад в науку получил запоздалое признание благодаря рукописи А.А. Малиновского¹ [*Малиновский* дата неизвестна], а также трудам В.С. Ростковского [*Ростковский* 1999] и О.П. Белозерова, в работе которого [*Белозеров* 2022] восстановлены некоторые вехи жизни Н.А. Белова.

Особое место в этом ряду занимает «Тектология. Всеобщая организационная наука» российского революционера, естествоиспытателя и мыслителя А.А. Малиновского (1873–1928), который опубликовал основные свои труды под псевдонимом Богданов. Он, как и ряд других крупных ученых, описывал гомеостатический механизм еще до появления самого термина: «Человеческое тело на внешнее охлаждение отвечает тем, что усиливает внутренние окислительные и иные процессы, вырабатывающие его теплоту; на перегревание – тем, что повышает процессы испарения, отнимающие теплоту» [*Богданов* 1922, цит. по: *Богданов* 1989, 85].

Однако данная работа Богданова имеет значение не только для физиологии. Трудной судьбе и самого мыслителя, погибшего в 1928 г. при проведении на себе эксперимента по переливанию крови, и его идей посвящено множество работ российских исследователей, включая большой сборник статей [*Александр...* 2021]. В советской общественно-политической литературе об идеях ученого в течение нескольких десятилетий если и позволялось упоминать, то только как о «богдановщине». Роль Богданова как предтечи общей теории систем и кибернетики была полностью осознана в нашей стране и за рубежом [*Gorelik* 1987] лишь после того, как более поздние труды Л. фон Бергаланфи и Н. Винера дали наименование этим научным направлениям.

В сущности, Богданов крупными мазками обрисовал те вопросы, над которыми позднее и независимо от него работали известные американские социологи Т. Парсонс и Ч.Р. Миллс, «отец кибернетики» Н. Винер и французский философ Ж. Симондон. Парсонса, например, гомеостатические механизмы, поддерживающие стабильность в обществе, интересовали больше, чем причины революций, за что его жестко критиковал Миллс. В отличие от подходов перечисленных исследователей «всеобщая организационная наука» Богданова всеохватна: механизмы обратной связи, нарушения и восстановления равновесия, промежуточные состояния, чреватые грядущими изменениями, предстают в ней как составные части единого и неразрывного процесса. Богданов вошел в число тех мыслителей, которые стремились не только объяснить мир, но и хотели способствовать изменениям в нем, поэтому он объединил философию истории с философией управления.

Из физиологии в социологию понятие гомеостаза перенесли американский химик и физиолог Л. Хендерсон (1878–1942) и, конечно, Т. Парсонс (1902–1979). По воспоминаниям Парсонса, укреплению его склонности к гомеостатической точке зрения в значительной степени способствовали Хендерсон, большой поклонник К. Бернара, а также американский биолог А. Эмерсон (1896–1976) [*Парсонс* 1998]. Понятие равновесия, «в

---

¹ Малиновский А. Становление системного подхода в биологии. На правах рукописи (дата неизвестна) (http://lit.lib.ru/m/malinowskij_a_a/text_0010.shtml). А.А. Малиновский (1909–1996) – известный российский биолог; в молодости участвовал в экспериментах по переливанию крови под руководством своего отца А.А. Малиновского (Богданова).

самом общем виде» выражающее «упорядоченность взаимоотношений между компонентами системы» и тенденцию к его самоподдержанию [Parsons, Shills, eds. 1951, 107], стало одним из краеугольных камней разработанной Парсонсом общей теории действия.

После переноса понятия гомеостаза в социологию почти сразу были обнаружены связанные с этим методологические проблемы и их политические импликации. В живых организмах гомеостатическое регулирование – результат взаимодействия окологлеточных жидкостей и клеток: стабильность первых является следствием и в то же время необходимым условием «активной, огромной работы» вторых [Намочин 2017, 5]. Столь же гармоничным выглядит взаимодействие индивида и общества в теории Парсонса: индивиды, выполняя социальные роли, предписанные институтами, способствуют самоподдержанию социального порядка. Подобное видение общества сразу же вызвало резкую критику со стороны социологов, которые представляли историю прежде всего как борьбу. Столкновение взглядов ярко проявилось в дискуссии между Парсонсом и другим известным американским социологом Ч. Райтом Миллсом (1916–1962).

Полемика Парсонса и Миллса носила не только академический характер. Через пять лет после выхода работы «К общей теории действия» [Parsons, Shills, eds. 1951] – книги, в которой Парсонс подчеркнул всеобщность стремления систем к равновесию, Миллс опубликовал «Властвующую элиту», нелестно охарактеризовав тех, кому принадлежит власть в США [Mills 1956]. Парсонс контратаковал Миллса в академической манере, упрекнув его в недостаточной полноте аргументов и невозможности эмпирически проверить его основные утверждения [Parsons 1957].

Миллс продолжил спор в труде «Социологическое воображение», который был впервые издан в 1959 г. и стал одним из самых известных произведений американской социологии. В теории Парсонса, писал Миллс, система, «однажды возникнув, оказывается не только стабильной, но и внутренне гармоничной» [Mills 2000, 42]. В результате эта теория не позволяет понять, откуда берутся структурные антагонизмы, бунты, взбудораженные толпы, революции и массовые движения, а «магическое устранение конфликта и чудесное достижение гармонии лишают “систематическую” и “общую” теорию возможности иметь дело с социальными изменениями, то есть с историей» [Mills 2000, 42]. Миллс с едкой иронией заявил, что если перевести теорию Парсонса «с английского на английский», то в ней за неоправданно усложненной терминологией обнаружится апологетика существующих порядков.

Полемика Парсонса и Миллса многоаспектна. В методологическом плане она показала, что аналогии между биологическими и социальными системами продуктивны лишь в определенных пределах. В живых организмах гомеостатическую саморегуляцию обеспечивает взаимодействие клеток и внеклеточных жидкостей. Эффективная работа клеток гарантирует, например, постоянство состава крови, которое в свою очередь «предопределяет эффективность осуществления функций каждой клетки у особи, в конечном счете от этого зависит жизнь самого организма» [Намочин 2012, 10]. Нарушение взаимодействия двух уровней – клеточного и внеклеточного в человеческом организме – опасная патология. В обществе, напротив, нарушение подобного взаимодействия не может рассматриваться исключительно как патология, поскольку, по Миллсу, подобные отклонения лишают возможности анализировать историческое развитие, движущими силами которого служат многочисленные противоречия.

Дискуссия Парсонса и Миллса в известной степени стала прообразом будущих споров о том, какой – «академической» или «публичной» – надлежит быть социологии [Burawoy 2011; Sztompka 2011]. Миллсу удалось очертить границы, за пределами которых восхищенные возможностями организма стабилизировать свое состояние стало служить оправда-

нием сложившегося в обществе статус-кво. Однако вопрос о том, в какой степени в этом повинен Парсонс, по сей день остается открытым.

Х. Стаубман полагает, например, что образ Парсонса как склонного к схоластическим рассуждениям консерватора, популярный в современной западной социологии, односторонен и искусственно сконструирован под влиянием «Социологического воображения» Миллса [*Staubmann* 2021]. Политизированные ярлыки, которые наклеивали на Парсонса, считала несправедливыми и российский социолог В.Ф. Чеснокова, которая подробно изучала его творчество [*Чеснокова* 2010]. Полемика между Парсонсом и Миллсом показала тем не менее, что сведение всех механизмов развития общества к гомеостатическому регулированию носит односторонний характер и неоправданно сужает представления об обществе и движущих силах истории.

Метастабильность

С поисками преодоления указанной односторонности было связано обращение еще к одному естественнонаучному концепту – метастабильности. Судьбы терминов «гомеостазис» и «метастабильность» во многом схожи – оба они, возникнув в естествознании, стали затем общенаучными.

Впервые термин «метастабильность» ввел в 1893 г. немецкий физик и химик, лауреат Нобелевской премии В. Оствальд (1853–1932) [*Кан* 2011, 99], затем его использовали в самых разных областях естественных и технических наук – материаловедении, термодинамике, геофизике, электронике, нейробиологии и др. Понятие метастабильности применимо, например, к описанию физико-химических основ таких технологических процессов, как закалка стали или получение стекла. Как и в случае с гомеостазом, оборотной стороной междисциплинарного употребления термина стала некоторая его размытость. Тем не менее можно выделить то главное, что включают понятия метастабильности и метастабильного состояния.

Во-первых, метастабильное состояние занимает промежуточное положение между полным равновесием и полным неравновесием. Во-вторых, это состояние всегда чревато будущим изменением, например, фазовым переходом. В-третьих, метастабильность может быть связана с напряжениями внутри системы, наличием в ней конкурирующих или несовместимых друг с другом элементов. В-четвертых, для выхода из метастабильного состояния нужно менее сильное внешнее воздействие, чем для выхода из полного равновесия. В-пятых, диапазон неопределенности, обусловленный таким выходом, варьирует в очень широких пределах. Если в случае закалки стали неопределенность очень мала и связана только с возможными нарушениями технологического процесса, то при метастабильном состоянии земной коры, напротив, она очень велика, поскольку при современном уровне науки невозможно предсказать ни точный момент землетрясения, которое это состояние способно вызвать, ни его разрушительную силу [*Ребецкий* 2017].

В середине прошлого века понятие метастабильности стало одним из ключевых в философской концепции французского философа Ж. Симондона (1924–1989). Хотя многие его работы были написаны более полувека тому назад, всплеск интереса к ним относится лишь к началу 2010-х гг. В России творчеству этого ученого посвящен цикл статей Я.И. Свирского ([*Свирский* 2013] и последующие публикации) и других авторов. В концепции Симондона метастабильность выступает средой, чреватой изменениями, состоянием, энергетически более заряженным, чем полное равновесие, и в силу этого способным к переходу в новое состояние [*Simondon* 1992, 302]. В контексте данной статьи наибольший интерес представляет, однако, не столько философская концепция

Симондона, сколько ее управленческий срез – критика Симондоном «отца кибернетики» Н. Винера (1894–1964).

Симондон с симпатией относился к кибернетике и самому Винеру, однако существенно расходился с ним во взглядах на то, каким должно быть «правильное» государственное управление. Различия во многом определяли вдохновлявшие их обоих естественно-научные эвристики. Для Винера такой эвристикой был гомеостаз. Беды современного ему общества он видел в том, что в нем, в отличие от «тесно спаянных сообществ», обладавших «высокой степенью гомеостаза», преобладают «антигомеостатические факторы» [Винер 1983, 249].

Симондон, в отличие от Винера, ориентировался на идею метастабильности и полагал, что в государственном управлении избыточно преобладает гомеостатическое регулирование. По его мнению, Винер без необходимости ввел постулат, согласно которому общества стремятся к «качественному гомеостатическому регулированию как к конечной цели и идеалу, воодушевляющему любое действие правительства» [Simondon 1958, 151]. Напротив, подход Симондона был в известной степени антигегельянским [Шалагинов 2016]: жизнь не имеет конечной цели, она – «серия вспышек, постоянной индивидуации, продвижение от одной метастабильности к другой» [Simondon 2009, 8]. Задачей государственного управления поэтому выступает не гомеостатическое регулирование, направленное на то, чтобы не допускать выхода ключевых параметров за определенный коридор, а создание условий, благоприятствующих инновациям.

А. Бардин и М. Феррари, сопоставляя в недавно опубликованной статье концепции Винера и Симондона, идут еще дальше. По их мнению, идеи кибернетики стали одной из основ неolibеральной парадигмы государственного управления. Независимо от намерений самого Винера, полагают они, кибернетическая концепция гомеостазиса ознаменовала переход от классического либерализма с его «невидимой рукой рынка» к неolibерализму, идеалом которого являются свободы, ограниченные, однако, заданным коридором. При этом, как предполагается, кибернетические алгоритмы должны помочь в расчете допустимых параметров динамики, а гомеостатический механизм – не дать социальным изменениям стать чем-то большим, нежели «вариацией внутри параметров, которые необходимы для воспроизводства и выживания системы» [Bardin, Ferrari 2022, 255].

История кибернетики в СССР хорошо известна. Ее идеологическая травля в начале 1950-х гг. была относительно быстро свернута, во многом благодаря мужеству отечественных ученых, которые сумели доказать важность развития данного научного направления для укрепления обороноспособности страны. В 1958 г. в журнале «Вопросы философии» были опубликованы две статьи [Араб-Оглы 1958; Соболев, Лянунов 1958] о возможностях кибернетики, вскоре ставшей в СССР символом всего нового и прогрессивного. Работы Симондона в то время были малоизвестны даже на Западе, а в атмосфере всеобщего увлечения кибернетикой в СССР 1960–1970-х гг. его как критика Винера, наверное, могли бы зачислить и в разряд новых луддитов. По прошествии полувека картина выглядит, однако, уже несколько иначе.

В 1980-е гг. кибернетика передала эстафету популярности среди обществоведов синергетике. Одно из ее ключевых положений связано с чередованием равновесных состояний, поддерживаемых гомеостатическими механизмами, и точек бифуркации – неравновесных состояний, в которых «принципиально невозможно предсказать, в какое состояние перейдет система» [Тоффлер 1986, 28]. Подобное утверждение не столь уж далеко от тезиса Симондона о жизни как движении от одного метастабильного состояния к другому.

Две естественно-научные эвристики – гомеостаз и метастабильность – привели Винера и Симондона к противоположным, но в то же время взаимодополняющим выводам. Винер,

который опирался на идею гомеостаза, акцентировал внимание на типе развития, основные параметры которого благодаря гомеостатическому саморегулированию не выходят за пределы некоторого коридора. Симондон развивал идею метастабильности и подчеркивал роль «вспышек» – взрывных инноваций, неизбежно связанных с выходом за эти пределы.

Гомеостазис, метастабильность и социальное управление

Анализ полемики Т. Парсонса с Ч.Р. Миллсом и критических замечаний Ж. Симондона в отношении концепции Н. Винера приводит к выводу, что наиболее продуктивно для обществоведения совместное использование концептов гомеостаза и метастабильности. Именно в этом случае возможно решить стержневые проблемы социального управления – поддержание баланса между стабильностью и инновациями и выбор стратегии и методов управления, позволяющих решать эту задачу.

В естественных науках отношения между равновесием и метастабильностью обычно описывают как последовательные во времени: метастабильное состояние возникает в результате выхода из равновесия и может перейти в новое равновесие. В отличие от этого в социуме гомеостатическое саморегулирование одних его частей может сосуществовать с метастабильностью других. Эта принципиально важная черта социума существенно осложняет адекватную оценку ситуации и выбор методов управления.

Идеальному случаю равновесия – в данном случае не так уже важно, статического или динамического – соответствует управление по отклонениям. Субъект управления в этом случае полагается в основном на гомеостатические механизмы саморегулирования управляемого объекта и вмешивается в ход событий, только если их параметры начинают выходить за пределы установленного коридора. Бардин и Феррари [*Bardin, Ferrari 2022*], как отмечалось выше, связывают такой подход с управленческой философией неоллиберализма, которая поощряет свободу и развитие, но лишь до тех пор, пока они не выходят за установленные границы. В действительности, однако, подобный подход находит более широкое применение.

Управление по отклонениям в известном смысле представляет собой идеал бюрократического планирования. Статическое равновесие обычно ассоциируют со стоячим болотом, пребывание в данном состоянии влечет за собой имиджевые издержки. Поэтому при бюрократическом стиле управления планы всегда ориентированы на поступательную динамику, но, как правило, линейную. Надежды на преобразования при таком подходе возлагают на то, что в русском политическом словаре XIX в. именовали теорией малых дел, в японском менеджменте – концепцией кайдзен [*Имаи, 2006*], а в западном – инкрементализмом [*Минцберг, Альстрэнд, Лэмпл 2000*].

Если гомеостатический механизм занимает в функционировании социума доминирующее положение, применение подобной управленческой философии на какое-то время и в самом деле эффективно. Однако изменения в социуме, будь то общество или производственный коллектив, не прекращаются никогда и не всегда носят плавный характер. В природе метастабильные состояния связаны, с одной стороны, с образованием в старой фазе зародышей новой фазы, с другой – с затрудненностью фазового перехода, наличием «барьера энергетически невыгодных промежуточных состояний» [*Соболев 2017, 83*]. Примерно та же ситуация складывается и в обществе: инноваторы на протяжении более или менее длительного времени пребывают в консервативной среде, которая не позволяет социуму совершить переход к новой фазе развития.

Наличие в социуме как равновесных, так и метастабильных компонентов сильно усложняет задачи социального управления. Метастабильное состояние может варьиро-

вать от начальной стадии с небольшим количеством предпосылок нового до революционной ситуации. Последняя может быть не только общественно-политической, при которой, как в свое время писал В.И. Ленин, «низы не хотят, а верхи не могут жить по-старому», но и научно-технической – преддверием открытий, которые ведут к новому технологическому укладу.

На те же процессы в динамике социальных идеалов указывают российские философы В.П. Бранский и С.Д. Пожарский. Вначале идеал меняют незначительно, поправки должны лишь очистить его от обнаруженных изъянов. Затем появляются разные концепции такого очищения, и начинается борьба за принятие каждой из них, что порождает кризис и потребность в новом идеале. Наконец кризис разрешается рождением нового идеала [Бранский, Пожарский 2001, 51]. Еще один пример – развитие системы международных отношений, когда за периодом равновесия следует метастабильное состояние, нарастание противоречий, которое завершается переходом в новое состояние.

Эту особенность метастабильных состояний и связанные с ней значительные риски, еще не используя сам термин, столетием ранее точно описал очевидец и активный участник революционных событий А.А. Богданов. «Системы равновесия, – писал он, – путем структурных изменений, часто незаметных для прямого наблюдения, могут переходить в неуравновешенные, и обратно... Во взаимоотношениях людей и организаций правильные оценки тенденций того или другого рода, особенно в их смене, могут спасти от величайших и непоправимых ошибок» [Богданов 1989, 161].

Несмотря на совершенствование информационных технологий, прогноз динамики метастабильных состояний и сегодня остается крайне сложной задачей. Мониторинг, в том числе проводимый с помощью социологических опросов, крайне важен, более того, обязателен, но и он дает лишь весьма приблизительную, а иногда ошибочную оценку возможных изменений в системе. Сложность оценки ситуации, в которой гомеостазис соседствует с метастабильностью, чревата ошибками двух типов: первая, когда руководители не замечают, что управляют уже далеко не тем социумом, который им некогда довелось возглавить; вторая, когда, в силу избыточного энтузиазма масштабы происшедших в социуме перемен неоправданно преувеличивают. Не менее сложной оказывается и оценка того, являются ли ростки нового благотворными или вредоносными. Весьма распространена, в частности, ситуация, когда перемены выгодны одним социальным группам и политикам и невыгодны другим – вспомним в этой связи теорию общественного выбора.

Для метастабильных состояний социума характерны также существенные межпоколенческие различия в восприятии сложившейся в нем ситуации. Эти различия связаны как с психофизиологическими возрастными особенностями, так и со спецификой исторических периодов, в которые происходила социализация поколений. Подобные различия, в частности, свойственны современному российскому обществу, одни поколения которого формировались в советский период, другие – в 1990-е гг., третьи – уже в XXI в.

Оценку и выбор решения, помимо прочего, осложняет то обстоятельство, что метастабильное состояние социума может меняться нелинейно, например, по параболе. Окно возможностей не всегда раскрывается все шире и шире, в какой-то момент оно может захлопнуться. Наконец, в социуме, как и в природе, длительность метастабильного состояния и момент его перехода к новому равновесию существенно зависят от силы внешних воздействий, оценка и прогноз которых столь же важны, сколь и сложны.

Ввиду высокого уровня абстракции концепты гомеостазиса и метастабильности вряд ли можно отнести к непосредственно прикладным инструментам социального управления, их сфера – его философия. Однако эти понятия служат начальным звеном всей последующей цепочки по информационной поддержке управления: операционализация

понятий – построение математических моделей – сбор данных – проведение вычислительных экспериментов с моделями с целью проработать возможные сценарии развития событий и управленческих решений.

Заключительные замечания

Представление истории науки в виде последовательного нарратива, в котором более поздние научные достижения непременно должны развивать и дополнять более ранние, всегда несет с собой риск неоправданного упрощения реального хода событий. Тем не менее в рассмотренном случае такой нарратив достаточно хорошо описывает движение научной мысли.

В начале 1950-х гг. Т. Парсонс показал, сколь плодотворным может оказаться понятие гомеостазиса для понимания механизмов функционирования общества. Ч. Райт Миллс, жестко оппонируя ему, дополнил этот тезис близким к марксизму выводом: сводить общественное развитие только к гомеостатическому саморегулированию – значит упускать из виду роль конфликта как движущей силы истории. Н. Винер и Ж. Симондон, в свою очередь, дополнили полемику Парсонса и Миллса постановкой вопроса об использовании гомеостатических механизмов в управлении социумом. В то время как Винер сожалел о том, что в управлении современным ему обществом для гомеостатического саморегулирования осталось слишком мало места, Симондон утверждал, что управление по отклонениям, нацеленное на ограничение динамики социума заданными сверху параметрами, противно логике любого развития. Сегодня итог этой полемики видится в том, что наиболее продуктивно для обществоведения и философии социального управления совместное использование концептов гомеостазиса и метастабильности.

В то же время история использования естественно-научных эвристик в философии социального управления далеко не окончена. Наряду с сюжетной линией «гомеостазис–метастабильность», рассмотренной в данной статье, все более актуальным становится и еще один, тесно переплетающийся с ней нарратив – «гомеостазис–аутопойезис». Концепция аутопойезиса (самопостроения) систем, разработанная в начале 1970-х гг. чилийскими биологами У. Матураной и Ф. Варелой и занявшая затем важное место в теоретических построениях немецкого мыслителя Н. Лумана, вызывает ныне все больший интерес с точки зрения социального управления. Разграничение трех процессов, образующих цикл аутопойезиса, – деградация старых элементов, продуцирование новых и их интеграция (*bonding*) в сложившуюся систему [Zeleny 1996] – вновь привлекло внимание к механизмам согласования конфликтующих между собой целей системы – поддержания ею собственной идентичности и обновления. В работе [Bider, Regev, Perjonsu 2020] этот вопрос рассмотрен применительно к отдельной фирме, однако он имеет и очевидные макросоциологические импликации – в условиях обострения международных отношений вопрос о разумных масштабах импорта институтов из иной цивилизационной среды вновь вышел на политическую авансцену.

Впрочем, вехи истории науки, о которых говорилось в данной статье, все же не вполне укладываются в последовательный нарратив. Над всеми ними воспаряет всеохватная тектология Александра Богданова, созданная более ста лет назад. Переброшенные им мосты от философии истории к философии социального управления, как и предупреждения о величайших рисках и роковых ошибках, возникающих при переходе систем из равновесного в неуравновешенное состояние, сегодня все так же актуальны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

- Александр Александрович Богданов / Под ред. М.В. Локтионова (2021). М.: РОССПЭН. 472 с.
Aleksandr Aleksandrovich Bogdanov [Aleksandr Aleksandrovich Bogdanov]. Ed. M.V. Loktionov (2021) M.: ROSSPE'N. 472 p. (In Russ.)
- Араб-Оглы Э.А. (1958) Социология и кибернетика (применение кибернетики в общественных науках) // Вопросы философии. № 5. С. 138–151.
Arab-Ogly` E`.A. (1958) Sociologiya i kibernetika (primenenie kibernetiki v obshhestvennyh naukah) [Sociology and cybernetics (application of cybernetics in social sciences)] // *Voprosy` filosofii*, no. 5, pp. 138–151. (In Russ.)
- Белов Н.А. (1911) Учение о внутренней секреции органов и тканей и его значение в современной биологии // Новое в медицине. № 22. С. 1228–1236.
Belov N.A. (1911) Uchenie o vnutrennej sekrecii organov i tkanej i ego znachenie v sovremennoj biologii [The doctrine of internal secretion of organs and tissues and its importance in modern biology]. *Novoe v medicine*, no. 22, pp. 1228–1236. (In Russ.)
- Белозеров О.П. (2022) Физиолог Николай Анатольевич Белов: биографические материалы. Труды XXVIII Годичной научной конференции Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М., с. 82–85.
Belozеров O.P. (2022) Fiziolog Nikolaj Anatol`evich Belov: biograficheskie materialy` [Physiologist Nikolai Anatolievich Belov: biographical materials]. *Trudy` XXVIII Godichnoj nauchnoj konferencii Instituta istorii estestvoznaniya i texniki im. S.I. Vavilova RAN*. M., pp. 82–85. (In Russ.)
- Богданов А. (1922) Тектология. Всеобщая организационная наука. В 3 ч. Ч. 1–3. Берлин; Пб.; М.: Изд-во З.И. Гржебина.
Bogdanov A. (1922) Tektologiya. Vseobshhaya organizacionnaya nauka. V 3 ch. Ch. 1–3. [Tektologia. Universal organizational science]. Berlin; Peterburg, Moscow: Izd-vo Z.I. Grzhebina. (In Russ.)
- Богданов А.А. (1989) Тектология: всеобщая организационная наука. Издание третье, заново переработанное и дополненное. М.: Экономика. 302 с.
Bogdanov A. (1989) Tektologiya. Vseobshhaya organizacionnaya nauka. [Tektologia. Universal organizational science]. Third edition, revised and expanded. Moscow: E`konomika. 302 p. (In Russ.)
- Винер Н. (1983) Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М.: Наука. 304 с.
Wiener N. (1983) Kibernetika ili upravlenie i svyaz` v zhitvotnom i mashine. [Cybernetics or control and communication in the animal and the machine]. Moscow: Nauka. 304 p. (In Russ.)
- Имаи М. (2006) Кайдзен. Ключ к успеху японских компаний. М.: Приоритет. 274 с.
Imai M. (2006) Kajdzen. Klyuch k uspehu yaponskih kompanij [The key to Japan's competitive success]. Moscow: Prioritet. 274 p. (In Russ.)
- Кан Р.У. (2011) Становление материаловедения. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 619 с.
Kan R.U. (2011) Stanovlenie materialovedeniya [Development of material science]. N. Novgorod: Izd-vo NNGU im. N.I. Lobachevskogo. 619 p. (In Russ.)
- Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Дж. Школы стратегий. (2000) СПб.: Питер. 336 с.
Mintzberg H, Ahlstrand B., Lampel J. (2000) Shkoly` strategij. [Strategy safary]. St. Petersburg: Piter. 336 p. (In Russ.)
- Наточин Ю.В. (2012) Клиренс осмотически свободной и свободной от натрия воды: клиническое значение // Нефрология. Т. 16. № 2. С. 9–15.
Natochin Yu.V. (2012) Klirens osmoticheskii svobodnoj i svobodnoj ot natriya vody`: klinicheskoe znachenie. [Clearance of solute free and sodium free water: clinical significance]. *Nefrologiya*. vol. 16, no. 2, pp. 9–15. (In Russ.)
- Наточин Ю.В. (2017) Гомеостаз // Успехи физиологических наук. Т. 48. № 4. С. 3–15.

Natochin Yu.V. (2017) Gomeostaz [Homeostasis]. *Uspexi fiziologicheskikh nauk*. vol. 48, no. 4, pp. 3–15. (In Russ.)

Парсонс Т. (1998) Система современных обществ / Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс. 270 с.

Parsons T. (1998) *Sistema sovremennykh obshchestv* [System of modern societies]. Ed. M.S. Kovaleva. Moscow: Aspekt Press. 270 p. (In Russ.)

Ребецкий Ю.Л. (2017) Признаки метастабильности коры при подготовке к катастрофическому землетрясению – особенности поля тектонических напряжений // Триггерные эффекты в геосистемах (Москва, 6–9 июня 2017 г.): материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием / Под ред. В.В. Адушкина, Г.Г. Кочаряна. ИДГ РАН. М.: ГЕОС. С. 19–28.

Rebeczkij Yu.L. (2017) *Priznaki metastabil'nosti kory` pri podgotovke k katastroficheskomu zemletryaseniyu – osobennosti polya tektonicheskikh napryazhenij* [Signs of crustal metastability in preparation for a catastrophe earthquake – features of tectonic stress fields]. In: *Triggernye efekty v geosistemax (Moskva, 6–9 iyunya 2017 g.): materialy` IV Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Eds. V.V. Adushkin, G.G. Kocharyan. IDGRAN. Moscow: GEOS, pp. 19–28. (In Russ.)

Ростковский В.С. (1999) Николай Белов и Норберт Винер // Наука и жизнь. № 2. С. 79.

Rostkovskij V.S. (1999) Nikolaj Belov i Norbert Viner [Nikolaj Belov and Norbert Wiener]. *Nauka i zhizn`*, no. 2, p. 79. (In Russ.)

Свирский Я.И. (2013) Индивидуация в сложностно-организованном мире // Философия науки. Т. 18. № 1. С. 62–80.

Svirskij Ya.I. (2013) *Individuaciya v slozhnostno-organizovannom mire* [Individuation in complexity-organized world]. *Filosofiya nauki*. Vol. 18, no. 1, pp. 62–80. (In Russ.)

Соболев Р.Н. (2017) Магматическое состояние метастабильных систем // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. геол. Т. 92. Вып. 2. С. 83–89.

Sobolev R.N. (2017) *Magmaticheskoe sostoyanie metastabil'nykh system* [Magmatic state of metastable systems]. *Byulleten` Moskovskogo obshchestva ispytatelej prirody. Otd. geol.*, vol. 92, issue 2, pp. 83–89. (In Russ.)

Соболев С.Л., Ляпунов А.А. (1958) Кибернетика и естествознание // Вопросы философии. № 5. С. 127–138.

Sobolev S.L., Lyapunov A.A. (1958) *Kibernetika i estestvoznanie* [Cybernetics and natural sciences]. *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 127–138. (In Russ.)

Тоффлер О. Наука и изменение (предисловие) (1986) // Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс. С. 11–32.

Toffler O. (1986) *Nauka i izmenenie (predislovie)* [Science and change (foreword)]. In: Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok izhaosa. Novy`j dialog cheloveka s prirodoy*. Moscow: Progress, pp. 11–32. (In Russ.)

Чеснокова В.Ф. (2010) Язык социологии. Курс лекций. М.: ОГИ. 510 с.

Chesnokova V.F. (2010) *Yazyk sociologii. Kurs lekcij* [The language of sociology. Course of lectures]. Moscow: OGI. 510 p. (In Russ.)

Шалагинов Д.С. (2016) Машинное освобождение // Идеи и идеалы. Т. 2, ч. 2. № 4 (30). С. 25–37. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2016-4.2-25-37>

Shalaginov D.S. (2016) *Mashinnoe osvobozhdenie* [Machine liberation]. *Idei i idealy*, vol. 2, part 2, no. 4 (30), pp. 25–37. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2016-4.2-25-37> (In Russ.)

Bardin A., Ferrari M. (2022) Governing progress: from cybernetic homeostasis to Simondon's politics of metastability. *The Sociological Review Monographs.*, vol. 70, no. 2, pp. 248–263. <https://doi.org/10.1177/00380261221084426>

Billman G. (2020). Homeostasis: The Underappreciated and Far Too Often Ignored Central Organizing Principle of Physiology. *Frontiers in Physiology*. Vol. 11. Pp. 1–12. <https://doi.org/10.3389/fphys.2020.00200>

- Bider I., Regev G., Perjons G. (2020) Using Enterprise Models to Explain and Discuss Autopoiesis and Homeostasis in Socio-technical Systems. *Complex Systems Informatics and Modeling Quarterly*. Issue 22. Pp. 21–38. <https://doi.org/10.7250/csimq.2020-22.02>
- Burawoy M. (2011) The Last Positivist. *Contemporary Sociology*, vol. 40, no. 4, pp. 396–404.
- Cannon W.B. (1929) Organization for physiological homeostasis. *Physiological Review*, vol. IX, no. 3, pp. 399–431.
- Gorelik G. (1987) Bogdanov's tektologia, general systems theory, and cybernetics. *Cybernetics and Systems*, vol. 18, issue 2, pp. 157–175.
- Mills C.W. (1956) *The Power Elite*. Oxford: Oxford University Press.
- Mills C.W. (2000) *The sociological imagination* [first published in 1959]. Oxford: Oxford University Press.
- Parsons T. (1957) The distribution of power in American society. Review of *The Power Elite* by C. Wright Mills. *World Politics*, vol. 10, no. 1, pp. 123–143.
- Richet C. R. (ed.) (1900) *Dictionnaire de Physiologie*. Paris.
- Simondon G. (1958) *Du mode d'existence des objets techniques*. Paris: Aubier. 335 p.
- Simondon G. (1992) *The Genesis of the Individual*. In: Crary J., Kwinter S. (eds.). *Incorporations*. New York: Zone Books. Pp. 297–319.
- Simondon G. (2009) The position of the problem of ontogenesis. *Parrhesia*, no. 7, pp. 4–16.
- Staubmann H. (2021) C. Wright Mills' The Sociological Imagination and the Construction of Talcott Parsons as a Conservative Grand Theorist/ *The American Sociologist*, vol. 52, pp. 178–193. <https://doi.org/10.1007/s12108-020-09463-z>
- Sztompka P. (2011) Another Sociological Utopia. *Contemporary Sociology*, vol. 40, no. 4, pp. 388–396.
- Zeleny M. (1996) On the Social Nature of Autopoietic Systems. In: Khalil E., Boulding K. (eds.) *Evolution, Order and Complexity*. London: Routledge. Pp. 122–145.

Информация об авторе

Клупт Михаил Александрович, доктор экономических наук, профессор, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Адрес: 191023, Россия, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21. E-mail: klupt@mail.ru

About the author

Mikhail A. Klupt, Dr. of Science (Economics), Professor, Professor of Saint Petersburg State University of Economics. Address: 191023, 21, Sadovaya ul., Saint Petersburg, Russia. E-mail: klupt@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 14.11.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 05.03.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 09.04.2024

Оригинальная статья / Original article

Тектология А. Богданова и мир-системный анализ в ТМО

© А.В. БОРЕЙКО

Борейко Антон Владимирович, Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), aboreyko@imemo.ru. ORCID: 0000-0001-6733-8629

Проанализированы взгляды российского исследователя А.А. Богданова (Малиновского, 1873–1928 гг.) на закономерности развития систем применительно к системе международных отношений (МО). В качестве примера использован мир-системный анализ. Определен потенциал тектологии в теории международных отношений. Выявлены общие закономерности развития систем, возможности их применения в анализе системы МО. Приведены сценарии развития миропорядка на основе выявленных закономерностей. Сделан вывод, что тектология позволяет не только моделировать международные процессы в динамике, но и выработать адекватные механизмы компенсации дисбалансов.

Ключевые слова: теория международных отношений, тектология, международная политическая экономия, мир-система, кондратьевские циклы, Александр Богданов

Цитирование: Борейко А.В. (2024) Тектология А. Богданова и мир-системный анализ в ТМО // Общественные науки и современность. № 2. С. 52–62. DOI: 10.31857/S0869049924020045, EDN: zmykvd

Tectology of A. Bogdanov and World-System Analysis in the Theory of International Relations

© A. BOREYKO

Anton V. Boreyko, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), aboreyko@imemo.ru. ORCID: 0000-0001-6733-8629

Abstract. The views of the Russian researcher A.A. Bogdanov (Malinovsky, 1873–1928) on the development patterns of systems in the system of international relations (IR) are analyzed. World-systems analysis used as an example. The potential of tectology in the theory of international relations is determined. General patterns of systems development, as well as the possibilities of their application to the analysis of the IR system, are identified. The scenarios of the development of the world order based on the identified patterns are provided. It is concluded that tectology allows the simulation of international dynamics processes and the development of adequate mechanisms for compensating imbalances.

Keywords: theory of international relations, tectology, international political economy, world-system, Kondratiev cycles, Alexander Bogdanov

Citation: Boreyko A.V. (2024) Tectology of A. Bogdanov and World-System Analysis in the Theory of International Relations. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 52–62. DOI: 10.31857/S0869049924020045, EDN: zmykvd (In Russ.).

Введение

Выдающийся российский ученый и политический деятель начала XX в. А.А. Богданов (настоящая фамилия – Малиновский, 1873–1928 гг.) писал, что любые процессы – физические, химические, биологические или социальные – можно рассматривать как организацию комплексов или систем путем формирования связей между их элементами. В созданной им научной дисциплине тектологии¹ он развивал идею всеобщности законов развития систем, которые он называл комплексами.

Системный метод, который разрабатывал Богданов, опередил свое время. В нынешних условиях, когда система международных отношений трансформируется, системный взгляд на процессы дает возможность прогнозировать ее развитие. Именно поэтому важно изучать наследие Богданова не только с теоретической, но и с практической точки зрения.

Объектом исследования стала теория систем Богданова, предметом – мир-системный анализ (МСА) как частный случай применения данной теории. Предложена гипотеза, что сочетание теории и методологии тектологии и МСА позволяет создать модель международных отношений, которая будет учитывать основные закономерности ее развития.

В последнее время различные аспекты тектологии Богданова рассматривали в своих работах А.А. Алешин [Алешин 2023], М.В. Стрежнева [Стрежнева 2022], Д.Э. Моисеева [Моисеева 2023].

Научной новизной данного исследования стало компаративистское рассмотрение тектологии и МСА. Цель работы – выявить их потенциал для развития теории международ-

¹ Тектология (от греч. τέκτων – строитель, творец; λόγος – учение) – всеобщая организационная наука, которая изучает всеобщие законы развития комплексов или систем.

ных отношений (ТМО). Решены следующие задачи: определены основные закономерности возникновения, функционирования и развития систем, изучены методы применения общих закономерностей для изучения системы международных отношений (МО), описаны возможные сценарии трансформации системы МО на основании выявленных закономерностей.

Теоретико-методологические и практические аспекты развития ТМО

Осознанность выступает важным атрибутом международных отношений как специфической формы деятельности человека. Под осознанностью понимают способность прогнозировать последствия тех или иных действий в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе благодаря специфическому человеческому качеству – мышлению. Данная способность отличает социальные системы от всех других, известных науке. При помощи мышления человек может прогнозировать, как будут развиваться те или иные события, и выбирать максимально эффективные методы и инструменты воздействия на предмет деятельности, чтобы решать общественные и иные проблемы.

Прогнозирование особенно важно при изучении глобальных процессов и проблем, так как от качества прогноза может зависеть будущее состояние всей системы МО. Каждое государство, будучи ее частью, должно вырабатывать адекватные стратегии взаимодействия с другими ее участниками, что невозможно делать без анализа качества, элементов, связей и закономерностей развития всей системы. Подобный анализ позволяет государству выработать такую линию поведения на международной арене, которая станет эффективной для обеспечения и защиты его национальных интересов.

Особенную значимость данные вопросы приобретают в периоды трансформации, нестабильности и перехода системы из одного состояния в другое. В подобных ситуациях обостряется конкуренция между государствами, возрастает необходимость разработки ими определенных мер, чтобы занять значимые позиции в обновленной системе МО. Большое значение приобретает способность государств: а) приспосабливаться к изменениям внешней среды, б) ориентироваться прежде всего на свои национальные интересы и объективные возможности во внешней среде. Для разработки оптимальных стратегий действий на международной сцене необходимо проводить анализ состояния среды и субъектов международных отношений, а также уметь прогнозировать их поведение. Основой для решения перечисленных задач может стать ТМО, в рамках которой определяют состав, структуру и основные закономерности развития системы МО.

Главная проблема современной ТМО связана с разнородностью элементов в теоретико-методологическом аппарате. В ней совмещены противоречивые парадигмы и подходы. Объективной предпосылкой для возникновения такой ситуации стала специализация научной деятельности, которая затронула и ТМО. Несмотря на полученную возможность глубже изучить ее отдельные аспекты, в данный момент кризиса в международных отношениях ее применение ограничено. В современном варианте в ТМО уделяют недостаточное внимание общему, а концентрируют его на частном и случайном. Подобный подход затрудняет анализ и решение проблем в сфере МО.

Данная методологическая проблема обуславливает необходимость использовать междисциплинарный подход, в основе которого лежат принципы системности, закономерности и объективности. Следует отметить, что Богданов рассматривал тектологию в том числе как ответ на плюрализм данного этапа развития науки. Он предлагал ориентироваться на принцип монизма – единства механизмов организации познавательной деятельности вне зависимости от ее конкретного предмета [Богданов 1989]. Рассмотрим основные положения тектологии (всеобщей организационной науки).

Система

А.А. Богданов фокусирует свое внимание на проблеме организации элементов системы. Природа как естественная система основана на закономерной, но стихийной самоорганизации; в отличие от нее, общество может сознательно или планомерно формировать и менять свою структуру для достижения нужного результата. Поэтому социальные отношения и общественный опыт требуют организации. Соответственно, особую важность приобретает идея тектологии о необходимости целенаправленной разработки социальных организационных структур, которая основана на прогнозах о будущих состояниях системы в кризисных ситуациях.

Богданов рассматривает систему как комплекс взаимосвязанных элементов, при взаимодействии которых образуется системное качество – специфическая способность менять среду или меняться под ее воздействием. Он характеризует ее как «активность – сопротивление». Важно подчеркнуть, что в его учении система не статическая, а динамическая: она существует объективно и развивается закономерно. Соответственно, исследователь должен не только провести анализ и установить ее состав, строение и системное качество – гораздо важнее изучить закономерности ее развития.

Богданов выделяет два организационных механизма систем: формирующий и регулирующий. При своем формировании ранее изолированные комплексы взаимодействуют друг с другом, и между ними образуется связь. Если в составе комплексов изначально присутствуют общие элементы, они соединяются непосредственно. Если таковых нет, возникает связка, которая содержит элементы первого и второго комплекса. В первом случае речь идет о конъюгации, во втором – об ингрессии. Объединение комплексов невозможно без разрушения ранее существовавших связей – дезингрессии. Функционируя, система обменивается веществом и энергией со средой, при этом ее качество остается прежним только тогда, когда сохраняется динамический баланс между ассимиляцией и дезассимиляцией. «О “сохранении” системы мы уже знаем две важные вещи: во-первых, оно никогда не бывает абсолютным, а всегда лишь приблизительным; во-вторых, оно есть результат подвижного равновесия системы с ее средой, т. е. образуется двумя потоками активностей – ассимиляцией, поглощением и усвоением активностей извне и дезассимиляцией, разусвоением активностей, их потерей, переходом во внешнюю среду», – отмечает автор [Богданов 1989].

Развитие системы обеспечивает динамическое равновесие – череду направленных изменений, в результате которых процессы ассимиляции преобладают над процессами дезассимиляции. Согласно закону расхождения, сопротивляемость системы по отношению к среде повышается за счет увеличения ее сложности. Дифференциация, то есть появление новых элементов и связей, усиливает синергетический эффект. Расхождение основано на изначально заложенной в системах неоднородности: даже простейшая из них содержит элементы, которые отличаются друг от друга.

В силу неоднородности и неравномерного воздействия среды изначальная разность комплексов усиливается, возрастают противоречия, разрушаются существующие связи – происходит дезингрессия. Динамическое равновесие системы нарушается, возникают дополнительные связи, происходит контрдифференциация. Возрастает сопротивляемость комплекса: «системное расхождение включает в себе тенденцию развития, направленную к дополнительным связям» [Богданов 1989]. Со временем расхождение настолько увеличивает изначальные отличия, а противоречия становятся настолько сильными, что возникает угроза целостности системы. Согласно Богданову, «части целого становятся “слишком различны” в своей организации, настолько различны, что расходятся и по самому темпу жизни, и по силе их относительного сопротивления среде» [Богданов 1989].

Процессы расхождения регулирует механизм подбора. Он сохраняет наиболее оптимальные сочетания элементов и разрушает самые неподходящие: «отбор – это сохранение или уничтожение элементов и связей системы, в соответствии с условиями среды» [Богданов 1989]. Первый процесс Богданов называет положительным прогрессивным подбором, второй – отрицательным. Из-за положительного подбора возрастает количество элементов и связей в системе. Между ассимиляцией и дезассимиляцией постепенно возникает дисбаланс, который запускает механизм отрицательного подбора. Последний разрушает наименее оптимальные сочетания элементов. В результате кризиса система может стать более жизнеспособной, менее жизнеспособной или разрушиться.

Система, по отношению к которой работает механизм подбора, выступает объектом подбора. Субъект, который действует на объект, – это деятель подбора. Последний элемент механизма – базис подбора, который отвечает за сохранение или устранение изменений. В случае социальной системы таковым выступает политическая и экономическая активность людей.

Важно отметить, что Богданов подчеркивал практическое значение тектологии. Он писал, что основная ее задача – организовать элементы для решения практических задач. По его мнению, этим тектология отличается от философии, которая зачастую отвлекается от практических целей. Благодаря крайней степени обобщения опыта (крайней абстрактности) тектология позволяет анализировать конкретные явления как частные случаи проявления общих законов возникновения, развития и трансформации систем. Для ТМО наиболее важна возможность тектологии объяснять закономерности развития МО. Важно отметить, что Богданов применял разработанный им научный метод в том числе и для анализа данной сферы. Отдельные сюжеты можно найти в такой работе, как «Тектология» [Богданов 1989], а также в труде в «Краткий курс экономической науки» [Богданов 2007].

Рассматривая систему МО с точки зрения Богданова, ее можно охарактеризовать как систему трансграничных экономических связей, которая объективно существует и закономерно развивается, а также соответствующую ей политическую систему. Данная система способна менять природную и технологическую среду при помощи оптимальных способов социальной организации. В процессе развития сопротивляемость системы по отношению к среде увеличивается за счет повышения эффективности производства. Основными механизмами в нем выступают усовершенствование технологий и международное разделение труда. Развитие представляет собой поддержание динамического равновесия между системой и средой, в данном случае – между производством и потреблением. Кризис системы закономерно исходит из закона расхождения. Он происходит, когда из-за изменения среды обостряются внутренние противоречия, в результате нарушается динамическое равновесие. В системе трансграничных экономических связей кризис проявляется в новых технологиях, использование которых обостряет внутренние противоречия системы.

Тектология и мир-системный анализ

МСА в ТМО развивался на фоне дискуссии между двумя основными сторонами, которая пришла на 1970-х гг. По мнению первой из них, МО следует рассматривать сквозь призму политики; приверженцы второй считали, что в их основе лежит экономика или, по крайней мере, она равнозначна политике.

Два подхода в дальнейшем сформировали соответствующие направления: международные отношения (IR, international relations) и международную политическую экономию (IPE, international political economy) [Marlin-Bennett, Johnson 2017]. Если бы Богданов

участвовал в дискуссии, он бы принял сторону международной политической экономии и ее неомарксистского направления. Ученый подчеркивал, что рассматривает экономическую подсистему как объективную основу социальной связи: «трудовая ингрессия и представляет действительную основу социальной связи, как бы ни была она усложнена и замаскирована дальнейшей эволюцией общества» [Богданов 1989]. МСА развивает это положение, так как позволяет анализировать закономерности развития экономической системы на глобальном уровне и их проявления в изменении политических и культурных систем. В то же время только экономическая система глобальна, то есть охватывает весь мир. Политические и культурные системы остаются обособленными [Валлерстайн 2006].

Мир-система формировалась в эпоху великих географических открытий. Столкновение Европы и Америки уничтожает тектологическую границу между ранее изолированными социально-экономическими комплексами. Формировался всемирный рынок, который связывает воедино элементы производства и потребления. Промышленная революция XIX в. стала новым этапом в развитии мир-системы, а рынок превратился в основной механизм формирования субъектов системы и регулирования их поведения. Первый обеспечивает создание связей в системе международного разделения труда, второй – глобальную конкуренцию, которая выполняет функцию прогрессивного подбора при системном расхождении. Положительный подбор сохраняет наиболее эффективные способы организации производства в условиях экономического роста, отрицательный – уничтожает наименее эффективные во время кризиса.

Современная мир-система состоит из стран, которые выполняют специфические функции в международном разделении труда. Они разнятся в зависимости от того, к какой из трех иерархически расположенных подсистем (центр, полупериферия, периферия) принадлежит государство. Страны центра (глобальный Север) разрабатывают инновационные технологии, периферии (глобальный Юг) – производят сырье и сборку, полупериферии – сочетают в себе элементы высокотехнологичного и низкотехнологичного производства. Иерархию системы определяют потребности стран центра. Контролируя ключевые технологии, они концентрируют максимальное количество ресурсов и обеспечивают технологическое и социальное развитие мир-системы [Валлерстайн 2006].

Связи между принадлежащими к разным иерархическим уровням странами различаются. Так, между государствами центра преобладают горизонтальные связи, которые основаны на взаимовыгодном обмене технологиями, финансами и капиталами в рамках совместного управления глобальными цепочками создания стоимости (ГЦСС). Между странами центра и периферии в основном преобладают вертикальные связи. Инвестиции, займы и неэквивалентный обмен позволяют центру получать большую часть стоимости, созданной на периферии.

Мир-система формирует и определяет характер межгосударственных отношений: в конечном счете деятельность каждого государства направлена на воспроизводство своего статуса. В то же время система не сбалансирована: существуют противоречия между частными интересами субъектов каждого уровня, интересами подсистем и всей системы в целом, которые обостряются в период экономических кризисов.

Анализ закономерностей развития мир-системы на основе технологических циклов последователи метода почерпнули из исследований отечественного экономиста Н.А. Кондратьева и австрийского экономиста Й. Шумпетера. Они считали, что мировая экономика развивается циклически, проходя через повышательную и понижательную волны, которые длятся примерно 20–30 лет². По мнению Шумпетера, повышательная волна обуслов-

---

² Получили название Кондратьевских циклов или К-циклов.

лена новыми технологиями, которые увеличивают эффективность производства, создают новые рынки и формируют новую социально-экономическую структуру. В повышательной волне К-цикла основным механизмом регулирования выступает положительный прогрессивный подбор.

По мере насыщения рынков темпы экономического роста снижаются вплоть до динамического равновесия между ассимиляцией и дезассимиляцией – производством и потреблением. В данный период возникают новые элементы и связи, а структурная устойчивость социально-экономической системы снижается. Понижательная волна наступает, когда распространение ключевых технологий замедляется из-за того, что увеличивается тектологическая разница в отношениях производства и потребления. С одной стороны, глобальный рынок повышает эффективность производства, с другой – обуславливает неравномерное распределение благ, когда их концентрация на одном полюсе происходит за счет «перекачки» ресурсов из другого. Ограничения рыночного механизма не позволяют системе ассимилировать постоянно возрастающее количество вещества и энергии. Возникает прогрессирующий дисбаланс между производством и потреблением, который приводит к депрессии.

Для понижательной волны характерен отрицательный подбор, который устраняет наименее эффективные элементы и связи в соответствии с законом наименьших относительных сопротивлений. В ответ на дисбаланс формируются компенсирующие элементы – нерыночные формы организации производства. Также начинают распространяться инновационные технологии, которые могут запустить очередную повышательную волну. Однако переход на новый уровень технологической и социальной организации сопровождается трудностями – снижение спроса осложняет процесс. В среднесрочной перспективе возникает риск перераспределения существующих ресурсов и рынков, что в условиях анархической среды международных отношений приводит к развитию дезингрессии, в ходе которой разрушаются экономические связи, возникают конфликты.

Подобные закономерности представляют собой частные случаи общих законов развития социальных систем, которые описывал Богданов. Так, экономическое процветание общества, которое охарактеризовано через преобладание процессов ассимиляции над дезассимиляцией (потребления над затратами), соответствует фазе положительного подбора. В соответствии с законом расхождения, в этот период сложность системы возрастает, появляются новые элементы и связи, однако одновременно возрастают неоднородность и дисбаланс: «каждый развивается в направлении своих особых склонностей; экономически более сильные извлекают из процветания больше выгод, чем слабейшие, и неравенство возрастает» [Богданов 1989]. Кризис возникает тогда, когда при дальнейшем накоплении энергии нарушается ее усвоение. По словам Богданова, «рано или поздно накопление внутренней неустойчивости доходит до кризиса» [Богданов 1989]. В то же время «возрастающий приток материи и энергии из области производства перестает усваиваться обществом благодаря нарушенному равновесию его отношений и стихийно растрачивается вполне бесплодно или даже ко вреду общества» [Богданов 1989].

Объяснение циклического развития экономики через изменение базисных технологий, которое использует Шумпетер, также ранее приводил Богданов. Характеризуя выход системы из кризиса, он пишет: «повсюду кризис вызывает тенденцию отбросить устаревшие способы производства, устаревшие формы организации предприятий в пользу способов и форм более современных, какие только находятся. В результате по окончании кризиса, когда вновь вступает в силу положительный подбор, экономическая система может оказаться – и до сих пор оказывалась – своеобразно оздоровленной и, несмотря на резкое временное ослабление, способной затем достичь нового процветания на более высоком

уровне техники и организации» [Богданов 1989]. Используя методологию Богданова и МСА, охарактеризуем современное состояние системы МО.

Неолиберальная мир-система

Неолиберальная мир-система начала формироваться после кризиса 1970-х гг. Новая повышательная волна К-цикла в 1980-х гг. началась с внедрения информационных технологий, которые гарантировали странам глобального Севера конкурентное преимущество на мировых рынках. После распада социалистического блока страны Запада заняли доминирующее положение в центре мир-системы. Неолиберальный миропорядок, который основан на глобальных финансовых институтах, выражал общие интересы Запада. Он позволял государствам центра расширять экономическое господство и обеспечивать бесперебойное извлечение прибыли из стран периферии и полупериферии, осваивая новые рынки. Используя терминологию немецкого экономиста К. Каутского, этот период можно охарактеризовать как «ультраимпериализм» [Anthony Brewer 1990] – период относительно стабильного существования системы, обусловленный общими экономическими и политическими интересами стран центра. В это время действует механизм положительного подбора, в системе появляются новые элементы и связи. Она становится более жизнеспособной. Так, распространение информационных технологий в периферийных странах повышает производительность труда в них, а также увеличивает экономическую эффективность системы в целом. Появляются новые индустриальные страны, которые способны освоить ведущие технологии.

Однако по мере развития обостряется основное противоречие мир-системы – диспропорции между совокупным производством и потреблением, особенно ярко выраженное по линии Север-Юг^{3,4}. Снижается рентабельность инвестиций, в т. ч. иностранных [Абдулов, Джабборов, Комолов, Маслов, Степанова 2021]. Рост глобального неравенства эмпирически подтверждает тезис Богданова о прогрессирующем структурном дисбалансе производства и потребления. Рост финансового сектора глобальной экономики, который в несколько раз превышает реальный сектор, говорит о том, что большая часть инвестиций задействована не в сфере производства, а в распределении. С началом мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. наступает понижательная волна К-цикла, а вместе с ней – новый этап развития мир-системы. Ее структура начинает трансформироваться. С точки зрения тектологии теперь основную роль начинает играть отрицательный подбор, который обостряет экономическую конкуренцию на глобальном уровне. Проблемы эффективности рынка как ингрессивной связки проявляются в развитии деглобализации, торговых войнах, усилении протекционистских тенденций⁵, широкомасштабных экономических санкциях. Ослабление системы заметно в уменьшении ее способности сопротивляться изменениям среды. Примером подобной проблемы стала пандемия коронавируса, которая показала неспособность государств организовать глобальный ответ на вирус COVID-19.

---

³ Technology and Innovation Report 2021. UNCTAD. (<https://unctad.org/publication/technology-and-innovation-report-2021>).

⁴ Richest 1% bag nearly twice as much wealth as the rest of the world put together over the past two years. Oxfam international. 16th January 2023. (<https://www.oxfam.org/en/press-releases/richest-1-bag-nearly-twice-much-wealth-rest-world-put-together-over-past-two-years>).

⁵ Total number of implemented interventions since November 2008. Global Trade Alert. (https://www.globaltradealert.org/global_dynamics2021).

В результате дестабилизации процессов производства формируется дезинтеграция политических связей на всех уровнях мир-системы. Брекзит и торговые войны между США и Европейским союзом свидетельствуют о нарастании политической нестабильности. Наглядным примером такого противоречия служит борьба США и Китая, в которой напрямую сталкиваются интересы лидеров глобального Севера и Юга. Можно прогнозировать, что именно вокруг этого противостояния и будут формироваться контуры новой мир-системы, и в ближайшем будущем формирование новых и трансформация старых экономических и военно-политических блоков будут становиться интенсивнее. Кроме того, учитывая принципиальный характер противоречия, трансформация системы может привести к глобальному вооруженному конфликту с непредсказуемыми последствиями.

В то же время появляются стабилизирующие механизмы, прогрессивные элементы и связи, которые могут лечь в основу новой структуры МО. На смену неолиберальному миропорядку, который обеспечивает доминирование стран центра над полупериферией и периферией, могут прийти равноправные отношения с конструктивным сотрудничеством, которое будет основано на международном разделении труда в рамках многополярного миропорядка. МСА показывает, что глобальный характер производства позволяет построить систему глобального регулирования экономических и политических отношений, которая будет действовать в интересах всего мирового сообщества как единого целого. Такой сценарий потенциально может решить проблему структурного дисбаланса и снизить уровень конфликтности. Для его осуществления необходимо, чтобы руководство в ведущих странах проявило политическую волю и желание идти на компромисс перед лицом глобальных проблем.

Актеры мировой политики уже пытались построить подобные отношения. Существуют исторические примеры – например, создание Совета экономической взаимопомощи и др. Можно указать и на действующие сейчас организации, в том числе «Боливарианский альянс для народов наших Америк» или АЛБА⁶ – латиноамериканский межправительственный интеграционный союз, членами которого выступают Куба, Венесуэла, Никарагуа и Боливия (до 2019 г. – Эквадор). Интеграционные механизмы АЛБА обеспечивают создание единого экономического пространства на базе совместных государственных предприятий в том числе из финансового и банковского сектора, а также единой системы по управлению этим пространством, в которой применяют инструменты индикативного планирования на межправительственном уровне. На определенном этапе Боливарианский альянс смог решить ряд социально-экономических задач, с которыми традиционные интеграционные объединения справиться не могли. Наиболее эффективно развивались те направления, где государственное участие было максимальным. Неудачи объединения связаны не только с объективными факторами (низкая степень взаимной дополняемости экономик, недостаток ресурсов), но и с субъективными проблемами организации. В частности, государства-участники, за исключением Кубы, отличаются низкой степенью огосударствления экономик. Приведенные факторы не позволили в полной мере раскрыть потенциал альянса [Борейко 2021].

Вывод

Применение тектологии и мир-системного анализа позволяет создать динамическую модель МО на основании объективных закономерностей ее развития. Данный подход предоставляет возможность учитывать не только технологические, но также социальные и

⁶ Была создана по инициативе руководства Венесуэлы и Кубы в 2004 г.

политические аспекты прогресса. Такой метод преодолевает механистическое представление о невозможности конфликта в условиях глобальных рыночных связей. Наоборот, чем прочнее и разнообразнее эти связи, тем масштабнее будут последствия их разрушения. Так как выходом из кризиса может стать распад системы или ее деградация, обществу необходимо использовать те элементы и связи, которые позволяют адаптировать уровень ассимиляции системы к дезассимиляции, а также уравновесить производство и потребление в условиях технологического перехода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абдулов Р.А., Джабборов Д.Б., Комолов О.О., Маслов Г.А., Степанова Т.Д. (2021) Деглобализация: кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку: научный доклад. М.: Научная лаборатория современной политэкономии. 269 с. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.28808.14087>

Abdulov R., Dzhabborov D., Komolov O., Maslov G., Stepanova T. (2021) *Deglobalizatsiya: krizis neoliberalizma i dvizhenie k novomu miroporyadku: nauchnyi doklad* [Deglobalization: The Crisis of Neoliberalism and the Movement Towards a New World Order: A Scientific Report]. Moscow: Nauchnaya laboratoriya sovremennoj politekonomii. 269 p. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.28808.14087> (In Russ.)

Алешин А.А. (2023) Законы организации: к трехуровневой модели анализа многостороннего сотрудничества государств // В: Великобритания-Евросоюз-НАТО: реорганизация «трансатлантического пространства безопасности». М.: «Аспект Пресс». С. 32–56.

Aleshin A.A. (2023) *Zakony organizatsii: k trehurovnevoj modeli analiza mnogostoronnego sotrudnichestva gosudarstv* [Patterns of Organization: Towards a Three-level Model for Analyzing Multilateral Cooperation between States]. In: *Velikobritanija-Evrosojuz-NATO: reorganizacija "transatlanticheskogo prostranstva bezopasnosti"*. Moscow: Aspekt Press. Pp. 32–56. (In Russ.)

Богданов А.А. (1989) Тектология. М.: Экономика. 302 с.

Bogdanov A. (1989) *Tektologiya* [Tectology]. Moscow: Economy. 302 p. (In Russ.)

Богданов А.А. (2020) Краткий курс экономической науки. М.: URSS. 264 с.

Bogdanov A.A. (1989) *Kratkij kurs jekonomicheskoy nauki* [Short Course in Economics]. Moscow: URSS. 264 p. (In Russ.)

Борейко А.В. (2021) Опыт социалистической интеграции на примере Боливарианского Альянса // Вопросы политической экономики. № 4. С. 127–143. <https://zenodo.org/record/5838373>

Boreyko A.V. (2021). *Opyt sotsialisticheskoi integratsii na primere Bolivarianskogo Al'yansa* [The Experience of Socialist Integration on the Example of the Bolivarian Alliance]. *Voprosy politicheskoi ekonomii*, no. 4, pp. 127–143. <https://zenodo.org/record/5838373> (In Russ.)

Валлерстайн И. (2006) Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего. 245 с.

Wallerstein I. (2006) *Mirosistemnyj analiz: vvedenie* [World-system Analysis: An Introduction]. Moscow: Territoriya budushchego. 245 p. (In Russ.)

Моисеева Д.Э. (2023) Преимущества организационной теории Александра Богданова в объяснении трансформации Европейского союза // Полис. Политические исследования. № 3. С. 39–49. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.08>

Moiseeva D.E. (2023) *Preimushhestva organizacionnoj teorii Aleksandra Bogdanova v ob'jasnenii transformacii Evropejskogo sojuza* [Advantages of Alexander Bogdanov's Organizational Theory in Explaining the Transformation of the European Union]. *Polis. Politicheskie issledovanija*, no. 3, pp. 39–49. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.08> (In Russ.)

Стрежнева М.В. (2022) Реальность, онтология и подстановка в теории организации Александра Богданова // Мировая экономика и международные отношения. № 8. С. 101–110. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-8-101-110>

Strezhneva M.V. (2022) Real'nost', ontologija i podstanovka v teorii organizacii Aleksandra Bogdanova [Reality, Ontology and Substitution in the Alexander Bogdanovs' Theory of Organization]. *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, no. 8, pp. 101–110. (<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-8-101-110>) (In Russ.)

Brewer A. (1990) *Marxist Theories of Imperialism: A Critical Survey*. 2nd Ed. London: Routledge. 300 p.

Hilferding R. (2007) *Finance Capital: A Study in the Latest Phase of Capitalist Development*. New Ed. London: Routledge. 480 p.

Marlin-Bennett R., Johnson K.D. (2017) *International Political Economy: Overview and Conceptualization* // *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. International Studies Association and Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.239>

Информация об авторе

Борейко Антон Владимирович, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра изучения стратегического планирования Научно-исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: aboreyko@imemo.ru

About the author

Anton V. Boreyko, Candidate of Sciences (Politics), Research Fellow, Centre for Strategic Planning Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). Address: 117997, 23, Profsoyuznaya st., Moscow, Russia. E-mail: aboreyko@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 30.08.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 13.12.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 12.04.2024

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ DIGITALIZATION AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Оригинальная статья / Original article

Цифровизация как источник экономического роста

© В.Г. ВАРНАВСКИЙ

Варнавский Владимир Гаврилович, Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН (Москва, Россия), varnavsky@imemo.ru. ORCID: 0000-0003-1772-1800

Цель работы – оценить влияние цифровизации на мировой экономический рост и занятость за последние 20–30 лет. Выделены волны цифровизации, изучена динамика развития и структура ее материальной основы – информационно-коммуникационного комплекса (ИКК). Используются методы математической статистики для анализа временных рядов, экономических циклов и трендов, оценки структурных сдвигов, регрессии. В качестве основных источников цифровой и фактографической информации использованы базы данных международных организаций, таких как ЮНКТАД, ВТО, ОЭСР, Национальный научный совет США, Бюро экономического анализа США и т. д. Рассчитаны и обоснованы главные тренды последних 10–15 лет: выход комплекса информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) после кризиса 2008–2009 гг. на стационарные траектории роста; начало второй волны цифровизации в 2015–2016 гг., усиленной пандемией COVID-19; опережающее развитие услуг ИКТ и др.

Ключевые слова: цифровизация, мировая экономика, экономический рост, драйверы роста, ИКТ, НИОКР

Цитирование: Варнавский В.Г. (2024) Цифровизация как источник экономического роста // Общественные науки и современность. № 2. С. 63–78. DOI: 10.31857/S0869049924020058, EDN: zmxrdu

Digitalization as a Driver of Economic Growth

© V. VARNAVSKII

Vladimir G. Varnavskii, V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), varnavsky@imemo.ru. ORCID: 0000-0003-1772-1800

Abstract. The purpose of this paper is to assess the impact of digitalization on global economic growth and employment over the past 20–30 years. The waves of digitalization are highlighted, the dynamics and components of its material basis – the Information and Communication Technology (ICT) – are studied. Methods of mathematical statistics and common methods for analyzing time series, economic cycles and trends, structural shifts, regressions were used. Databases of such specialized agencies as UNCTAD, WTO, OECD, the US National Scientific Council, the Bureau of Economic Analysis USA, etc. are used as the main sources of digital and factual information. The main trends of the last 10–15 years have been calculated and justified: the exit of the ICC complex after the crisis of 2008–2009 to stationary growth trajectories; the beginning of the second wave of digitalization in 2015–2016, intensified by the COVID-19 pandemic; the advanced development of ICC services, etc.

Keywords: digitalization, world economy, economic growth, drivers of growth, ICT, R&D

Citation: Varnavskii V. (2024) Digitalization as a Driver of Economic Growth. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 63–78. DOI: 10.31857/S0869049924020058, EDN: zmxrdu (In Russ.).

Цифровизация охватывает все области деятельности человека и включает разработку, создание, производство, распространение, применение и освоение цифровых технологий. Она проникает не только в сферы производства и потребления, но и в быт, семью, культуру, формирует субъектность индивида и его мировосприятие.

В отдельно взятой статье невозможно (ни с теоретической, ни с практической точек зрения) рассмотреть, а тем более проанализировать многочисленные аспекты цифровизации. В данном исследовании речь будет идти о материально-технической базе распространения цифровых технологий – об информационно-коммуникационном комплексе (ИКК). Помимо вычислительной техники, коммуникационного и другого оборудования (компьютеры, электроника, периферийные устройства, телефоны, другие средства связи и оборудование) этот комплекс включает также услуги (связь, Интернет, программирование, информационные и прочие услуги соответствующего назначения), благодаря которым может быть обеспечена полная и всеобъемлющая цифровизация. С целью изучить интегральное воздействие цифровизации на экономический рост и получить конкретные количественные оценки за точку отсчета и объект исследования в данной статье принят ИКК.

С начала 1990-х гг. развитие ИКК стало толчком для глобального роста мировой экономики, наряду с двумя другими драйверами социально-экономического развития – глобализацией и усилением влияния китайской экономики на мирохозяйственные процессы. Однако постепенно развитие ИКК замедлилось, и его воздействие на экономику уменьшилось, период экстенсивного расширения закончился, произошло насыщение. К концу первого десятилетия XXI в. скорость цифровизации приблизилась к средним значениям темпов роста мировой экономики. Развитие ИКК с преимущественно количественных показателей перешло на качественный уровень – стали развиваться основанные на ИКК услуги, программное обеспечение, базы данных. Идет масштабное внедрение новых тех-

нологий, таких как платформенные решения, «облака», блокчейн, искусственный интеллект, виртуальная реальность и др.

Оценке влияния технологического развития на экономический рост посвящено множество исследований, начиная с работ американского экономиста и нобелевского лауреата Р. Солоу по теории экономического роста (и построения им и его учениками моделей экзогенного научно-технического прогресса) до крупных монографий и статей последних лет.

В современной отечественной и зарубежной научной литературе тема цифровизации как источника роста занимает заметное место [Вызовы... 2019; Прохоров, Коник 2019; Сологубова 2023]. В ряде статей представлены подробные обзоры научных публикаций по этой теме [Аренков, Салихова, Сайфутдинов 2021; Федоров, Сотников 2022]. Среди зарубежных трудов следует выделить исследования и доклады ведущих международных организаций: Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международного союза электросвязи и др.¹, а также работы известных экономистов, в частности Р.Д. Аткинсона, Р.Дж. Гордона [Atkinson 2018; Gordon 2018] и др.

Большое количество публикаций посвящено сравнительному анализу влияния цифровизации на экономическое развитие отдельных стран и регионов. Так, в указанной выше книге Р.Д. Аткинсона сопоставлено воздействие ИКТ на производство, занятость, производительность труда в США и странах ЕС [Atkinson 2018]. Работа [Myovella, Karacuka, Haucap 2020] посвящена анализу вклада цифровизации в экономический рост региона Африки к югу от Сахары и стран ОЭСР. В исследование включены 41 страна региона и 33 государства ОЭСР. В качестве инструментария использованы обобщенные линейные методы оценки моментов и методы статистической обработки рядов за период с 2006 по 2016 г. Показано, что цифровая трансформация вносит положительный вклад в экономический рост в обеих группах стран, но по секторам ИКТ он различается. Например, влияние широкополосного интернета минимально для Африки, в то время как значение мобильных телекоммуникаций выше в странах региона к югу от Сахары по сравнению со странами ОЭСР. Сделан вывод, что менее передовые технологии создают больше возможностей в наименее развитых странах, поскольку там относительно более высокий потенциал для совершенствования.

Ученые Индии и Австралии [Pradhan, Mallik, Bagchi 2018] изучают долгосрочную зависимость между инфраструктурой ИКТ, реальным валовым внутренним продуктом (ВВП) на душу населения и другими показателями в странах Большой двадцатки (G-20). Используя регрессионные модели и методологию, удалось показать, что улучшение инфраструктуры ИКТ – очевидный императив при разработке политики в области цифровой трансформации.

Особое место в исследованиях последних лет занимает пандемия COVID-19. Главные темы – цифровая трансформация в условиях пандемии, построение математических моделей, чтобы оценить ее влияние на цифровую экономику и управление рисками в глобальных цепочках создания стоимости².

¹ UNCTAD (2021) Digital Economy Report 2021. New York: UNCTAD. 213 p. DOI: 10.18356/9789210058254. OECD (2020a) Digital Transformation in the Age of COVID-19: Building Resilience and Bridging Divides. Paris: OECD. 8 p. DOI: 10.1787/bb167041-en

ITU (2020) Economic impact of COVID-19 on digital infrastructure. Geneva: ITU. 23 p. (https://www.itu.int/pub/D-PREF-EF.COV_ECO_IMPACT-2020).

² UNCTAD (2022) Recovering from COVID-19 in an increasingly digital economy: Implications for sustainable development. New York: UNCTAD. – 16 p. (https://unctad.org/system/files/official-document/tdb_ede5d2_en.pdf).

Многие авторы используют в качестве статистической основы длинные ряды экономических показателей. Как правило, в них проводится сопоставительный анализ влияния ИКК на отрасли и экономику стран (групп стран). В то же время важно оценить общий эффект развития ИКК в категориях глобального экономического роста. Такие работы тоже есть (в частности, указанные выше исследования международных организаций), но, во-первых, их не так много, а во-вторых, они не позволяют судить об общемировых долгосрочных трендах. Кроме того, за последнее время произошли важные события (кризис мировой торговли 2015–2016 гг., пандемия COVID-19 и др.), которые внесли изменения в представления о цифровизации и ее воздействии на мировой экономической рост.

В данной статье поставлена цель оценить влияние цифровизации как источника мирового экономического роста в современных условиях, включая период пандемии COVID-19.

Методические подходы

Состав и структура комплекса ИКК

Отраслевой комплекс цифровой экономики включает значительное количество видов деятельности, неоднороден по структуре и роли в воспроизводственных процессах. Оценки его воздействия на экономический рост зависят от состава отраслей. Например, по данным доклада ЮНКТАД 2019 г., масштабы цифровой экономики варьируются от 4,5 до 15,5% мирового ВВП³. Поэтому важный методический вопрос данного исследования – развитие понятийного аппарата и выделение в структуре мирового хозяйства межотраслевого комплекса, который можно отнести к цифровой экономике.

В 2008 г. в Международной стандартной отраслевой классификации видов экономической деятельности, принятой ООН (далее – СОК 2008; International Standard Industrial Classification of All Economic Activities, ISIC), на уровне 2-значного кода появились отрасль «Производство вычислительной, электронной и оптической техники» (Division 26) и ее подотрасль «Производство компьютеров и периферийного оборудования» (Group 262)⁴. Тем самым крупный структурный сдвиг в мировой экономике по формированию межотраслевого ИКК был отражен в статистических расчетах.

Структурно данный комплекс включает три сегмента: 1. производственные отрасли обрабатывающей промышленности по выпуску бытовой электроники, электронных компонентов и плат, компьютеров и периферийного оборудования, средств связи, магнитных и оптических носителей и другой аналогичной по назначению продукции; 2. оптовая и розничная торговля этими товарами; 3. отрасли услуг ИКК: телекоммуникации, программирование, выпуск программного обеспечения, обработка данных, включая хостинг и веб-порталы, ремонт соответствующего оборудования и т. д. В статистике ВТО и в исследованиях этой и других организаций к первому сегменту часто относят также офисную вычислительную технику.

OECD (2023) Policies to strengthen the resilience of global value chains: Empirical evidence from the COVID-19 shock. Paris: OECD. 43 p. (<https://www.oecd.org/publications/policies-to-strengthen-the-resilience-of-global-value-chains-fd82abd4-en.htm>).

WTO (2021) COVID-19 and Global Value Chains: A Discussion of Arguments on Value Chain Organization and the Role of the WTO. WTO Working Papers. 2021. No. 2021/03. – 34 p. (https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd202103_e.htm).

³ UNCTAD (2019) Digital Economy Report 2019. New York: UNCTAD. P. xvi. (https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_en.pdf).

⁴ UN (2008) International Standard Industrial Classification of All Economic Activities, ISIC, Rev. 4. New York: UN. (<https://unstats.un.org/unsd/classifications/Econ/isic>).

Для формирования конкретных показателей цифровой экономики в 2020 г. ОЭСР предложила несколько уровней обобщения (агрегирования)⁵. В данной работе для оценок и расчетов будет использован главным образом базовый показатель цифровой экономики – экономическая деятельность производителей товаров и услуг ИКК. Другие показатели не позволяют получить адекватную картину исследуемых процессов, более того, иногда даже искажают ее⁶.

Подходы к исследованию

Инструментарий исследования базируется на статистических методах анализа длинных временных рядов и обработки данных: выделение, оценка, построение трендов, расчет темпов роста, прироста, дефлятирования, регрессии и т. д.; межстрановой сопоставительный анализ; структурный анализ (расчет показателей структурных сдвигов, определение долей, оценка скорости изменения показателей и т. д.). В качестве данных использована статистическая информация международных организаций (ЮНКТАД, ОЭСР, Всемирный банк, ЕС, Международный союз электросвязи и др.) и национальных агентств США.

В рамках структурного анализа рассмотрены две основные составляющие ИКК – материальное производство (обрабатывающая промышленность) и услуги. Главной статьей услуг выступает программирование. Структура торговых потоков изучена на уровне 2-значных кодов международной (СОК 2008; ISIC, Rev. 4) и национальной таможенной статистики, а когда необходимо – на уровне 3–4-значных кодов. В частности, анализируются товарные группы: 8541 – диоды, транзисторы и аналогичные полупроводниковые приборы; светочувствительные полупроводниковые приборы; 8542 – электронные интегральные схемы; их части.

Методом аппроксимации выделены долговременные тренды, оценены коэффициенты корреляции экономических показателей и их приближений. Для статистических данных временных рядов и выделенных трендов рассчитаны коэффициенты детерминации R².

Волны цифровизации

С конца 1980-х гг. цифровизация набирала силу, проникая постепенно во все сферы производства и потребления, меняя условия жизни и быта людей. Применяя методы статистического анализа, можно выделить две волны активизации воздействия ИКТ на производственные процессы.

Производство и занятость

Согласно данным Национального научного совета США (одна из ведущих организаций, которая предоставляет статистику в сфере ИКТ, включая научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы – НИОКР), в 2019 г.⁷ мировой ИКТ произвел продукции на сумму 3367 млрд долл. США, что составляет около 4,2% мирового ВВП (табл. 1). Примерно такие же оценки приводит Всемирный банк. Согласно его расчетам, комплекс ИКТ производит 4–5% мирового ВВП и обеспечивает 1–2% занятости в мировой экономике⁸.

⁵ OECD (2020b) A roadmap toward a common framework for measuring the Digital Economy. Paris: OECD. 122 p. (<https://www.oecd.org/sti/roadmap-toward-a-common-framework-for-measuring-the-digital-economy.pdf>).

⁶ Более широкий показатель цифровизации включает, например, деятельность компаний, которые зависят от цифровых ресурсов.

⁷ Последний год, за который опубликованы данные на момент подготовки данной статьи.

⁸ World Bank (2016) World Development Report 2016: Digital Dividends. Washington: World Bank Group. P. 19. (<http://documents.worldbank.org/curated/en/896971468194972881/pdf/102725-PUB-Replacement-PUBLIC.pdf>).

Таблица 1

Мировой объем производства в секторах ИКТ, 2019 г.

Table 1

World output in ICT sectors, 2019

Отрасль	Код по СОК 2008, (ISIC, Rev. 4)	Млрд долл. США	Доля в мировом ВВП, %
Производство ИКТ	26	1255	1,6
Услуги ИКТ	62–63	1721	2,1
Программное обеспечение*	582	391	0,5
Всего		3367	4,2

Примечание: *Разработка программного обеспечения входит в издательскую деятельность (группа 58 СОК 2008).

Рассчитано по: NSB. Science & Engineering Indicators. Production and Trade of Knowledge and Technology Intensive Industries. Supplemental Materials Table КТИ-3. Интернет-ресурс. (<https://nces.nsf.gov/pubs/nsb20226/downloads>).

Note: *Release (publication) of software is included in publishing activities (group 58 SOK 2008).

Calculated from: NSB. Science & Engineering Indicators. Production and Trade of Knowledge and Technology Intensive Industries. SupplementalMaterialsTable КТИ-3. Internet resource. (<https://nces.nsf.gov/pubs/nsb20226/downloads>).

Более точную информацию по динамике занятости дает ЮНКТАД. Согласно данным этой международной организации, в 2010–2017 гг. численность занятых в ИКТ в среднем по выборке основных 53 стран мира составляла по годам (% от общей занятости): 2010 – 2,4; 2011 – 2,4; 2012 – 2,4; 2013 – 2,4; 2014 – 2,6; 2015 – 2,5; 2016 – 2,5; 2017 – 2,6⁹.

По прогнозам экспертов, в 2023 г. расходы на информационные технологии в мире составят около 4,6 трлн долл. США, что на 5,5% больше, чем в 2022 г.¹⁰. Здесь в информационные технологии, помимо ИКТ, включены издательская деятельность, индустрия кино и звукозаписи, прочие информационные услуги, что объясняет несколько более высокие относительные показатели.

Если рассматривать более длительный период времени, то с конца 1980-х гг. рост ИКТ был неравномерным. До кризиса «доткомов» 2000 г., вызванного массовым крахом интернет-компаний, наблюдались очень высокие (часто двузначные) темпы ежегодного прироста производственной составляющей комплекса (первая восходящая волна цифровизации). В результате к концу первого десятилетия XXI в. произошло насыщение мирового рынка компьютерной техникой и оборудованием и последовал спад (табл. 2).

Период 2002–2010 гг. характеризовался наиболее значительным ростом мирового производства персональных компьютеров, электроники и офисной техники, т. к. происходил массовый переход предприятий на информационные технологии, также активно шло их внедрение в домохозяйствах. В 2011 г. было произведено максимальное количество компьютеров – 365 млн шт. Затем произошел спад, завершилась первая волна цифровизации. Отрасль вышла на показатели, которые стабильно снижались. Толчок дала лишь пандемия

⁹ UNCTAD (2019) Digital Economy Report 2019. New York: UNCTAD. P. 77. (https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_en.pdf).

¹⁰ Information technology (IT) worldwide spending from 2005 to 2024. Интернет-ресурс Statista.com. Feb 20, 2024. (<https://www.statista.com/statistics/203935/overall-it-spending-worldwide/>).

COVID-19, когда вследствие перехода части занятых на дистанционные формы работы резко возрос спрос на компьютеры (рис. 1).

Таблица 2

Объем мирового производства компьютеров и офисной техники, добавленная стоимость

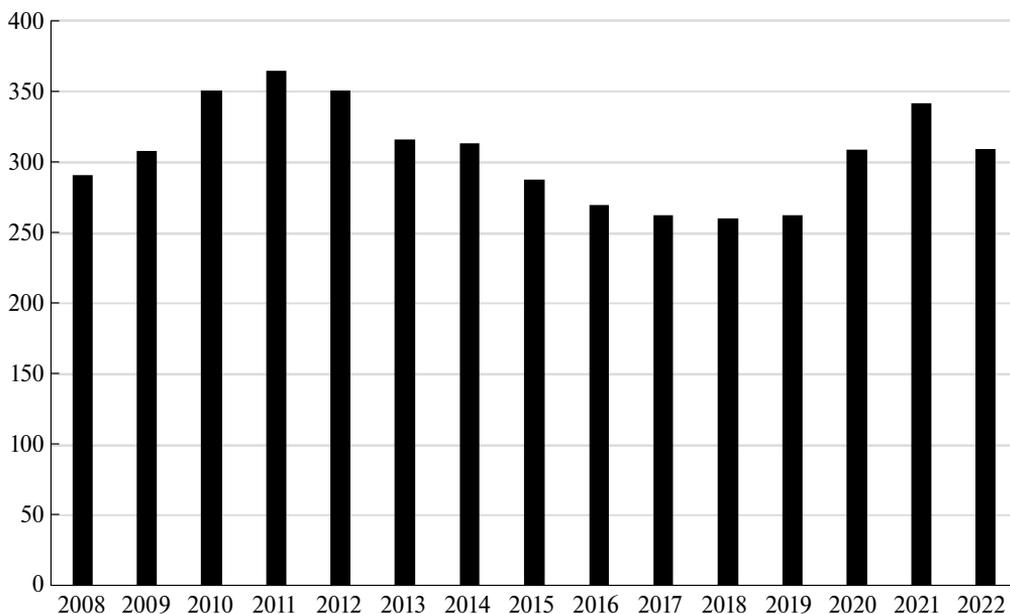
Table 2

Volume of world production of computers and office equipment, value added

Годы	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Млрд долл.	85	96	100	115	118	125	129	116	119	119	117	115	113
Ежегодный прирост, %		+11	+4	+15	+3	+7	+4	-13	+3	0	-2	-2	-2

Рассчитано по: NSB. Science & Engineering Indicators 2016. Data. Appendix Table 6–14. (<https://www.nsf.gov/statistics/2016/nsb20161/#/downloads/report>).

Calculated from: NSB. Science & Engineering Indicators 2016. Data. Appendix Table 6–14. Internet resource. (<https://www.nsf.gov/statistics/2016/nsb20161/#/downloads/report>).

Рисунок 1. Динамика производства персональных компьютеров в мире, млн шт.

Figure 1. Dynamics of personal computer production in the world, million units

Рассчитано по: Richter F. PC Demand Set to Slump After Pandemic Boost. (<https://www.statista.com/chart/12578/global-pc-shipments/>).

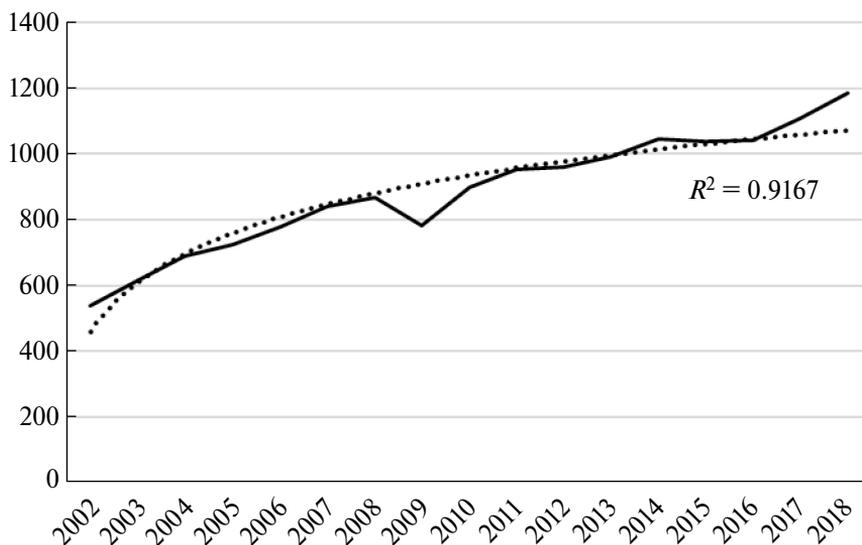
Calculated from: Richter F. PC Demand Set to Slump After Pandemic Boost. (<https://www.statista.com/chart/12578/global-pc-shipments/>).

В 2021 г. производство компьютеров в мире такжеросло и достигло максимального после 2012 г. значения – 342 млн шт. Однако прогноз экспертов на следующие годы пессимистичен – снижение производства на 9% до 310 млн шт., что объясняется насыщением

мирового рынка в результате преодоления последствий пандемии COVID-19 и возвращением работников в офисы. Однако пока мировые поставки ПК все еще выше допандемийного уровня.

Если анализировать ИКТ в стоимостных показателях и в другой отраслевой классификации, когда в одну отрасль объединены производство компьютеров, электроники и оптики, то картина будет несколько иной (рис. 2).

Оценки Международного союза электросвязи свидетельствуют о насыщении и другого важного сегмента ИКТ – мобильной телефонной связи и Интернета. По данным на 2022 г., три четверти населения земного шара имели мобильные телефоны, а численность индивидуальных пользователей Интернета достигла 5,4 млрд человек, или 67% населения планеты¹¹.

Рисунок 2. Мировое производство компьютеров, электроники и оптики, добавленная стоимость, в текущих ценах

Figure 2. World production of computers, electronics and optics, value added, at current prices

Рассчитано по: NSB. Science & Engineering Indicators. Production and Trade of Knowledge- and Technology- Intensive Industries. Supplemental Materials. Table S. 6–7. (<https://nces.nsf.gov/pubs/nsb20205/downloads>).

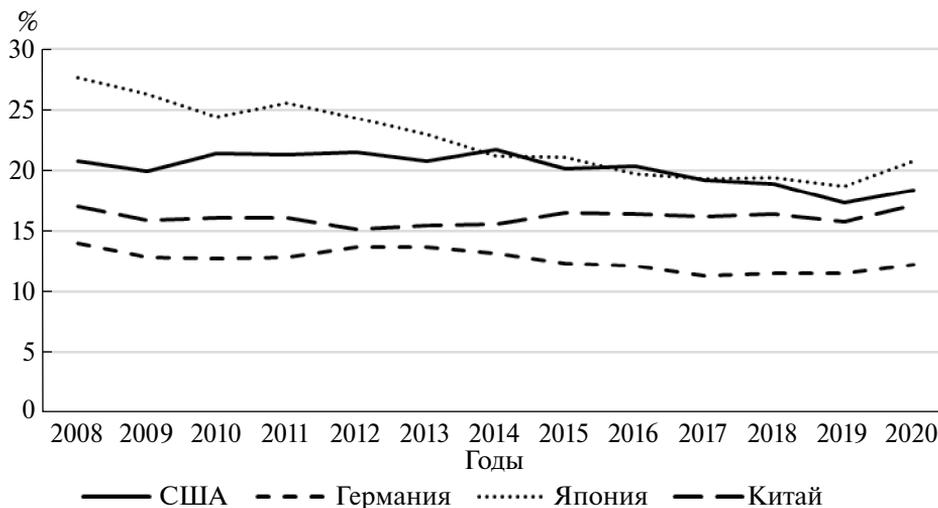
Calculated from: NSB. Science & Engineering Indicators. Production and Trade of Knowledge- and Technology- Intensive Industries. Supplemental Materials. Table S. 6–7. Internet resource. (<https://nces.nsf.gov/pubs/nsb20205/downloads>).

НИОКР

Похожие тенденции наблюдались в НИОКР сферы ИКТ. Так, уменьшался удельный вес ИКТ в расходах на НИОКР в основных развитых странах. С 2008 по 2020 г. он сократился по странам: в США – с 21 до 17%, в Японии – с 28 до 21%, в Германии – с 14 до

¹¹ ITU Statistics. (<https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx>).

12% (рис. 3). Даже в Китае значение этого показателя не росло, сохранялось в пределах 15–17%, в отдельные годы уменьшаясь, в другие – увеличиваясь.

Рисунок 3. Доля ИКТ в общих расходах бизнеса на НИОКР
в ведущих странах мира, %

Figure 3. Share of ICT in total business enterprise expenditure on R&D
in leading countries of the world, %

Рассчитано по: OECD. Stat. Main Science and Technology Indicators. (https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MSTI_PUB#).

Calculated from: OECD. Stat. Main Science and Technology Indicators. Internet resource. (https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MSTI_PUB#).

Таким образом, после кризиса 2008–2009 гг. восстановление производственных отраслей сектора ИКТ и расходование средств на НИОКР показывали слабую динамику. Ресурс первой восходящей волны цифровизации и в сфере НИОКР к этому времени был исчерпан. По нашей оценке, при расчете в постоянных ценах и дефлятировании исходных показателей можно было ожидать и абсолютного сокращения производства. В определенной мере ситуацию с производством в сфере ИКТ и НИОКР демпфировали, сгладили и стабилизировали два фактора – повышение спроса на внешних рынках на электронику и производство ИКТ-услуг. В данном случае в электронику включены поставки согласно кодам товаров таможенной статистики: 8541 – диоды, транзисторы и аналогичные полупроводниковые приборы; светочувствительные полупроводниковые приборы; и 8542 – электронные интегральные схемы; их части. Экспорт увеличивался даже тогда, когда производство для внутреннего потребления падало.

Экспорт

Объем мирового рынка производственного сегмента ИКК увеличился за 10 лет (с 2011 по 2021 г.) более чем в 2 раза – с 544 млрд долл. США до 1156 млрд долл. и превысил 5% мирового товарного экспорта (рис. 4).

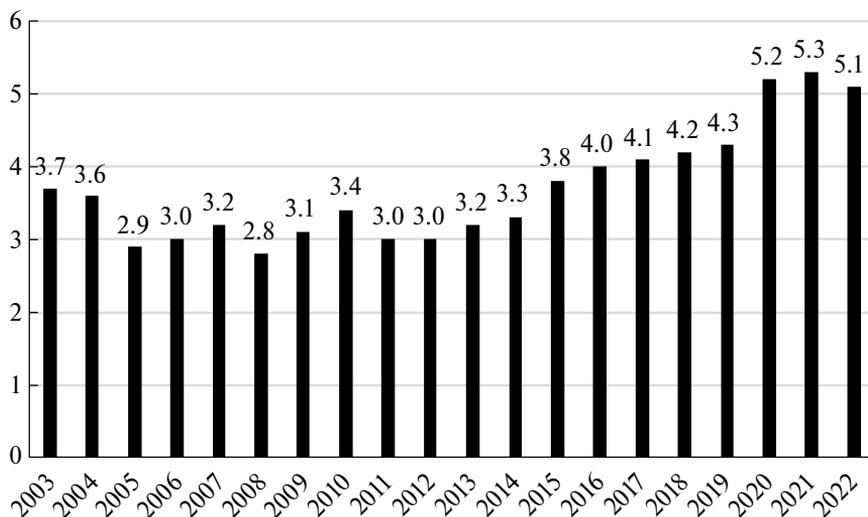

Рисунок 4. Доля электроники в мировом экспорте товаров, %

Figure 4. Share of electronics in global merchandise exports, %

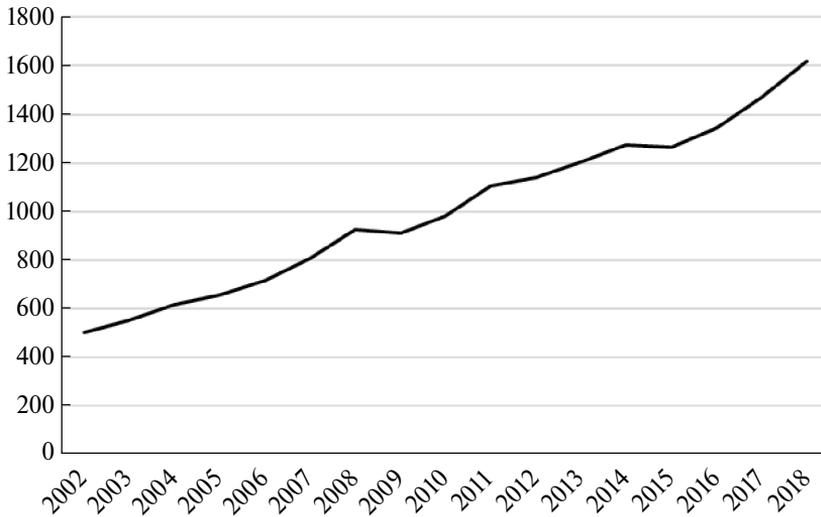
Рассчитано по: ИТС. Trade Map. Интернет-ресурс. (https://www.trademap.org/Product_SelProduct_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c%7c%7c%7c8542%7c%7c%7c4%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c4%7c1%7c1)
Calculated from: ITC. Trade Map. Internet resource. (https://www.trademap.org/Product_SelProduct_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c%7c%7c%7c8542%7c%7c%7c4%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c4%7c1%7c1).

ИКТ-услуги

В сегменте информационно-коммуникационных услуг высокие темпы роста сохранялись в течение всех 2000-х гг. (за исключением 2009 г.), т. е. сохранялся явно выраженный повышательный тренд при расчете в текущих ценах (рис. 5). Опережающий рост информационных услуг происходил главным образом за счет программного обеспечения, что хорошо видно на примере США. По оценке американского Бюро экономического анализа, доля ИКТ (производство и услуги) в ВВП страны в последнее десятилетие возросла с 6,2 до 7,6%, а информационно-коммуникационных услуг – с 4,5 до 5,6%, в то время как доля производственного сегмента (ИКК) снижалась с 1,6 до 1,4% (рис. 6). Здесь ИКТ включают: производство компьютерной продукции и электроники (за исключением навигационных, измерительных, электро-медицинских приборов и средств управления); программное обеспечение; вещание и телекоммуникации; обработку данных, хостинг и сопутствующие услуги; Интернет и веб-поисковые порталы; проектирование компьютерных систем и сопутствующие услуги.

Влияние ИКТ на экономический рост

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. стал переломным для сферы ИКТ не только в категориях экономической динамики. В начале 2000-х гг. ИКТ выступал главным источником экономического развития, обеспечивая по мировой экономике в целом примерно 0,5 из 4,3% прироста ВВП, что в 2–3 раза превышало его долю в мировом ВВП. В посткризисный период (2010–2017 гг.) значение этого показателя снизилось до 0,4% (табл. 3).

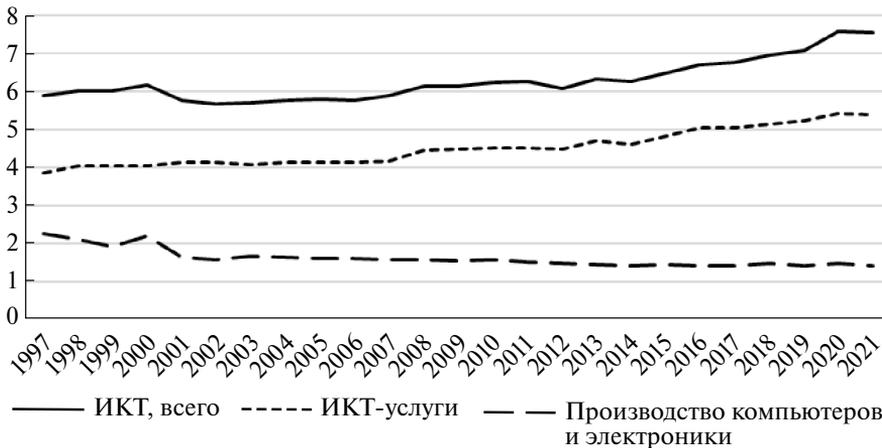

Рисунок 5. Мировой объем ИКТ-услуг и иных информационных услуг, по добавленной стоимости, млн долл., текущие цены

Figure 5. Global volume of ICT services and other information services, value added, million dollars, current prices

Рассчитано по: NSB. Science & Engineering Indicators. Production and Trade of Knowledge and Technology Intensive Industries. Supplemental Materials. Table S. 6–16. (<https://nces.nsf.gov/pubs/nsb20205/downloads>).

Calculated from: NSB. Science & Engineering Indicators. Production and Trade of Knowledge- and Technology- Intensive Industries. Supplemental Materials. Table S. 6–16. (<https://nces.nsf.gov/pubs/nsb20205/downloads>).

Рисунок 6. Доля ИКТ и его компонентов в ВВП США, %, расчет по добавленной стоимости, текущие цены

Figure 6. Share of ICT and its components in US GDP, %, calculated by value added, current prices

Рассчитано по: BEA. Value Added by Industry. (<https://www.bea.gov/itable/gdp-by-industry>).

Calculated from: BEA. Value Added by Industry. (<https://www.bea.gov/itable/gdp-by-industry>).

Таблица 3

Вклад ИКТ в темпы прироста мирового ВВП, %

Table 3

Contribution of ICT to world GDP growth, %

Показатель	2000–2007 гг.	2010–2017 гг.
Темпы прироста ВВП	4,3	3,4
в том числе за счет:		
труда	0,6	0,5
качества рабочей силы	0,3	0,3
капитала, за вычетом ИКТ	1,9	2,1
капитала ИКТ	0,5	0,4
многофакторной производительности труда	1,0	0,1

Рассчитано по: The Conference Board. (https://conference-board.org/retrievefile.cfm?filename=TED_ProductivityBrief_20191.pdf&type=subsite).

Calculated from: The Conference Board. (https://conference-board.org/retrievefile.cfm?filename=TED_ProductivityBrief_20191.pdf&type=subsite).

По странам вклад ИКТ в экономический рост значительно различается. В частности, на примере США очевидно сокращение этого показателя после кризиса 2008–2009 гг. (табл. 4). Наглядно виден повышательный тренд вклада ИКТ в экономический рост США во время второй волны цифровизации – с 2016 г.

Таблица 4

Вклад ИКТ в прирост ВВП США, %

Table 4

Contribution of ICT to US GDP growth, %

Показатель	Годы		
	2003–2007	2010–2015	2016–2022*
Вклад ИКТ, всего	20,2	18,7	22,2
в том числе:			
производство компьютеров и коммуникационного оборудования	10,3	7,0	5,6
ИКТ-услуги	2,6	3,3	2,5
программирование	7,3	8,4	14,1

Примечание: * без учета 2020 г.

Рассчитано по: BEA. Prices and Output for Information and Communication Technologies / Contributions to Real GDP for Final Sales of Computers, Software, and Communications Equipment. (<https://www.bea.gov/prices-and-output-information-and-communication-technologies>).

Note: *excluding 2020.

Calculated from: BEA. Prices and Output for Information and Communication Technologies / Contributions to Real GDP for Final Sales of Computers, Software, and Communications Equipment. Интернет-ресурс (<https://www.bea.gov/prices-and-output-information-and-communication-technologies>).

Интерпретация результатов

На основе проведенных расчетов и полученных результатов можно выделить ряд ключевых тенденций цифровизации в мире.

1. С кризисом 2008–2009 гг. закончилась первая волна активной цифровизации, а производственные отрасли ИКТ вышли на стационарные траектории роста, сопоставимые по темпам с мировым ВВП. Основные причины этого – насыщение мирового рынка компьютеров, электроники, средств мобильной телефонной связи, Интернета. Занятость в ИКТ оставалась примерно одинаковой, в пределах 2,4% от общей численности занятых. Доля производственного сегмента ИКТ в общих расходах бизнеса на НИОКР начала сокращаться. Акценты в структуре информационно-коммуникационного комплекса постепенно смещались с материального производства на услуги.

2. После 2015–2016 гг. обозначилась вторая волна цифровизации – вначале за счет услуг ИКТ и экспорта, а затем, с 2020 г., и производственного сегмента. В результате произошло новое увеличение объема выпуска промышленной продукции ИКТ, а доля занятых в комплексе в общей занятости возросла до 2,5–2,6%. Дополнительный импульс этому процессу придала пандемия COVID-19. Как было отмечено в одном из исследований, «мировая индустрия персональных компьютеров за последние два года пережила ренессанс»¹². Пандемия COVID-19 2020 г. стала потрясением и серьезным испытанием для всего человечества. Она привела к переосмыслению многих прогнозных трендов в производстве, внешней торговле, глобальных цепочках создания стоимости. По экспертным оценкам, сотни миллионов человек изменили образ жизни, статус, перешли на удаленные, дистанционные формы работы и учебы. В то же время пандемия привела к оживлению спроса на персональные компьютеры и периферийные устройства, мобильные средства связи, услуги Интернета, ускорила цифровизацию. Впервые с 2012 г., когда начался спад мирового производства персональных компьютеров, был отмечен его рост, и в 2021 г. их было выпущено более 340 млн ед.

3. Вторая волна повышения спроса на продукцию ИКТ не была продолжительной, что свидетельствует о ее конъюнктурной природе. Основным трендом остается стабилизация воздействия цифровизации на экономический рост, начало которой приходится на 2010-е гг. Уже в 2022 г. снова появились признаки насыщения рынка ИКТ и снижения спроса на его продукцию, что подтверждает вывод о переходе к стационарным траекториям роста этого сегмента мировой экономики на длительную перспективу. В дальнейшем его рост уже не сможет служить таким же источником роста мировой экономики, как на предыдущих этапах цифровизации. По мере преодоления последствий пандемии темпы роста ИКТ становятся сопоставимы с ростом мирового ВВП.

4. Для того чтобы активизировать экономическое развитие, во многих странах и регионах мира принимают и проводят проекты и программы расширенной цифровизации. Так, в Европейском союзе (ЕС) начата программа «Цифровая Европа», финансируемая из бюджета союза и направленная на внедрение цифровых технологий в интересах бизнеса, граждан и государственных администраций¹³.

5. Что касается искусственного интеллекта как одного из основных направлений дальнейшей цифровизации, то правительства многих стран также разрабатывают спе-

¹² Richter F. PC Demand Set to Slump After Pandemic Boost. (<https://www.statista.com/chart/12578/global-pc-shipments/>).

¹³ European Commission. The Digital Europe Programme. (<https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/activities/digital-programme>).

циальные программы и проекты. В частности, ЕС принял такую программу в 2020 г.¹⁴, а в 2021 г. Европейская комиссия опубликовала предложения относительно нового закона об искусственном интеллекте, который позволит определить основные направления его развития в ЕС¹⁵.

6. Несмотря на преимущества цифровизации, ее внедрение в производство и сферу услуг сопряжено с определенными трудностями. Компании по всему миру называют главными проблемами на пути цифровизации бизнеса нехватку кадров, низкие профессиональные навыки работников и культурные различия. А отсутствие стратегии перехода на цифровые технологии и недостаточная согласованность между подразделениями компаний – основные причины замедления темпов цифровизации в последние годы.

* * *

С начала 1990-х гг. по настоящее время в мировой экономике произошли серьезные количественные и качественные сдвиги в цифровизации. Вследствие этого человечество располагает теперь принципиально новыми, основанными на всепроникающей цифровой трансформации, производительными силами.

Компьютерная революция в целом состоялась. Активное проникновение цифровых технологий в экономику и домохозяйства подошло к насыщению. Его пик и максимальная степень воздействия на экономический рост пришлось на первое десятилетие XXI в. Отдельные всплески ускоренного роста производства в цифровых подотраслях возможны (как, например, это наблюдалось с персональными компьютерами в 2020 г.), но они будут носить, скорее всего, конъюнктурный и относительно кратковременный характер. Главным трендом, с нашей точки зрения, будет стабилизация относительных показателей ИКТ в мировой экономике на уровне 2010-х гг.

Конечно, нельзя исключить и опережающего развития ИКТ и повышенной в сравнении с ростом мировой экономики динамики цифровизации, но только в случае появления новых, уникальных, всепроникающих технологий и продуктов, сопоставимых по степени воздействия на экономический рост и социум с компьютером, мобильным телефоном, Интернетом и другими изобретениями цифровой эпохи. Пока таких продуктов не видно. При всех ожиданиях от искусственного интеллекта, Интернета вещей и прочих направлений цифровизации последнего десятилетия их сколько-нибудь существенного и, главное, активно расширяющегося воздействия на экономический рост не происходит.

Вместе с тем приведенные в статье количественные показатели – проценты и доли, темпы роста и прироста, расходы и занятость – не отражают в полной мере всей глубины произошедших в мире трансформаций и сдвигов под влиянием «цифры». Переворот, произведенный компьютером и распространением информационно-коммуникационных технологий, вызвал подлинную революцию в производстве, потреблении, управлении, а также общественном сознании. На этой базе возникли целые отрасли и виды деятельности: мобильная телефония и средства связи, Интернет, логистика, автоматизированные производственные линии и процессы, сборочные цеха и заводы,

¹⁴ European Commission. White Paper on Artificial Intelligence: a European approach to excellence and trust. (https://commission.europa.eu/publications/white-paper-artificial-intelligence-european-approach-excellence-and-trust_en).

¹⁵ EUR-Lex. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union legislative acts. (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1623335154975&uri=CELEX%3A52021PC0206>).

бизнес-модели, системы управления, обучения, телемедицина. В результате компьютеризации меняется социум, его быт и позиционирование в мире – планета стала маленькой для человека, а верхние пределы производственных возможностей практически исчезли – любой товар может быть произведен в любых количествах и доставлен в любую точку планеты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аренков И.А., Салихова Я.Ю., Сайфутдинов А.А. (2021) Цифровая трансформация: направления исследований и цифровые риски // Креативная экономика. Том 15. № 7. С. 2757–2776. <https://doi.org/10.18334/ce.15.7.112414>

Arenkov I.A., Salixova Ya.Yu., Sajfutdinov A.A. (2021) Cifrovaya transformaciya: napravleniya issledovaniy i cifrovyje riski [Digital transformation: research trends and digital risks]. *Kreativnaya ekonomika*, vol. 15, no. 7, pp. 2757–2776. <https://doi.org/10.18334/ce.15.7.112414> (In Russ.)

Вызовы цифровой трансформации и бизнес высоких технологий (2019) / Под ред. д.э.н. Н.А. Кравченко, д.э.н. В.Д. Марковой. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. 352 с. <https://doi.org/10.36264/CHALLENGES2019KNA>

Vyzovy cifrovoj transformacii i biznes vysokih tehnologij (2019) [*Challenges of digital transformation and high technologies business*] / N.A. Kravchenko, V.D. Markova, N.P. Baldina i dr. / pod red. d.e.n. N.A. Kravchenko, d.e.n. V.D. Markovoj. Novosibirsk: IE'OPP SO RAN. 352 s. (http://lib.ieie.nsc.ru/docs/2019/Kravchenko_Markova_Vizovi_cifrovoy_transformacii.pdf) (In Russ.)

Прохоров А., Коник Л. (2019) Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: ООО «Ком Ньюс Групп». 368 с. (https://xn--80aqm2b.xn--p1ai/wp-content/uploads/2021/09/digital_transformation_book.pdf).

Prohorov A., Konik L. (2019) Cifrovaya transformaciya. Analiz, trendy, mirovoj opyt [*Digital transformation. Analysis, trends, world experience*] Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe. M.: ООО «Ком Ньюс Групп». 368 s. (https://xn--80aqm2b.xn--p1ai/wp-content/uploads/2021/09/digital_transformation_book.pdf) (In Russ.)

Сологубова Г.С. (2023) Составляющие цифровой трансформации: монография. М: Издательство «Юрайт». 147 с.

Sologubova G.S. (2023) Sostavlyayushhie cifrovoj transformacii [*Components of digital transformation*] monografiya / G.S. Sologubova. M.: Izdatel'stvo "Yurajt". 147 s. (In Russ.)

Фёдоров И.Г., Сотников А.Н. (2022) Анализ и обоснование эффекта цифровой трансформации предприятий и организаций // Открытое образование. Т. 26. № 5. С. 61–69. <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2022-5-61-69>

Fyodorov I.G., Sotnikov A.N. (2022) Analiz i obosnovanie efekta cifrovoj transformacii predpriyatij i organizacij [Analysis and justification of the effect of digital transformation of enterprises and organizations] // *Otkrytoe obrazovanie*, vol. 26, no. 5, pp. 61–69. <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2022-5-61-69> (In Russ.)

Atkinson R.D. (2018) How ICT Can Restore Lagging European Productivity Growth. ITIF. 62 p. (<https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/2018-ict-eu-productivity-growth.pdf>).

Gordon R.J. (2018) Why Has Economic Growth Slowed When Innovation Appears to be Accelerating? // NBER Working Papers 24554. 27 p. <https://doi.org/10.3386/w24554>

Myovella G., Karacuka M., Haucap J. (2020) Digitalization and economic growth: A comparative analysis of Sub-Saharan Africa and OECD economies // *Telecommunications Policy*. vol. 44, issue 2, 101856. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2019.101856>

Pradhan R.P., Mallik G., Bagchi T.P. (2018) Information communication technology (ICT) infrastructure and economic growth: A causality evinced by cross-country panel data // ИИМБ Management Review. vol. 30, issue 1, March 2018, pp. 91–103. <https://doi.org/10.1016/j.iimb.2018.01.001>

Информация об авторе

Варнавский Владимир Гаврилович, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН. Адрес: 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 65. E-mail: varnavsky@imemo.ru

About the author

Vladimir G. Varnavskii, Doctor of Sciences (Economics), professor, Leading Research Fellow, V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences. Address: 117997, 65, Profsoyuznaya Street, Moscow, Russia. E-mail: varnavsky@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 05.12.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 23.03.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 26.04.2024

Оригинальная статья / Original article

Негативные социально-географические последствия развертывания распределенного искусственного интеллекта: направления исследований¹

© В.И. БЛАНУЦА

Блануца Виктор Иванович, Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук (Иркутск, Россия), blanutsa@list.ru. ORCID: 0000-0003-3958-216X

Цель предпринятого исследования – определить перспективные направления изучения негативных социально-географических последствий использования пространственно-распределенного искусственного интеллекта. Задачи исследования: выявить особенности развертывания распределенного искусственного интеллекта; обобщить опыт оценки социальных последствий внедрения искусственного интеллекта; проанализировать публикации по изучению искусственного интеллекта с точки зрения географии; идентифицировать перспективные направления научных исследований в рассматриваемой области. Согласно прогнозам, развертывание распределенного искусственного интеллекта будет опираться на инфраструктуру беспроводной связи шестого поколения, которую удастся сформировать в следующем десятилетии. До этого предстоит разработать методологию изучения социально-географических последствий рассматриваемого процесса, в связи с чем введено понятие «геоконтекст». Намечены контуры пяти будущих направлений исследований – интеллектуально-геоурбанистического, пространственно-расслаивающего, территориально-профзамещающего, каскадно-геокритического и алгоритмически-геоконтекстного – и их практического применения.

Ключевые слова: общественная география, машинное обучение, сеть 6G, децентрализованное принятие решений, «умный город», цифровое неравенство, безработица, каскадный сбой, алгоритмическая предвзятость

Цитирование: Блануца В.И. (2024) Негативные социально-географические последствия развертывания распределенного искусственного интеллекта: направления исследований // Общественные науки и современность. № 2. С. 79–90. DOI: 10.31857/S0869049924020068, EDN: zmsxxj

¹ Финансирование: Работа выполнена в Институте географии им. В.Б. Сочавы СО РАН за счет средств государственного задания (№ регистрации темы АААА-А21-121012190018-2).

Funding. The work was carried out at the V.B. Sochava Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences funded in the frame of the State task (registration number of the topic АААА-А21-121012190018-2).

Negative Socio-Geographical Consequences of Distributed Artificial Intelligence Deployment: Research Directions

© V. BLANUTSA

Viktor I. Blanutsa, Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russia), blanutsa@list.ru. ORCID: 0000-0003-3958-216X

Abstract. The purpose of the research is to identify promising directions for studying the negative socio-geographical consequences of using spatially distributed artificial intelligence. To do this, it was necessary to solve the following tasks: understand the features of deploying distributed artificial intelligence; generalize the experience of assessing the social consequences of introducing artificial intelligence; analyze studies of artificial intelligence from the point of view of geography; identify promising areas of scientific research in the area under consideration. The deployment of distributed artificial intelligence is projected to rely on the 6G wireless infrastructure that will be available in the next decade. Before this, it is necessary to develop a methodology for studying the socio-geographical consequences of the spread of artificial intelligence. In relation to its deployment, the concept of “geocontext” has been introduced. The outlines of five future directions are outlined – intellectual geo-urbanistic, spatial-stratified, territorial-occupational substitution, cascade-geocritical and algorithmic-geocontextual.

Keywords: human geography, machine learning, 6G network, decentralized decision-making, smart city, digital inequality, unemployment, cascade failure, algorithmic bias

Citation: Blanutsa V.I. (2024) Negative Socio-Geographical Consequences of Distributed Artificial Intelligence Deployment: Research Directions. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 79–90. DOI: 10.31857/S0869049924020068, EDN: zmsxxj (In Russ.).

В наиболее общем виде под искусственным интеллектом (ИИ) понимают способность машины (программы) принимать решения таким же образом, как это делает человек. Технологии ИИ разрабатывают с середины прошлого века с периодическими подъемами и спадами научного и коммерческого интереса к ним [Farrow 2019]. За это время изменилось представление о том, какие именно технологии следует относить к ИИ [Haenlein, Kaplan 2019]. Его современная парадигма связана с технологиями машинного обучения [Cristianini 2014], когда на известных примерах машина учится устанавливать эмпирические закономерности для прогнозирования развития ситуации, которая может возникнуть в неизвестных ей ранее случаях. Термин «машинное обучение» введен в 1959 г. [Samuel 1959], дальнейшая детализация этого понятия привела к «глубокому обучению» [Skansi 2020] и пониманию того, что будущие технологии ИИ станут распределенными [Ağca 2022; Filho 2022; Janbi 2023]. Под распределенным искусственным интеллектом (РИИ) понимают множество рассредоточенных в пространстве автономных систем сбора, хранения и обработки данных, а также принятия автоматических (алгоритмических) решений на основе машинного и глубокого обучения.

Переход к РИИ повышает значимость пространственных наук, в том числе социальной географии и социологии пространства, которые должны быть нацелены на прогнозирование социально-географических последствий развертывания новых технологий. С точки зрения общества и его территориальной организации такие последствия могут быть как

позитивными, так и негативными. Здесь рассмотрены только негативные последствия, которые необходимо предусмотреть и минимизировать.

В настоящее время эксперты уделяют основное внимание этическим и юридическим последствиям внедрения ИИ [Huang 2022; Surden 2019], в то время как социальные проблемы, связанные с проникновением ИИ во все сферы человеческой деятельности, анализируют в меньшей мере [Joyce 2021; Liu 2021]. Что касается социально-географических последствий распространения РИИ, то в библиографических базах данных eLIBRARY.RU, Scopus и Web of Science на 1 сентября 2023 г. не зафиксировано ни одной публикации на эту тему. Поэтому цель нашего исследования – социально-географический анализ специфики развертывания РИИ. Достижение этой цели требует решения следующих задач: выявить особенности развертывания РИИ; обобщить опыт оценки социальных последствий внедрения ИИ; проанализировать публикации по изучению ИИ с позиций географии; идентифицировать перспективные направления социально-географических исследований развертывания РИИ.

Искусственный интеллект

В зависимости от потенциала разрабатываемой технологии принято различать три типа искусственного интеллекта [Bostrom 2014; Wang, Goertzel 2012]: слабый, или узкий, ИИ (narrow artificial intelligence, имитирует принятие человеком отдельных решений, примером может служить распознавание изображений); сильный, или общий, ИИ (artificial general intelligence, воспроизводит все когнитивные способности человека); сверхсильный ИИ, или суперинтеллект (artificial super intelligence, превосходит когнитивные способности человека). В настоящее время внедряются технологии слабого ИИ. По прогнозу Н. Бострома, сильный ИИ будет создан примерно к 2050 г., а его последующее развитие «довольно скоро приведет к сверхразуму» [Bostrom 2014, p. 21]. Согласно другим оценкам [Turchin 2019], технологии второго типа могут появиться на десять лет раньше. На этом фоне фронт исследований в области создания этического (ethical) [Schoenherr 2022], объяснимого (explainable) [Minh 2022] и заслуживающего доверия (trustworthy) [Thiebes 2021] ИИ расширяется. Предполагается, что эти разработки позволят сократить негативные социальные последствия развертывания трех типов ИИ. Дополнительные проблемы (конфиденциальность, безопасность и др.) возникают в связи с необходимостью использовать в машинном обучении большие объемы географических (геолокационных) данных о поведении людей. В будущем, возможно, некоторые проблемы удастся решить в рамках нового направления – геопространственного ИИ [Janowicz 2020]. Однако современные обзоры по данному направлению [Roussel, Böhm 2023; Song 2023] не указывают на необходимость изучать социально-географические последствия развертывания ИИ или РИИ.

Идея перехода от централизованных и целостных систем ИИ к децентрализованным и пространственно-распределенным не нова [Chaib-Draa 1992]. Первоначально под распределенностью понимали совместную деятельность множества автономных агентов, но последующие исследования привели к пониманию необходимости не только распараллеливать вычисления, но и распределить весь рабочий процесс ИИ [Janbi 2023]. В итоге распределенными стали сбор и предварительная обработка (очистка) данных, обучение, вывод и принятие решений. Подобные результаты были получены благодаря развитию беспроводной связи, аппаратного обеспечения и Интернета вещей, а также применению принципов распараллеливания (параллелизм данных, разбиение модели на разделы, федеративное обучение и др.) и подхода «облако»–«туман»–«периферия» [De Donno 2019; Janbi 2023; Lu, Zheng 2020; Seng 2022].

Практическое развертывание РИИ зависит от возможностей телекоммуникационной сети, которые будут соответствовать необходимым требованиям только при переходе к беспроводной связи 6G, что, по прогнозам, произойдет после 2030 г. [Lu, Zheng 2020]. Отсюда следует, что эмпирические результаты оценки социально-географических последствий развертывания РИИ могут быть получены только в следующем десятилетии; сейчас необходимо начать разработку соответствующей методологии. В качестве первого шага предлагается дополнить шесть основных требований к ИИ [Garibay 2023] еще одним обязательством – учитывать геоконтекст. Определить географический контекст системы искусственного интеллекта значит выяснить, на какой именно территории (географический ареал, район, зона) находится система и как данная территория влияет на ее функционирование. Это важно для любой системы ИИ, локализованной в пространстве, но особенно для РИИ.

Географическое изучение

В последнее время географы проявляют повышенный интерес к размещению систем ИИ и отдельным последствиям данных действий. Наиболее обобщенная информация о подобных исследованиях представлена в американском журнале «Space and Polity» в специальном выпуске «География искусственного интеллекта» (2021, вып. 2). В целом предпочтение отдается изучению «умных городов» [Блануца 2022], кластеризации регионов по активности в сфере ИИ [Bratanova 2022; Muro, Liu 2021], распределению ИИ-патентов по регионам [Buarque 2020; Cicerone 2023; Xiao, Boschma 2023], трансформации локальных и региональных рынков труда [Georgieff, Hye 2022]. Характерно, что на негативные социальные последствия указывают только при оценке возможности замещения человеческого труда роботизированными системами ИИ. Что касается географического размещения элементов РИИ и их воздействия на территориальные сообщества людей, то такие исследования не проводили.

Отсутствие РИИ на тех или иных территориях – не повод отказываться от географических исследований как минимум по трем причинам. Во-первых, необходимо заранее (примерно до 2030 г.) разработать теоретические и методические основы географического изучения социальных последствий развертывания РИИ, чтобы затем вносить в методологию только некоторые уточнения, не отодвигая сроки эмпирических исследований и разработки практических рекомендаций. Во-вторых, в будущем системы ИИ будут обучаться в основном на данных, полученных от распределенной сенсорной сети Интернета вещей [Seng 2022]. Фрагменты таких сетей уже функционируют, их начали изучать географы [Блануца 2023]. Однако в настоящее время подобные исследования в основном посвящены проблемам размещения сетей, а не оценке негативных социальных последствий такого размещения. В-третьих, хранение и обработка данных, а также различные приложения в РИИ будут построены на основе парадигмы туманных и граничных вычислений, которая имеет ярко выраженный географический характер [Lima, Miranda 2022], а значит, необходимо проанализировать специфику ее практического воплощения с точки зрения социально-географических последствий (в первую очередь алгоритмической предвзятости и социального неравенства).

В общественной географии накоплен значительный опыт изучения пространственно-распределенных систем [Блануца 2022; Glückler, Panitz 2021], но он не связан с РИИ. Однако методологические возможности данной научной дисциплины позволяют приступить к изучению новых систем. Поскольку РИИ будет создан на основе сети 6G, то целесообразно использовать общественно-географическую методологию познания информа-

ционно-коммуникационных сетевых структур [Блануца 2019, 2022] в рамках «умной» георбанистики, пространственной диффузии цифровых инноваций, коннекционного районирования, информационно-сетевой освоенности территории и пространственного цифрового неравенства.

Социальные последствия внедрения ИИ

Влияние системы ИИ на окружающую территорию приводит к различным последствиям, в том числе социальным. Обобщение публикаций по этой проблематике [Al-Tkhaayneh 2023; Gerdon 2022; Joyce 2021; Zajko 2022] позволило выделить основные негативные факторы, среди которых: алгоритмическая предвзятость (на каждом из пяти этапов ИИ – от сбора данных до принятия решений – могут не учитываться интересы некоторых социальных групп); социальное неравенство (усиление разрыва между социальными группами из-за разных условий доступа к ИИ-услугам); технологически обусловленная безработица (замещение работников системами ИИ); социальная изоляция (пребывание большей части времени в виртуальной реальности, поддерживаемой ИИ); вынужденная миграция населения (включая маятниковую миграцию); формирование нежелательных (криминальных, террористических и др.) сообществ пользователей ИИ; разрушение социальных связей (в частности, с помощью deep fake – «глубокой подделки»).

Если в некоторые периоды времени системы ИИ оказывают неодинаковое влияние на разные части окружающей территории, то возникают социально-географические последствия их применения. Выявление существующей и прогнозирование будущей пространственно-временной неоднородности негативного влияния ИИ на социум – одна из задач общественной географии [Блануца 2022]. Предстоит изучить пространственно-временные особенности каждого из семи последствий, перечисленных выше. При этом следует понимать, что географические объекты (населенные пункты, регионы, страны) – комплексные образования, поэтому в пределах одной территории могут одновременно проявляться все указанные последствия. С этой точки зрения весьма перспективно изучать «умные» города, городские агломерации и регионы [Блануца 2022]. Переход от централизованного ИИ к децентрализованному РИИ значительно усложняет исследовательские задачи, так как необходимо анализировать воздействие не одной локализованной системы ИИ, а пространственно-распределенной сети. В такой ситуации, чтобы познать специфику РИИ, возможно, нужно будет использовать инструментарий информационно-сетевой географии [Блануца 2019].

Перспективные направления исследований РИИ

Располагая опытом оценки социально-географических последствий развертывания систем ИИ, можно было бы наметить направления будущих исследований. Однако отсутствие такого опыта заставляет полагаться на потенциальные возможности общественной географии [Блануца 2022] и особенности пространственно-распределенного ИИ [Ağca 2022; Filho 2022; Janbi 2023]. Выделим и кратко охарактеризуем только те направления, которые с позиций общественной географии в настоящий момент можно оценить как наиболее перспективные. В следующем десятилетии, вероятно, возникнет необходимость развивать какие-либо иные направления, в то время как некоторые из них утратят актуальность. Чтобы начать разработку методологии познания негативных социально-географических последствий развертывания РИИ, сейчас можно ограничиться пятью темами.

Интеллектуально-геоурбанистическое направление. Концентрация систем ИИ в «умных городах» и пространственное распределение этих городов обуславливают актуальность изучения социально-географических последствий распространения ИИ. Технологии и услуги «умного города» оказывают значительное влияние на местные сообщества людей [Patel, Doshi 2019]. Однако анализом географических особенностей социальных последствий как внутри городов, так и в городских агломерациях никто не занимался. Возможно, к этому придут в результате развития исследований по «пространственной и социально-экономической конфигурации умных городов» [Duyn 2022] в рамках парадигмы централизованного ИИ. При переходе к децентрализованному ИИ (РИИ), когда обучающие данные могут хранить на одной территории, обрабатывать – на другой, а использовать выявленные закономерности – на третьей, концепция «умного города» будет ограничивать географические исследования и искажать оценку социальных последствий границами населенного пункта. Поэтому целесообразно опираться на концепцию «умной территории» («умной городской агломерации», «умного региона») [Блануца 2022; Matern 2020; Navio-Marco 2020].

Расширенный взгляд на взаимодействие пространственно-распределенных «умных» устройств позволит более полно оценить суммарное (в том числе кумулятивное) влияние всех систем РИИ (включая системы или отдельные их элементы, расположенные вдали от анализируемой территории) на локализованные – внутригородские, городские, региональные – сообщества людей. Такое влияние предстоит изучать в ходе решения следующих первоочередных задач: выделение в урбанизированной зоне проблемных ареалов, полностью или выборочно не подключенных к приложениям «умного города», с последующей оценкой пространственного неравенства; определение скорости и географических границ распространения услуг «умного города», чтобы прогнозировать численность жителей (по населенным пунктам), которые с учетом средней продолжительности жизни никогда не дождутся этих услуг; идентификация «умных городов», функционирование которых зависит от обработки (хранения) данных и принятия решений в элементах РИИ с другим геоконтекстом, что может привести к дискриминации некоторых социальных групп [Schintler, McNeely 2022].

Пространственно-расслаивающее направление. Вопросы социального неравенства как результат стратификации общества всегда были в центре внимания общественных наук, включая общественную географию [Блануца 2022]. Разделение людей на группы (страты) может происходить по разным основаниям, в том числе по географическому расположению (доступности) относительно некоторых благ, которое может быть связано с социально-пространственным неравенством. Если таким благом являются информационно-коммуникационные услуги, то имеет место цифровое неравенство. Принято различать три уровня цифрового неравенства [Van Dijk 2020] – по доступу, использованию (навыкам) и офлайн-результатам.

Развертывание сетей 6G со встроенным и распределенным ИИ сформирует новый объект географических исследований, одним из предметов которых станет социально-пространственное неравенство, генерируемое РИИ. В первую очередь предстоит решить следующие задачи: выявить критически значимое (более 1 мс задержки передачи данных [Блануца 2019]) несоответствие между пространственным распределением ИИ и территориальной структурой системы расселения для оконтуривания ИИ-периферии и оценки цифрового неравенства первого уровня; дифференцировать территорию по соотношению между низко- и высокопрофессиональными (использование цифровых помощников [Park 2022], геопространственных цифровых двойников [Döllner 2020] и др.) навыками местного населения по применению РИИ (второй уровень неравенства); оценить терри-

ториальную неоднородность концентрации инициатив местных сообществ по решению социальных и экологических проблем при поддержке РИИ (третий уровень цифрового неравенства). Для визуализации социально-географических результатов, полученных в рамках данного направления, можно использовать различные способы картографического изображения цифрового неравенства [Блануца 2022].

Территориально-профзамещающее направление. Ожидается, что безработица, вызванная замещением людей роботизированными ИИ-системами, станет одним из самых значимых негативных последствий применения искусственного интеллекта [Al-Tkhayneh 2023]. Важно, что введение безусловного базового дохода в двух из трех сценариев проекта «Работа/Технологии 2050» не приведет к ликвидации обусловленной ИИ безработицы (по второму сценарию в 2030-х гг. из 6 млрд работников в мире 4 млрд станут безработными или будут работать в натуральном хозяйстве) [Kuusi, Heinonen 2022]. Предварительные исследования [Brekelmans, Petropoulos 2020; Georgieff, Hye 2022] показали, что профессиональное замещение имеет ярко выраженный географический характер, обусловленный пространственно-временной неоднородностью развертывания ИИ, разной экономической специализацией населенных пунктов, регионов и стран и, соответственно, разной структурой занятости. При развертывании РИИ эта неоднородность значительно усилится за счет децентрализации искусственного интеллекта.

В рамках данного направления целесообразно в первую очередь решить следующие задачи: провести зонирование изучаемой территории в зависимости от соотношения между показателями, один из которых отражает эффект замещения человеческого труда РИИ, в результате чего растет безработица, а другой – эффект производительности [Lane, Saint-Martin 2021], что вызывает увеличение спроса на новые профессии. Таким образом можно будет идентифицировать депрессивные регионы (наличие первого и отсутствие второго эффекта); выявить региональные (межрегиональные) структуры занятости по типовым рабочим навыкам (о таких навыках в связи с критериями интенсивности ИИ см. [Tolan 2021]) и провести районирование территории России по потенциалу и структуре замещения человеческого труда РИИ; определить географические направления потоков трудовой миграции, вызванных РИИ-обусловленной безработицей, и предложить пространственно-временную модель оптимизации этих потоков, что позволило бы более равномерно их перераспределить и сократить чрезмерный приток мигрантов в отдельные регионы.

Каскадно-геокритическое направление. Усиление сложности управления (переход от ИИ к РИИ) всеми системами обеспечения жизнедеятельности (коммунальные службы, здравоохранение и др.) повышает риск каскадных сбоев, когда случайное или преднамеренное отключение РИИ ведет к автоматическому отключению систем. Основная цель географических исследований в рамках данного направления – выявить критические ареалы и степень их потенциального риска. Для этого необходимо решить следующие задачи: расширить представление о каскадных сбоях [Pescaroli, Alexander 2018] с учетом децентрализованного принятия алгоритмических решений и возможных социально-географических последствий (предстоит разработать методологию выделения критически опасных ареалов); выявить территориальные системы (города, группы населенных пунктов, регионы), где невозможно поглощение РИИ-обусловленных каскадных сбоев и быстрое восстановление после них; разработать географическую модель прогнозирования места и времени каскадного сбоя вследствие тех или иных нарушений в функционировании РИИ.

Алгоритмически-геоконтекстное направление. Необходимость учета ситуативного контекста (внешней ситуации по отношению к конкретному машинному обучению) и

опасность его смещения из-за возможности возникновения аллокативного (распределенного) вреда уже отмечались [Gerdon 2022]. Что касается географического контекста развертывания РИИ, то его ранее не учитывали, а значит, могла появиться алгоритмическая предвзятость на всех этапах машинного обучения. Поэтому цель географических исследований по данному направлению – обосновать целесообразность определения геоконтекста систем РИИ, чтобы исключить алгоритмическую предвзятость в отношении любых территориальных сообществ. Соответственно, в первую очередь необходимо решить следующие задачи: определить принципы и методы идентификации геоконтекста в отношении РИИ; адаптировать идею выделения районов-аналогов [Космачев 1985] для географической экспертизы возможного переноса результатов машинного обучения с одной территории (город, регион, страна) на другие территории, относительно которых отсутствуют или недостаточно обучающих данных (это позволит понять, куда можно, а куда нельзя переносить результаты в связи с риском алгоритмической предвзятости); выполнить районирование территории России по степени геоконтекстной уникальности мест приложения результатов стандартного машинного обучения.

Каждое из пяти научных направлений может пройти три этапа: разработка методологии будущих исследований социально-географических последствий развертывания РИИ; проведение эмпирических исследований на основе предложенной методологии и данных о негативном воздействии РИИ на социум; обобщение результатов второго этапа для корректировки методологии и выявления новых проблем. Необходимо учитывать взаимообусловленность перехода от слабого к сильному ИИ, с одной стороны, и развертывания пятого и последующих поколений беспроводной связи – с другой [Lu, Zheng 2020; Vaigandla 2021], что позволит сопоставить эти процессы на оси времени и определить примерные сроки выполнения задач каждого этапа (рис. 1). Привязка к десятилетиям не исключает, например, разработки новой методологии и обобщения первых результатов в 2030-е гг., а лишь указывает на преобладание того или иного направления исследований. Кроме того, изучение слабого и сильного ИИ также может проходить в три этапа, но в рамках других (не рассмотренных в данном случае) направлений. Тогда, к примеру, в следующем десятилетии эмпирические исследования последствий развертывания РИИ можно проводить параллельно с разработкой методологии изучения последствий внедрения сильного ИИ.

* * *

Сравнение особенностей пространственно-распределенного (децентрализованного) искусственного интеллекта с методологическими возможностями общественной географии при учете уже выявленных негативных социальных последствий продвижения обычного (централизованного) машинного обучения позволило идентифицировать пять перспективных научных направлений. Поскольку развертывание распределенных систем станет возможно только при наличии сетевой инфраструктуры беспроводной связи шестого поколения, которая должна быть сформирована в следующем десятилетии, в настоящее время можно говорить лишь о контурах будущих направлений исследований, сжатая трактовка которых предложена с дополнением в виде трех первоочередных задач. К другим ограничениям нашего исследования следует отнести современное видение ключевых параметров шестого поколения мобильной связи и распределенного искусственного интеллекта. В будущем они могут измениться, что заставит формировать новые направления. Суживать спектр социально-географических последствий может и существующая методология общественной географии, а также недостаточность междисциплинарного

Этапы		
Разработка методологии	Эмпирические исследования	Обобщение результатов
Тип искусственного интеллекта		
Слабый	Слабый распределенный	Сильный
Направления	Интеллектуально-геоурбанистическое	
	Пространственно-расслаивающее	
	Территориально-профзамещающее	
	Каскадно-геокритическое	
	Алгоритмически-геоконтекстное	
5G (2020-е)	6G (2030-е)	7G (2040-е)
Поколения беспроводной связи (годы развертывания)		

Рисунок 1. Этапы изучения негативных социально-географических последствий развертывания распределенного искусственного интеллекта в рамках перспективных научных направлений

Figure 1. Stages of studying the negative socio-geographic consequences of distributed artificial intelligence deployment within promising scientific areas

Источник: *составлено автором.*

Source: *compiled by the author.*

изучения социально-адаптационных возможностей искусственного интеллекта (прогресс в этой сфере может привести к появлению территориально-адаптационного и коммуникативно-геоконтекстного направлений).

Практическая значимость разработки методологии и последующей пространственно-временной идентификации негативных социальных последствий распространения РИИ связана с формированием новой национальной стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, совершенствованием государственной политики повышения связанности российского социально-экономического пространства (за счет снятия РИИ-ограничений на интеграцию проблемных территорий) и созданием региональных программ ликвидации цифрового (обусловленного ИИ) неравенства. Дальнейшие научные исследования могут быть нацелены как на развитие описанных направлений и снятие существующих ограничений, так и на географическое осмысление опасности перехода от слабого распределенного и сильного искусственного интеллекта к суперинтеллекту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блануца В.И. (2019) Информационно-сетевая география. М.: ИНФРА-М. 243 с.
- Blanutsa V.I. (2019) *Informacionno-setevaya geografiya* [Information and Network Geography]. Moscow: INFRA-M. 243 p. (In Russ.)
- Блануца В.И. (2022) Общественная география: цифровые приоритеты XXI века. М.: ИНФРА-М. 252 с.
- Blanutsa V.I. (2022) *Obshchestvennaya geografiya: cifrovye prioritety XXI veka* [Human Geography: Digital Priorities of the 21st Century]. Moscow: INFRA-M. 252 p. (In Russ.)
- Блануца В.И. (2023) Общественно-географическое изучение Интернета вещей: приоритетные направления // Вестник Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 29. № 3. С. 91–99.
- Blanutsa V.I. (2023) *Obshchestvenno-geograficheskoe izuchenie Interneta veshchej: prioritetyne napravleniya* [Socio-geographical study of the Internet of Things: priority directions]. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 29, no. 3, pp. 91–99. (In Russ.)
- Космачев К.П. (1985) Новое в теории географической экспертизы // География и природные ресурсы. № 1. С. 11–19.
- Kosmachev K.P. (1985) *Novoe v teorii geograficheskoy ekspertizy* [New in the theory of geographical expertise]. *Geografiya i prirodnye resursy*, no. 1, pp. 11–19. (In Russ.)
- Ağca M.A., Faye S., Khadraoui D. (2022) A survey on trusted distributed artificial intelligence // IEEE Access. Vol. 10. P. 55308–55337.
- Al-Tkhayneh K.M., Al-Tarawneh H.A., Abulibdeh E., Alomery M.K. (2023) Social and legal risks of artificial intelligence: An analytical study // *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*, vol. 12, no. 3, pp. 308–318.
- Bostrom N. (2014) *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford: Oxford University Press. 328 p.
- Bratanova A., Pham H., Mason C., Hajkowicz S., Naughtin C., Schleiger E., Sanderson C., Chen C., Karimi S. (2022) Differentiating artificial intelligence activity clusters in Australia // *Technology in Society*, vol. 71, e102104. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.102104>.
- Brekelmans S., Petropoulos G. (2020) *Occupational Change, Artificial Intelligence and the Geography of EU Labour Markets*. Brussels: Bruegel. 31 p.
- Buarque B.S., Davies R.B., Hynes R.M., Kogler D.F. (2020) OK Computer: The creation and integration of AI in Europe // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. vol. 13, no. 1, pp. 175–192.
- Chaib-Draa B., Moulin B., Mandiau R., Millot P. (1992) Trends in distributed artificial intelligence // *Artificial Intelligence Review*, vol. 6, no. 1, pp. 35–66.
- Cicerone G., Faggian A., Montresor S., Rentocchini F. (2023) Regional artificial intelligence and the geography of environmental technologies: Does local AI knowledge help regional green-tech specialization // *Regional Studies*. vol. 57, no. 2, pp. 330–343.
- Cristianini N. (2014) On the current paradigm in artificial intelligence // *AI Communications*. vol. 27, no. 1, pp. 37–43.
- De Donno M., Tange K.P., Dragoni N. (2019) Foundation and evolution of modern computing paradigms: Cloud, IoT, edge, and fog // *IEEE Access*, vol. 7, pp. 150936–150948.
- Döllner J. (2020) Geospatial artificial intelligence: Potentials of machine learning for 3D point clouds and geospatial digital twins // *PFG – Journal of Photogrammetry, Remote Sensing and Geoinformation Science*, vol. 88, pp. 15–24.
- Duygan M., Fischer M., Pärli R., Ingold K. (2022) Where do Smart Cities grow? The spatial and socio-economic configurations of smart city development // *Sustainable Cities and Society*. vol. 77, e103578. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2021.103578>.
- Farrow E. (2019) To augment human capacity – Artificial intelligence evolution through causal layered analysis // *Futures*, vol. 108, pp. 61–71.

Filho C.P., Marques E., Chang V., dos Santos L., Bernardini F., Pires P.F., Ochi L., Delicato F.C. (2022) A systematic literature review on distributed machine learning in edge computing // *Sensors*, vol. 22, no. 7, e2665. <https://doi.org/10.3390/s22072665>.

Garibay O.O., Winslow B., Andolina S. et al. (2023) Six human-centered artificial intelligence grand challenges // *International Journal of Human-Computer Interaction*, vol. 39, no. 3, pp. 391–437.

Georgieff A., Hye R. (2022) Artificial intelligence and employment: New cross-country evidence // *Frontiers in Artificial Intelligence*, vol. 5, e832736. DOI: 10.3389/frai.2022.832736.

Gerdon F., Bach R.L., Kern C., Kreuter F. (2022) Social impacts of algorithmic decision-making: A research agenda for the social sciences // *Big Data & Society*, vol. 9, no. 1, pp. 1–13.

Glückler J., Panitz R. (2021) Unleashing the potential of relational research: A meta-analysis of network studies in human geography // *Progress in Human Geography*, vol. 45, no. 6, pp. 1531–1557.

Haenlein M., Kaplan A. (2019) A brief history of artificial intelligence: On the past, present, and future of artificial intelligence // *California Management Review*, vol. 61, no. 4, pp. 5–14.

Janbi N., Katib I., Mehmood R. (2023) Distributed artificial intelligence: Taxonomy, review, framework, and reference architecture // *Intelligent Systems with Applications*, vol. 18, e200231. <https://doi.org/10.1016/j.iswa.2023.200231>.

Janowicz K., Gao S., McKenzie G., Hu Y., Bhaduri B. (2020) GeoAI: Spatially explicit artificial intelligence techniques for geographic knowledge discovery and beyond // *International Journal of Geographical Information Science*, vol. 34, no. 4, pp. 625–636.

Joyce K., Smith-Doerr L., Alegria S., Bell S., Cruz T., Hoffman S.G., Noble S.U., Shestakofsky B. (2021) Toward a sociology of artificial intelligence: A call for research on inequalities and structural change // *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, vol. 7, pp. 1–11.

Kuusi O., Heinonen S. (2022) Scenarios from artificial narrow intelligence to artificial general intelligence – Reviewing the results of the International Work/Technology 2050 Study // *World Futures Review*, vol. 14, no. 1, pp. 65–79.

Lane M., Saint-Martin A. (2021) *The Impact of Artificial Intelligence on the Labour Market: What Do We Know So Far?* Paris: OECD Publishing. 60 p.

Lima D., Miranda H. (2022) A geographical-aware state deployment service for Fog Computing // *Computer Networks*, vol. 216, no. 3, e109208. <https://doi.org/10.1016/j.comnet.2022.109208>.

Lu Y., Zheng X. (2020) 6G: A survey on technologies, scenarios, challenges, and the related issues // *Journal of Industrial Information Integration*, vol. 19, e100158. <https://doi.org/10.1016/j.jii.2020.100158>.

Matern A., Binder J., Noack A. (2020) Smart regions: Insights from hybridization and peripheralization research // *European Planning Studies*, vol. 28, no. 10, pp. 2060–2077.

Minh D., Wang H.X., Li Y.F., Nguyen T.N. (2022) Explainable artificial intelligence: A comprehensive review // *Artificial Intelligence Review*, vol. 55, pp. 3503–3568.

Muro M., Liu S. (2021) *The Geography of AI: Which Cities Will Drive the Artificial Intelligence Revolution?* Washington: Brookings Institution. 34 p.

Navio-Marco J., Rodrigo-Moya B., Gerli P. (2020) The rising importance of the “Smart territory” concept: Definition and implications // *Land Use Policy*, vol. 99, e105003. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2020.105003>.

Park Y.J., Jones-Jang S.M., Oh Y.W. (2022) Digital assistants: Inequalities and social context of access, use, and perceptual understanding // *Poetics*, vol. 93, e101689. <https://doi.org/10.1016/j.poetics.2022.101689>.

Patel Y., Doshi N. (2019) Social implications of smart cities // *Procedia Computer Science*, vol. 155, pp. 692–697.

Pescaroli G., Alexander D. (2018) Understanding compound, interconnected, interacting, and cascading risks: A holistic framework // *Risk Analysis*, vol. 38, no. 11, pp. 2245–2257.

Roussel C., Böhm K. (2023) Geospatial XAI: Review // *International Journal of Geo-Information*, vol. 12, no. 9, e355. <https://doi.org/10.3390/ijgi12090355>.

Samuel A. (1959) Some studies in machine learning using the game of checkers // *IBM Journal of Research and Development*, vol. 3, no. 3, pp. 210–229.

Schintler L.A., McNeely C.L. (2022) Artificial intelligence, institutions, and resilience: Prospects and provocations for cities // *Journal of Urban Management*, vol. 11, no. 2, pp. 256–268.

Schoenherr J.R. (2022) *Ethical Artificial Intelligence from Popular to Cognitive Science*. New York: Routledge. 226 p.

Seng K.P., Ang L.M., Ngharamike E. (2022) Artificial Intelligence Internet of Things: A new paradigm of distributed sensor networks // *International Journal of Distributed Sensor Networks*, vol. 18, no. 3, pp. 1–27.

Skansi S. (Ed.) (2020) *Guide to Deep Learning: Logical, Historical and Philosophical Perspectives*. Cham: Springer. 140 p.

Song Y., Kalacska M., Gašparović M., Yao J., Najibi N. (2023) Advances in geocomputation and geospatial artificial intelligence (GeoAI) for mapping // *International Journal of Applied Earth Observation and Geoinformation*, vol. 120, e103300. <https://doi.org/10.1026/j.jag.2023.103300>.

Surden H. (2019) Artificial intelligence and law: An overview // *Georgia State University Law Review*, vol. 35, no. 4, pp. 1304–1337.

Thiebes S., Lins S., Sunyaev A. (2021) Trustworthy artificial intelligence // *Electronic Markets*, vol. 31, pp. 447–464.

Tolan S., Pesole A., Martínez-Plumed F., Fernández-Macias E., Hernández-Orallo J., Gómez E. (2021) Measuring the occupational impact of AI: Tasks, cognitive abilities and AI benchmarks // *Journal of Artificial Intelligence Research*, vol. 71, pp. 191–236.

Turchin A. (2019) Assessing the future plausibility of catastrophically dangerous AI // *Futures*, vol. 107, pp. 45–58.

Vaigandla K.K., Azmi N., Ramya P., Karne R. (2021) A survey on wireless communications: 6g and 7g // *International Journal of Science Technology and Management*, vol. 2, no. 6, pp. 2018–2025.

Van Dijk J. (2020) *The Digital Divide*. Cambridge: Polity Press. 208 p.

Wang P., Goertzel B. (Eds.) (2012) *Theoretical Foundation of Artificial General Intelligence*. Amsterdam: Atlantis Press. 334 p.

Xiao J., Boschma R. (2023) The emergence of artificial intelligence in European regions: The role of a local ICT base // *The Annals of Regional Science*, vol. 71, pp. 747–773.

Zajko M. (2022) Artificial intelligence, algorithms, and social inequality: Sociological contributions to contemporary debates // *Sociology Compass*, vol. 16, no. 3, e12962. <https://doi.org/10.1111/soc4.12962>.

Информация об авторе

Блануца Виктор Иванович, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 664033, Россия, Иркутск, Улан-Баторская ул., д. 1. E-mail: blanutsa@list.ru

About the author

Blanutsa Viktor I., Doctor of Sciences (Geography), Leading Research Fellow, Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: 664033, 1, Ulan-Batorskaya street, Irkutsk, Russia. E-mail: blanutsa@list.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 11.11.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 07.03.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 25.04.2024

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ SOCIAL PROBLEMS OF HEALTH CARE SERVICES

Оригинальная статья / Original article

Охват услугами здравоохранения населения России и стран ЕС: сравнительный анализ

© Л.В. ПАНОВА, А.Ю. ПАНОВА

Панова Людмила Васильевна, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), l_panova@list.ru. ORCID: 0000-0001-8660-3977

Панова Анастасия Юрьевна, Российский государственный гидрометеорологический университет (Санкт-Петербург, Россия), n_panova08@list.ru. ORCID: 0000-0001-7673-1721

Проведен сравнительный анализ всеобщего охвата услугами здравоохранения (ВОУЗ) населения России и стран ЕС за период 2019–2020 гг. В исследовании использована концепция трехмерного измерения охвата медицинской помощью Р. Буссе, Дж. Шрейёгга и К. Герика. По этой методике уровень развития ВОУЗ определяют три показателя: охват населения, имеющего право на финансируемые государством медицинские услуги; набор медицинских услуг по программе государственных гарантий; личные расходы населения на медицинскую помощь. Базой анализа стали данные Росстата, Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР); в исследовании использованы количественные методы. Сделаны следующие выводы. Во-первых, медицинская помощь в России и странах Евросоюза охватывает практически все население. Перечень медицинских услуг (какую именно помощь обеспечивает программа государственных гарантий) существенно различается в России и многих странах ЕС. Российская программа покрывает намного меньше услуг и товаров медицинского назначения, что не соответствует потребностям населения в медицинской помощи. В частности, по программе государственных гарантий оплачивается только половина (52%) услуг амбулаторной помощи. В странах Евросоюза данный показатель составляет 78%. Также Россия значительно отстает от средних стандартов ЕС по обеспечению амбулаторных пациентов лекарствами. Данная ситуация связана с тем, что в России государство последние 20 лет не выделяет достаточно средств на здравоохранение (около 3,5% от ВВП и 4,6% в начале пандемии), в значительной степени полагаясь на траты домохозяйств.

Ключевые слова: охват медицинской помощи, покрытие услуг здравоохранения, распределение затрат, личные платежи, Россия, ЕС

Цитирование: Панова Л.В., Панова А.Ю. (2024) Охват услугами здравоохранения населения России и стран ЕС: сравнительный анализ // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 91–103. DOI: 10.31857/S0869049924020073, EDN: zmsrwu

Coverage of Health Care Services in Russia and EU Countries: Comparative Analysis

© L.V. PANOVA, A.YU. PANOVA

Lyudmila V. Panova, Sociological Institute of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), l_panova@list.ru. ORCID: 0000-0001-8660-3977

Anastasia YU. Panova, Russian State Hydrometeorological University (St. Petersburg, Russia), n_panova08@list.ru. ORCID: 0000-0001-7673-1721

Abstract. An analysis of universal health coverage (UHC) of the Russian population compared to EU countries for the period 2019–2020 is provided. The concept of three-dimensional measurement of health care coverage proposed by R. Busse, J. Schreyögg and C. Gericke is used as basis of the research. Within the framework of this methodology, three indicators are applied that determine the level of UHC development: 1) coverage of the population eligible for publicly funded health services; coverage of medical services included in the program of state guarantees; and personal medical expenses of the population. Comparative analysis was applied using quantitative methods on the databases of Rosstat, the World Health Organization (WHO) and the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD). The following conclusions were made. Medical assistance in Russia and the EU countries covers almost the entire population. Coverage of medical services (what kind of care is provided by the state guarantees programs) differs significantly in Russia and many EU countries. In Russia much fewer services and medical supplies are covered, which does not meet the needs of the population in medical care. In particular, this applies to outpatient care, where only half (52%) of the services are paid under the state guarantee program. In EU countries, on average, the state pays 78% of outpatient care costs. The medication supply to outpatients also lags far behind the average EU standards. The main reason for this situation is related to the fact that Russia provided insufficient funds on healthcare over the past twenty years (3.5% of GDP and 4.6% at the beginning of the pandemic), relying heavily on household spending.

Keywords: medical care coverage, health services coverage, costs distribution, out-of-pocket payments, Russia, EU

Citation: Panova L.V., Panova A.YU. (2024) Coverage of Health Care Services in Russia and EU Countries: Comparative Analysis. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 91–103. DOI: 10.31857/S0869049924020073, EDN: zmsrwu (In Russ.).

Концепцию всеобщего охвата населения услугами здравоохранения (ВОУЗ) предложили представители движения «Здоровье для всех» еще в 1970-х гг. Данные концептуальные установки получили свое развитие в Алма-Атинской декларации 1978 г. по первичной медико-санитарной помощи на международной конференции под патронажем ВОЗ. Деятельность по всеобщему охвату населения медицинскими услугами за прошедшие десятилетия приняла такой размах, что Организация Объединенных Наций в 2015 г. включила соответствующие рекомендации в Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (в задачи ЦУР № 3)¹.

Большой интерес к этой проблеме отразился в многочисленных исследованиях. В различных тематических работах рассматривают стратегии обеспечения всеобщего охвата,

¹ Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development (A/70/1). United Nations. 35 P. 21 October 2015. (https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf).

модели организации здравоохранения, способы и источники финансирования данных услуг, а также необходимые для этого пакеты госгарантий [Чубарова 2022; Улумбекова, Гинойн, Калашишникова, Альвианская 2019; Wagstaff, Neelsen 2020; Hogan, Sevens, Hosseinpoor, Boerma 2017].

Цель исследования – провести сравнительный анализ ВОУЗ населения России и стран Евросоюза. Рассмотрены его основные показатели, проанализированы особенности получения услуг здравоохранения в России.

Измерение ВОУЗ основано на методике оценки состояния здравоохранения, которую предложили немецкий экономист Р. Бусс и его коллеги в 2007 г. [Busse, Schreyögg, Gericke 2007]. Их исследование позволило выявить и сформулировать основные характеристики универсального охвата услугами здравоохранения в трех измерениях: кто охвачен, что охвачено и стоимость непокрытых услуг. Степень охвата зависит от политики здравоохранения в конкретной стране.

Следует заметить, что впоследствии подобную методику измерения ВОУЗ начала использовать Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)². В целом на нее опираются многие исследования универсального охвата услугами здравоохранения и доступа к медицинской помощи [Rice, Quentin, Anell, Barnes, Rosenau, Unruh, Ginneken 2018; Paris, Hewlett, Auraaen, Alexa, Simon 2016].

В рамках такого подхода в данной работе использованы следующие показатели: охват населения, которое имеет право на финансируемые государством медицинские услуги (кто охвачен); набор медицинских товаров и услуг, которые входят в программу государственных гарантий (что охвачено); личные расходы населения на медицинскую помощь.

Информационную основу исследования составили базы статистических данных Росстата, ВОЗ и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Используются количественные методы сравнительного анализа – главным образом относительные величины. ВОЗ определяет основные показатели следующим образом. Всеобщий охват услугами здравоохранения означает, что все люди получают необходимые им медико-санитарные услуги, не испытывая при этом финансовых трудностей. Подобные действия включают в себя полный набор основных качественных медико-санитарных услуг для укрепления здоровья и его профилактики, а также лечения, реабилитации после заболеваний и, при необходимости, паллиативной помощи.

Охват населения, имеющего право на финансируемые государством медицинские услуги, равен доле населения, которая обеспечена набором товаров медицинского назначения и услугами в рамках государственного снабжения и частного медицинского страхования. Второй параметр показывает уровень развития ВОУЗ – набор медицинских услуг, которые входят в программу государственных гарантий. Данный показатель отражает долю государственных затрат на получение услуг и товаров медицинского профиля, включенных в программу государственных гарантий. Третий показатель – личные платежи населения за медицинскую помощь – определяет частную систему финансирования. Сравнительный анализ возможно провести за счет того, что приведенные показатели определены на основе данных Системы счетов здравоохранения 2011 г. [Система счетов здравоохранения... 2022]. Следовательно, они сопоставимы.

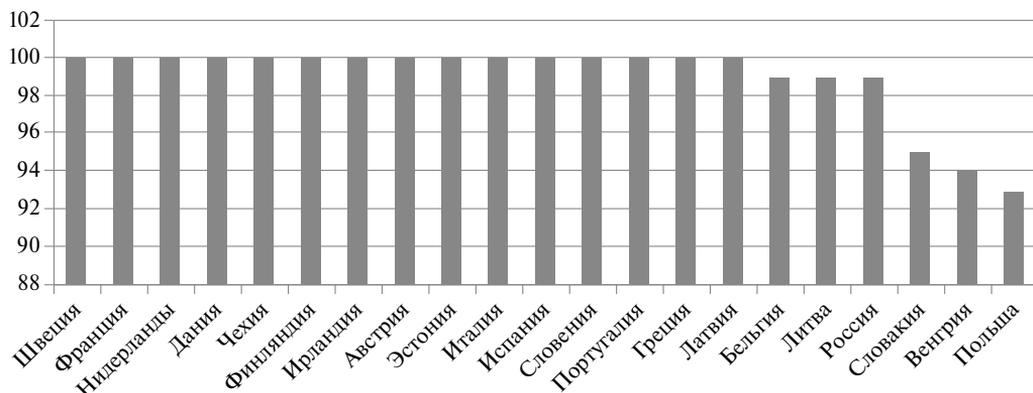
² The world health report. Health systems financing: the path to universal coverage. Geneva, World Health Organization. 2010. (https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/44371/9789241564021_eng.pdf?sequence=1).

Охват населения, имеющего право на финансируемые государством медицинские услуги

Основной набор медицинских услуг обычно включает в себя консультации с врачами, обследования, стационарное лечение и профилактические меры.

В России с принятием Федерального закона «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации» (1991 г.) жители могут пользоваться бесплатными услугами здравоохранения через систему обязательного медицинского страхования (ОМС). Численность лиц, охваченных этой услугой, в 2020 г. составила 99,6% от всего населения России³.

В странах Евросоюза полный охват населения основными услугами (100%) наблюдается в большинстве государств. Только в Словакии, Венгрии и Польше 5–8% населения не покрыты государственной системой здравоохранения (см. рис. 1).

Рисунок 1. Охват населения услугами здравоохранения, финансируемого государством, %, 2020 г.

Figure 1. Coverage of the population with publicly funded health services, %, 2020

Источник: [OECD Health Statistics 2022].

Source: [OECD Health Statistics 2022].

Следует отметить, что значительную роль в этом отношении в странах Евросоюза играет добровольное медицинское страхование (ДМС). Охват населения основным набором услуг обычно учитывается независимо от того, обеспечено оно за государственный счет или через ДМС. Между тем часть стран добивается универсального покрытия за счет частных страховок: например, в Нидерландах⁴ и Греции⁵ обязательное медицинское страхование поддерживают государственными субсидиями.

³ Отчет о результатах деятельности Федерального фонда обязательного медицинского страхования в 2020 году. М. 2021.

⁴ Netherlands: Country Health Profile 2023. European Observatory on Health Systems and Policies Publications Country Health Profiles. 15 Dec 2023. (https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/netherlands-country-health-profile-2023_3110840c-en).

⁵ Greece: Country Health Profile 2023. European Observatory on Health Systems and Policies Publications Country Health Profiles. 15 Dec 2023. (https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/greece-country-health-profile-2023_dd530c3e-en).

Добровольное страхование может обеспечить выполнение разных задач: возмещать затраты, которые не покрывает государство; получать дополнительные услуги (дополнительная страховка); ускорить доступ к услуге или расширить выбор поставщиков (дублирующая страховка).

Дополнительная страховка важна для универсального охвата. Более половины населения стран Евросоюза имеет дополнительное частное страховое покрытие. Во Франции почти все население (95,5%) имеет дополнительную страховку, затраты в системе социального обеспечения разделены за счет государственных субсидий, в результате чего медуслуги бедным домохозяйствам предоставляют бесплатно или по сниженным ставкам. В Нидерландах существует самый большой рынок дополнительных услуг в Европе: 87,6% населения использует частное страхование при оплате стоматологической помощи и физиотерапии [Baeten, Spasova, Vanhercke, Coster 2018].

В России добровольное медицинское страхование менее распространено: по данным ОЭСР, в добровольном медицинском страховании участвует только десятая часть (9,5%) населения страны⁶.

Медленное развитие ДМС можно объяснить низкими доходами населения и высокой стоимостью полисов, что подтверждает сравнение их стоимости и среднего дохода населения. Стоимость страховки по ДМС достигает 250 тыс. руб. в зависимости от места жительства, возраста и состояния здоровья пациента. По данным за 2022 г., топ-5 страховых компаний России (АО «СОГАЗ», САО «РЕСО-Гарантия», АО «АльфаСтрахование», СПАО «Ингосстрах», ПАО СК «Росгосстрах») предлагали три основных варианта полиса. Базовая страховка (минимальный уровень) на 1 год для мужчины 35 лет без вредных привычек и хронических заболеваний составляла 15–18 тыс. руб. в регионах и около 40 тыс. руб. в Москве. Программа «Премиум» для такого же пациента, которая включала в себя экстренную помощь, стационар и стоматологию, в Москве стоила 95 тыс. руб., в Ростове – от 60 тыс. руб. Для пациентов более старшего возраста стоимость возрастала примерно на 40 тыс. руб. в обоих случаях. Цена полного пакета со всеми параметрами обслуживания, включая профилактические осмотры, для молодого пациента в Москве составляла 170 тыс. руб., в регионах – от 100 тыс. руб. Для пациентов в возрасте стоимость увеличилась до 150 тыс. в регионах и до 250 тыс. руб. в Москве⁷.

По данным Росстата, среднедушевой номинальный денежный доход в России увеличился в 2022 г. на 12,4%, составив 45,3 тыс. руб. В то же время реальные располагаемые денежные доходы населения (скорректированные на инфляцию и за вычетом обязательных платежей) сократились на 1%⁸. В сложившихся условиях трудно ожидать, что население страны будет активно участвовать в ДМС.

По данным Центрального Банка РФ, средняя страховая премия по договорам ДМС, заключенным с физическими лицами, во II квартале 2022 г. не превышала 2 тыс. руб. В I квартале 2023 г. количество заключенных договоров увеличилось на 1,9% г/г. – главным образом за счет розничных клиентов, которые, как правило, приобретают недорогие страховые программы (страхование от критических заболеваний, диспансеризация). Также на динамику повлиял рост страхования мигрантов из-за притока иностранных

⁶ OECD Health Statistics 2022. Definitions, Sources and Methods. OECD. 2022. (<https://www.oecd.org/els/health-systems/Table-of-Content-Metadata-OECD-Health-Statistics-2022.pdf>).

⁷ Удовиченко В. Что нужно знать о добровольном медицинском страховании и когда выгодно оформить полис ДМС. Banki.ru. 20.12.2022. (<https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=9515683>).

⁸ Росстат представляет информацию о границе бедности 2022 года. Федеральная служба государственной статистики. 10 марта 2023. (<https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/200416>).

рабочих в Россию в начале 2023 г. Выплаты по договорам ДМС в I квартале 2023 г. увеличились на 8,2% – в том числе в связи с ростом стоимости медицинских товаров и услуг⁹.

Подводя промежуточные итоги, можно сказать, что в России и большинстве стран ЕС население преимущественно обеспечено бесплатной медицинской помощью – достигнут полный или почти полный охват населения, которое имеет право на финансируемые государством медицинские услуги.

Охват медицинских товаров и услуг, входящих в программу государственных гарантий

Основной характеристикой систем здравоохранения выступает право на получение медицинских товаров и услуг, которые входят в программу государственных гарантий. Охват государственными затратами медицинской помощи служит универсальным индикатором оценки благополучия в сфере здравоохранения европейских стран [Baeten, Spasova, Vanhercke, Coster 2018]. Сравнив величины базовых пакетов, можно оценить доступность медицинского обслуживания в стране [Gibis, Koch-Wulkan, Bultman 2004].

В России с 1998 г. действует Программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. Страны ЕС законодательными актами устанавливают пакеты соответствующих льгот для населения, основой которых служит проект «Корзина для здоровья» [Schreyögg, Stargardt, Velasco-Garrido, Busse 2005].

В странах Евросоюза в 2020 г. более трех четвертей всех расходов на медицинскую помощь покрывало государство за счет прямых налогов или ОМС. Однако различия между странами в степени охвата довольно значительны. В Чехии 88% медицинских услуг оплачивают из госбюджета, в Германии и Франции – 85%. Однако Греция и Болгария оплачивают только 62% расходов, остальное покрывает население. В России на Программу государственных гарантий, которая позволяет получить бесплатную медицинскую помощь, приходится 61% от общих затрат на здравоохранение¹⁰.

В табл. 1 представлена доля государственных расходов в разрезе видов медицинской помощи. Согласно Системе счетов здравоохранения, выделены следующие виды: стационарная, амбулаторная, стоматологическая помощь и фармацевтическая продукция.

Современная стационарная помощь из-за широкого использования различных технологий требует больших денежных затрат, поэтому во всех странах расходы государства на эти услуги значительно выше, чем на остальные виды помощи. В среднем в ЕС его государства-члены покрывают 88% всех расходов на стационарное лечение. Уровень охвата стационарной помощью во многих странах, в частности в Германии, Италии, Финляндии, Франции, Швеции и Эстонии, близок к 100%. Только в Греции государственное обеспечение покрывает меньше 70% таких расходов. В России показатель составляет 74%.

В среднем чуть больше трех четвертей (79%) расходов на амбулаторную медицинскую помощь в странах ЕС покрывают государство и схемы обязательного страхования. Показатель варьируется от менее 60% в Италии и Португалии до 90% и больше в Чехии, Дании, Германии, Словакии и Швеции. Амбулаторные приемы первичной и специализированной помощи в основном бесплатны, но довольно широко применяют совместные платежи и

⁹ Обзор ключевых показателей деятельности страховщиков. I квартал 2023 года. Информационно-аналитический материал. № 1. М. Центральный Банк Российской Федерации. 2023. (https://cbr.ru/Collection/Collection/File/45053/review_insure_23Q1.pdf).

¹⁰ OECD Health Statistics 2021. Definitions, Sources and Methods. OECD. (<https://www.oecd.org/els/health-systems/Table-of-Content-Metadata-OECD-Health-Statistics-2021.pdf>).

оплату определенных услуг самими пациентами. Например, в Дании средства обязательного страхования покрывают 98% общих затрат на медицинские услуги, однако граждане сами оплачивают услуги психологов и физиотерапевтов¹¹.

Таблица 1

Доля государственных расходов в разрезе видов медицинской помощи, % от общих затрат на медицинские услуги, 2019 г.

Table 1

Share of public spending by type of medical care, in % of total health services costs, 2019

Страны	Стационарная помощь	Амбулаторная помощь	Стоматологическая помощь	Фармацевтическая продукция
Россия	74	52	Нет сведений	12
Австрия	88	81	47	68
Бельгия	77	64	34	64
Венгрия	90	62	29	49
Германия	97	89	68	82
Греция	61	61	0	51
Дания	90	91	19	43
Италия	96	60	Нет сведений	62
Ирландия	96	61	30	52
Испания	88	70	2	70
Латвия	87	57	16	41
Литва	91	71	15	43
Люксембург	93	91	43	54
Нидерланды	91	85	12	67
Польша	93	69	67	36
Португалия	79	57	Нет сведений	54
Словакия	86	95	51	68
Словения	87	78	49	51
Финляндия	94	84	35	64
Франция	96	80	Нет сведений	82
Чехия	94	90	50	56
Швеция	99	91	43	54
Эстония	98	85	Нет сведений	62

Источник: [OECD Health Statistics 2021].

Source: [OECD Health Statistics 2021].

В России государственные расходы на амбулаторную помощь покрывают 52% всех затрат по этому виду обслуживания, остальные расходы несут домохозяйства.

Государственное обеспечение расходов на стоматологическую помощь больше дифференцировано по странам, наблюдается более высокий уровень совместного несения затрат. Часто только детская стоматология включена в программу государственных гарантий [Aurraen, Fujisawa, Lagasnerie, Paris 2016]. В среднем около 38% платежей за сто-

¹¹ Denmark: Country Health Profile 2023. European Observatory on Health Systems and Policies Publications Country Health Profiles. 15 Dec 2023. (https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/denmark-country-health-profile-2023_e4f0bee3-en).

матологическое лечение покрывают государственные источники или ОМС¹². Всего две страны (Германия и Словакия) оплачивают более половины общих расходов населения на стоматологическую помощь. В Греции¹³ и Испании¹⁴ государственные расходы на стоматологическое обслуживание для взрослых практически не предусмотрены. В случаях, когда стоматологическая помощь мало охвачена государственными гарантиями, ДМС помогает обеспечивать финансовую поддержку населения.

По данным исследователей, в России расходы на стоматологическое обслуживание через систему ОМС покрывают 30% от общих затрат на эту помощь [Бойков 2017] – примерно столько, сколько в среднем выделяют страны Евросоюза.

Государства финансируют стоматологическую помощь в гораздо меньших объемах по причине того, что общий статус здоровья меньше зависит от нее, по сравнению с больничными или амбулаторными услугами. Однако стоимость стоматологической помощи сильно влияет на бюджет домохозяйств – особенно с небольшими доходами. Оплата таких услуг из личных средств семьи может привести к финансовым трудностям. Так, в ряде стран Европейского союза такие траты выступают одной из основных причин значительных расходов на здравоохранение (Швеция, Франция, Германия, Австрия, Словакия)¹⁵.

Государственное покрытие расходов на фармацевтическую продукцию – «больное место» для всех стран. В государствах Евросоюза около 56% таких затрат оплачивают из бюджета. В Литве, Польше и Латвии показатель составляет меньше 50%. Наиболее высокое покрытие наблюдается в Германии и Франции, где уровень охвата достигает 82%. В некоторых странах пациенты полностью оплачивают рецептурные лекарства, но определенные группы населения, такие как хронические больные (например, в Швеции), получают лекарства бесплатно. В ряде стран ДМС играет важную роль в покрытии фармацевтических препаратов (Франция, Люксембург, Дания).

В России наблюдается низкий уровень государственного обеспечения фармацевтическими препаратами: всего 12% от общей суммы расходов на данные услуги. Основная причина такой ситуации заключается в том, что в нашей стране лекарственное обеспечение амбулаторных больных не входит в систему ОМС. Исключение составляют некоторые льготные группы населения. В то же время многие российские и иностранные аналитики считают, что личные расходы на лекарства остаются одной из самых больших причин финансовых рисков для населения [Улумбекова, Калашиникова 2018; Somanathan, Sheiman, Salakhutdinova, Buisman 2018]. Более того, расширение доступа к бесплатным лекарствам может значительно влиять на уровень здоровья населения. Исследования показывают, что всеобщее лекарственное обеспечение значительно увеличивает прогресс в лечении многих заболеваний и создает альтернативы существующим методам лечения болезней, которые ранее считались неизлечимыми [Polain, Franken, Koopmanschap, Cleemput 2010].

¹² OECD Health Statistics 2022 Definitions, Sources and Methods. OECD. 2022. (<https://www.oecd.org/els/health-systems/Table-of-Content-Metadata-OECD-Health-Statistics-2022.pdf>).

¹³ Greece: Country Health Profile 2023. European Observatory on Health Systems and Policies Publications Country Health Profiles. 15 Dec 2023. (https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/greece-country-health-profile-2023_dd530c3e-en).

¹⁴ Spain: Country Health Profile 2023. European Observatory on Health Systems and Policies Publications Country Health Profiles. 15 Dec 2023. (https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/spain-country-health-profile-2023_71d029b2-en).

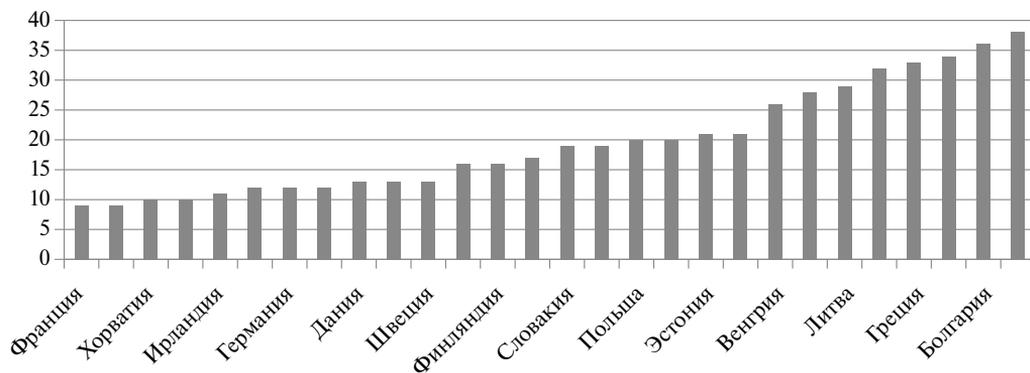
¹⁵ Health for Everyone?: Social Inequalities in Health and Health Systems. OECD Health Policy Studies. OECD Publishing, Paris. 2019. (<https://www.oecd.org/publications/health-for-everyone-3c8385d0-en.htm>).

Личные платежи населения за медицинскую помощь

Ни одна современная система здравоохранения, бюджетная или страховая, не обходится без частных финансовых вложений. Они необходимы для ресурсной обеспеченности медицинской помощи. В большинстве стран Евросоюза затраты разделяют, при этом большую часть расходов обеспечивают за счет государственных источников финансирования. Определенную сумму вносят и пациенты, которые участвуют в схемах совместного страхования, производят фиксированную оплату или делают предварительные взносы.

Оценка практики взимания платы за медицинскую помощь с населения и внесения личных платежей говорит о том, что оплата лекарств, стоматологических услуг и психиатрической помощи слишком обременительны для граждан. Особенно они влияют на группы населения, уязвимые и по доходу, и по продолжительности болезни [Palma, Webb, Hernández-Quevedo, Scarpetti, Lessof, Siciliani, Ginneken 2021].

Различные способы сбора денег с граждан складываются в личные расходы населения на медицинскую помощь. В странах Евросоюза в 2020 г. 15% расходов на здравоохранение приходилось на личные платежи домохозяйств¹⁶. Различия между странами по этому показателю существенные (см. рис. 2). Меньше всего платят домохозяйства в странах, в которых государство покрывает значительную долю расходов на медицинскую помощь. В них доля личных расходов составляет 10–12% от общего объема средств на медпомощь. К таким государствам относят Францию, Люксембург, Нидерланды и Хорватию. Больше всего платит из собственного кармана население Греции, Мальты и Болгарии. В этих государствах личные платежи семей составляют больше трети всех расходов на медицинскую помощь. По классификации источников финансирования здравоохранения ВОЗ¹⁷, если доля расходов домохозяйств на здравоохранение составляет свыше одной трети совокупных расходов, речь идет о самой значительной финансовой нагрузке на население при использовании медицинской помощи.

Рисунок 2. Доля личных платежей населения в общих расходах на здравоохранение, %, 2020 г.

Figure 2. Share of out-of-pocket payments by households to total health care expenditures, %, 2020

Источник: [Global Health Expenditure Database WHO 2022].

Source: [Global Health Expenditure Database WHO 2022].

¹⁶ OECD Health Statistics 2022 Definitions, Sources and Methods. OECD. 2022. (<https://www.oecd.org/els/health-systems/Table-of-Content-Metadata-OECD-Health-Statistics-2022.pdf>).

¹⁷ WHO (2010) The world health report. Health systems financing: the path to universal coverage. Geneva, World Health Organization. 2010. (https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/44371/9789241564021_eng.pdf?sequence=1).

В России отсутствует официальный механизм совместной оплаты медицинских услуг. Однако уровень покрытия государственными расходами самой распространенной амбулаторной помощи (чуть больше половины – 52% от всех затрат), низкий уровень охвата населения фармацевтическим обеспечением и малое государственное покрытие стоматологического обслуживания приводят к росту прямых личных платежей. В России 38% от всех затрат на здравоохранение составляют личные средства домохозяйств. Следует отметить, что в 2000 г. этот показатель был ниже – менее трети от всех расходов на медицинскую помощь¹⁸.

Еще в докладе от 2010 г. ВОЗ указывала на то, что государство должно обеспечивать адекватные расходы на здравоохранение для прогресса в области всеобщего охвата медицинской помощью и улучшения здоровья населения. В многочисленных исследованиях сделаны выводы о том, что рост государственных расходов значительно улучшает охват населения медицинскими услугами [Камкова 2020; Jowett, Brunal, Flores, Cylus 2016].

Сопоставив общие расходы на здравоохранение с величиной валового внутреннего продукта (ВВП), можно оценить долю затрат государств на здравоохранение по отношению к объему произведенных товаров и услуг. Значение данного показателя демонстрирует, насколько правительство привержено политике в сфере охраны здоровья граждан своей страны.

Страны Евросоюза в 2020 г. потратили в среднем 8,3% от своих ВВП на здравоохранение: 6,1% от ВВП составили государственные расходы, 2,2% ВВП – частные (добровольное страхование и личные средства домохозяйств)¹⁹. Однако показатели разнятся от страны к стране. Три государства потратили на эти цели около 10% от своего ВВП: Германия – 9,9%, Франция – 9,7%, Швеция – 9,3%. Во многих странах Центральной и Восточной Европы государственные расходы составляют менее 5% ВВП.

В России с 2005 по 2019 г. уровень государственных расходов составлял около 3,6% от ВВП.

Согласно Концепции социально-экономического развития России на период до 2020 г., принятой еще в 2008 г., этот показатель должен был возрасти с 3,6 до 5% ВВП²⁰. Прогнозируемый показатель эксперты называют минимальным уровнем, при котором услугами здравоохранения охвачено большинство населения, что ощутимо улучшает общее состояние здоровья граждан страны²¹.

Распоряжение правительства РФ не было исполнено. Только в 2020 г. в связи с пандемией коронавируса государственные расходы на здравоохранение поднялись до 4,6% ВВП²². Официальные данные за последующие годы пока не доступны. Судя по докладу «Основные направления бюджетной политики на 2022 г. и на плановый период 2023 и 2024 гг.», который Министерство финансов России утвердило 30 сентября 2021 г., данный показатель будет снижен. Следует отметить, что от государственных выплат зави-

¹⁸ Global Health Expenditure Database. Health System Financing Profile by country. World Health Organisation. (https://apps.who.int/nha/database/country_profile/Index/en).

¹⁹ OECD Health Statistics 2022 Definitions, Sources and Methods. OECD. 2022. (<https://www.oecd.org/els/health-systems/Table-of-Content-Metadata-OECD-Health-Statistics-2022.pdf>).

²⁰ Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. N 1662-р. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года (с изменениями и дополнениями). Гарант. (<https://base.garant.ru/194365/>).

²¹ The world health report. Health systems financing: the path to universal coverage. Geneva, World Health Organization. 2010. (https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/44371/9789241564021_eng.pdf?sequence=1).

²² Росстат. Здравоохранение в России. Стат. сб. М. 2021.

сят и размеры личных платежей. В 2022 г. государственные расходы на здравоохранение относительно ВВП уменьшились до 3,9%, в 2023 г. – до 3,8%, в 2024 г. показатель составит 3,7%²³, то есть прогноз реального распределения средств в здравоохранении остается прежним.

Можно сделать следующие выводы по результатам анализа. По многим показателям в рамках структурных характеристик ВОУЗ Россия отстает от большинства стран Евросоюза – за исключением охвата населения медицинской помощью. Особенное беспокойство вызывает покрытие амбулаторного обслуживания, которому все страны придают большое значение как первичной помощи для сохранения здоровья. В России только половину расходов в данной сфере оплачивает система обязательного медицинского страхования. В странах ЕС этот показатель значительно выше: больше трех четвертей расходов на первичную помощь покрывают государственные источники.

Стоматологическое обслуживание Россия и страны Европы финансируют на одном уровне – только треть расходов берут на себя государства. Иначе обстоит дело с фармацевтическими препаратами: в России государственные расходы по этому виду помощи в пять раз ниже, чем в среднем по странам ЕС.

В результате подобной практики население вынуждено покрывать значительную часть медицинских расходов самостоятельно. Судя по представленным планам на будущее, данная динамика в ближайшие годы не изменится к лучшему

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Бойков М.И. (2017) Анализ механизмов нормирования труда специалистов стоматологического профиля // Клиническая стоматология. № 2. С. 50–52.

Boikov M.I. (2017) Analiz mekhanizmov normirovaniya truda spetsialistov stomatologicheskogo profilya [Analysis of the Mechanisms of Labor Rationing of Dental Specialists]. *Klinicheskaya stomatologiya*, no. 2, pp. 50–52. (In Russ.)

Каткова И.П. (2020) Российское здравоохранение в контексте задач достижения всеобщей доступности услуг здравоохранения к 2030 году // Народонаселение. Т. 23. № 1. С. 135–147. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.11>

Katkova I.P. (2020) Rossiyskoe zdravoohranenie v kontekste zadach dostizheniya vseobshchey dostupnosti uslug zdravoohraneniya k 2030 godu [Russian Healthcare in the Context of the Objectives of Achieving Universal Access to Healthcare Services by 2030]. *Narodonaselenie*, vol. 23, no. 1, pp. 135–147. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.11> (In Russ.)

Система счетов здравоохранения 2011 г.: исправленное издание (2022) Женева: Всемирная организация здравоохранения. 552 с.

Sistema schetov zdravoohraneniya 2011 g.: ispravlennoe izdanie [A System of Health Accounts 2011: Revised Edition] (2022) Geneva: Vsemirnaya organizaciya zdravoohraneniya. 552 p. (In Russ.)

Улумбекова Г.Э., Гинойн А.Б., Калашникова А.В., Альвианская Н.В. (2019) Финансирование здравоохранения в России (2021–2024 гг.) // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучения. Вестник ВШОУЗ. Т. 5. № 4. С. 4–19.

Ulumbekova G.E., Ginoyan A.B., Kalashnikova A.V., Al'vianskaya N.V. (2019) Finansirovanie zdravoohraneniya v Rossii (2021–2024 gg.) [Financing of Health Care in Russia (2021–2024)]. *ORGZ-DRAV: novosti, mneniya, obucheniya. Vestnik VShOUZ*, vol. 5, no. 4, pp. 4–19. (In Russ.)

²³ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов. Министерство финансов Российской Федерации. Москва. 2021. 75 с.

Улумбекова Г.Э., Калашникова А.В. (2018) Подходы к формированию концепции национальной лекарственной политики. Анализ рынка лекарственных препаратов в РФ. Часть 1 // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. № 4. С. 53–73.

Ulumbekova G.E., Kalashnikova A.V. (2018) Podhody k formirovaniyu koncepcii nacional'noj lekarstvennoj politiki. Analiz rynka lekarstvennykh preparatov v RF. CHast' 1 [Approaches to the Formation of the Concept of National Drug Policy. Analysis of the Drug Market in the Russian Federation. Part 1]. *ORGZDRAV: novosti, mneniya, obucheniya. Vestnik VShOUZ*, no. 4, pp. 53–73. (In Russ.)

Чубарова Т.В. (2022) Обеспечение доступности здравоохранения в России: инструменты государственной политики // Государственное управление. Электронный вестник. № 95. С. 93–107. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-95-93-107>

Chubarova T.V. (2022) Obespechenie dostupnosti zdravookhraneniya v Rossii: instrumenty gosudarstvennoy politiki [Ensuring Access to Health Care in Russia: Instruments of Public Policy]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*, no. 95, pp. 93–107. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-95-93-107>. (In Russ.)

Auraaen A., Fujisawa R., Lagasnerie G., Paris V. (2016) How OECD Health Systems Define the Range of Goods and Services to Be an Financed Collectively // OECD Health Working Paper. No. 90. 114 p.

Baeten R., Spasova S., Vanhercke B., Coster S. (2018) Inequalities in Access to Healthcare. A Study of National Policies. European Social Policy Network (ESPN). European Commission. Brussels. 71 p. <https://doi.org/10.2767/371408>

Busse R., Schreyögg J., Gericke C.A. (2007) Analyzing Changes in Health Financing Arrangements in High-income Countries: A Comprehensive Framework Approach. Health, Nutrition and Population (HNP) Discussion Paper. Washington DC: World Bank. 40 p.

Gibis B., Koch-Wulkan P.W., Bultman J. (2004) Shifting Criteria for Benefit Decisions in Social Health Insurance Systems. In: Social Health Insurance Systems in Western Europe. Ed(s): Saltman R.B., Busse R., Figueras J. Buckingham: Open University Press. Pp. 189–206.

Hogan D., Stevens G., Hosseinpoor A., Boerma T. (2017) Monitoring Universal Health Coverage within the Sustainable Development Goals: Development and Baseline Data for an Index of Essential Health Services // *Lancet Global Health*. No. 6. Pp. 152–168. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(17\)30472-2](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(17)30472-2)

Jowett M., Brunal M., Flores G., Cylus J. (2016) Spending Targets for Health: No Magic Number // Geneva. WHO. Health Financing Working Paper 1. 34 p.

Palma W., Webb E., Hernández-Quevedo C., Scarpetti G., Lessof S., Siciliani L., Ginneken E. (2021) Gaps in Coverage and Access in the European Union // *Health Policy*. No. 125. Pp. 341–350. <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2020.12.011>

Paris V., Hewlett E., Auraaen A., Alexa J., Simon L. (2016) Health Care Coverage in OECD Countries in 2012. OECD Health Working Papers. No. 88. 72 p.

Polain M., Franken M., Koopmanschap M., Cleemput I. (2010) Drug Reimbursement Systems: International Comparison and Policy Recommendations. Health Services Research (HSR). Brussels. 151 p.

Rice T., Quentin W., Anell A., Barnes A., Rosenau P. Unruh L., Ginneken E. (2018) Revisiting Out-of-Pocket Requirements: Trends in Spending, Financial Access Barriers and Policy in Ten High-income Countries // *BMC Health Services Research*. No. 18. Pp. 371–378.

Somanathan A., Sheiman I., Salakhutdinova S., Buisman L. (2018) Universal Health Coverage in Russia: Extending Coverage for the Poor in the Post-Soviet Era. Universal Health Coverage Study Series. No. 37. World Bank Group, Washington. 48 p.

Schreyögg J., Stargardt T., Velasco-Garrido M., Busse R. (2005) Defending the “Health Benefit Basket” in Nine European Countries. Evidence from the European Union Health BASKET Project. // *Eur J Health Econ*. No. 6. Pp. 2–10. <https://doi.org/10.1007/s10198-005-0312-3>

Wagstaff A., Neelsen S. (2020) A Comprehensive Assessment of Universal Health Coverage in 111 Countries: A Retrospective Observational Study // *Lancet Glob Health*. No. 8. Pp. 39–49.

Информация об авторах

Панова Людмила Васильевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социологии здоровья, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: 190005, Россия, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14. E-mail: l_panova@list.ru

Панова Анастасия Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики предприятия природопользования и учетных систем, Российский государственный гидрометеорологический университет. Адрес: 192007, Россия, Санкт-Петербург, Воронежская улица, д. 79. E-mail: n_panova08@list.ru

About the authors

Panova Lyudmila Vasilievna, Candidate of Sciences (Economics), Senior Research Fellow, Sociology of Health Sector, Sociological Institute of RAS – Branch of Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. Address: 190005, 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya st., St. Petersburg, Russia. E-mail: l_panova@list.ru

Panova Anastasia Yuryevna, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Economics of Environmental Enterprises and Accounting Systems, Russian State Hydrometeorological University. Address: 192007, 79, Voronezhskaya st., St. Petersburg, Russia. E-mail: n_panova08@list.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 04.05.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 10.03.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 26.04.2024

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА INFORMATION WARFARE

Оригинальная статья / Original article

К вопросу о мифореальности современного немецкоязычного медиатекста

© А.Г. СЛЕСАРЕВ

Слесарев Алексей Георгиевич, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия),
alexej_slessarew@mail.ru. ORCID: 0009-0001-1042-5323

Рассмотрен вопрос о том, может ли медиатекст функционировать как мифотекст в современном обществе. Объектом исследования выступают немецкоязычные СМИ, в практике которых медиатекст выполняет мифические функции во многом за счет аксиоматического и неаргументированного характера трансляции собственных культурных достижений. Индивид – в том числе автор медиатекста – всегда неосознанно стремится приводить свои актуализации в соответствие с коллективными. Коллектив, принимая индивидуальное как общее в рамках когнитивной редупликации, влияет на индивида в обратном направлении, благодаря чему мировосприятие индивида и коллектива стремятся к тождеству. Подобная актуализация мифа сознания всегда воплощается в мифотексте, а в современных условиях – в медиатексте. Мифическое в немецком медиатексте обнаруживается как в его структуре, так и в особенностях медиаречи. Тем самым оно способствует преобразованию медиасистемы в мифосистему и возникновению медиамифологии объединенной Германии, которая воздействует на все сообщество в целом, способствует суггестии предустановленных парадигм, а также определяет образ существования носителей национального мифа на базе общепринятых и не требующих доказательства максим.

Ключевые слова: реальность, восприятие, сознание, миф, мифотекст, медиатекст, мифосистема

Цитирование: Слесарев А.Г. (2024) К вопросу о мифореальности современного немецкоязычного медиатекста // Общественные науки и современность. № 2. С. 104–118. DOI: 10.31857/S0869049924020085, EDN: zmmnxo

To the Issue of Mythological Reality of Modern German-language Media Text

© A. SLESAREV

Alexey G. Slesarev, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), alexej_slessarev@mail.ru.
ORCID: 0009-0001-1042-5323

Abstract. The actualization of the consciousness myth is realized through a mythological text. In modern society, media text can represent mythological text. The main criterion for identifying such media text as mythological reality is the repeated uncritical and categorical canonicity of subject-object relations in a special unformalized time and space as the only true one. In the practice of German-language media this can be found in an axiomatic and unreasoned exaltation of German cultural achievements, such as gender balance in linguistic practice, the absolutism of the ideals of Western democracies, representation of the German nation as a “victim of war,” etc. The individual – as well as the author of the media text – always unconsciously strives to bring his actualizations in line with the collective ones, and the collective, in turn, accepting and updating the individual as the general (reduplication), has a reverse influence on the individual, due to which the world perception of the individual and the collective tends to identity. The mythical in the German media text is found both in its structure and in the features of media speech.

Keywords: reality, perception, consciousness, myth, mythological text, media text, mythological system

Citation: Slesarev A.G. (2024) To the Issue of Mythological Reality of Modern German-language Media Text. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 104–118. DOI: 10.31857/S0869049924020085, EDN: zmmnxo (In Russ.)

Мышление и восприятие реальности

Термин «реальность» происходит от латинян и средневековых схоластов (от лат. *realis* – действительный, т. е. существующий в действительности). В философии диалектического материализма данное понятие употребляли для обозначения объективной реальности – мира материального, явленного нам в ощущениях, научной и эмпирической практике, который противопоставлен процессам сознания, миру субъективному, т. н. реальности сознания. Таким образом, основным критерием реальности выступает научно-экспериментальная практика человечества.

Некоторые философы, однако, считали реальным весь мир и все его явления, включая идеальные продукты, ошибки и иллюзии, впрочем, тем самым только подтверждая научно-экспериментальный критериальный подход [Философский словарь... 1960–1970]. Следуя идее независимого от наблюдателя существования реального мира, можно обозначить два основных принципа взаимодействия с ним: эмпирический (посредством биологических систем восприятия и ответных реакций) и ментальный (мышление и сознательное взаимодействие). Существует соблазн приписать данные способы как доминантные у животных и людей соответственно, но такой подход в духе примитивно понимаемого учения И.П. Павлова о сигнальных системах был бы неверным. Как животным (особенно высокоразвитым млекопитающим и птицам), так и человеку присущи оба способа взаимодействия с окружающей средой. Тем не менее мыслительное взаимодействие человека с миром носит примарный характер, так как его цель – постижение действительности.

Возникает обоснованное сомнение в том, что реальность и представление о ней – это разорванные, не взаимообусловленные понятия. В своей лекции 2009 г. доктор биологических наук Т.В. Черниговская отмечает, что не существует «отдельная жизнь или, даже не жизнь, а какой-то внешний мир, и отдельно те, кто про это думает. На самом деле между этим нельзя провести границы, это одно и то же»¹. Утверждение ученого во многом опирается на философские идеи М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского о том, что мышление и бытие есть одно и то же («... жизнь моя решается, как и то, каков мир, – вместе с мыслью») [*Мамардашвили, Пятигорский* 1971, 2011]. Развивая эту идею, можно предположить, что восприятие реальности и сама реальность близки или по меньшей мере значительно взаимообусловлены: мир «глазами кузнечика», мир сороки, слона или человека будут существенно различаться. В человеческой среде картина мира будет точно так же не одинакова, в ее основу лягут разные мыслительные комплексы. Известный тест IQ (айкью), который выявляет уровень интеллекта, изначально был разработан для европейцев. Он неэффективен для тестирования представителей ряда архаичных племен (например, бушменов). Зачастую такие результаты называют доказательством их умственной отсталости², но на самом деле мышление представителей племен строится на иных принципах.

Соответственно, следует рассмотреть, чем характеризуется мышление и какие его типы можно обнаружить. Подобное исследование поможет объяснить особенности восприятия как в индивидуальном случае, так и при рассмотрении общесоциальных парадигм. Существуют пять основных типов мышления:

- 1) предметное (практическое);
- 2) образное (интуитивное);
- 3) кумулятивно-логическое;
- 4) формально-логическое (дискурсивное);
- 5) понятийное (абстрактно-теоретическое) [*Выготский* 1982; *Слесарев* 2009; *Ясюкова* 2010].

Следует сразу указать, что эти типы мышления не могут существовать в чистом виде. Скорее, нужно говорить о доминирующем типе среди прочих. Единственным исключением может быть абстрактно-теоретическое мышление, которое в общем комплексе зачастую отсутствует вообще. Данная ситуация распространяется не только на людей, но и на высших животных, которые демонстрируют способность мыслить – не только предметно, но и зачастую образно, а порой и вполне себе логично (приматы, хоботные, китообразные, врановые) [*Марков* 2012]. Соответственно, в данном контексте человека нельзя выделить как обладателя эксклюзивных прав на мысль. Тем не менее люди обладают особым способом существования в мыслеречевой практике – человек способен не только воспринимать действительность опосредованно, неэмпирически, но и актуализировать это восприятие в виде текста. Мифическое восприятие и миф как таковой пока не упоминались, поскольку не существует мифического мышления в виде мыслительного контура, который был присущ определенному этапу развития человечества и преодолен с течением времени. Однако существует такой тип восприятия на базе приоритетного комплекса предметного, образного, кумулятивно-логического и отчасти формально-логического мышления, который и порождает миф.

¹ Черниговская Т.В. Как мы мыслим? Пробуждение. 29.05.2015. (<http://life-up.ru/biblioteka/kak-myi-myislim-gaznoyazyichie-i-kibernetika-mozga/?ysclid=llc0dd7ech237067311>).

² Дробышевский С.В. Интеллектуальные способности рас (Intellektuelle Fähigkeiten verschiedener Rassen). Лекции. Станислав Дробышевский. 04.02.2021. (<https://www.drobyshevskiy.com/>).

Мышление определяет картину мира, и для человека формируются лишь два полярных варианта мировосприятия – сугубо-научное (на базе абстрактно-теоретического мышления), а также мифическое (аккумулирует результаты предметно-образной и интуитивно-логической мыслительных практик). В действительности данные типы мышления взаимообусловлены: в человеческой деятельности они не присутствуют в чистом виде – может быть, за исключением теоретизаций высшей математики.

Возвращаясь к определению мифического мышления как синкретического комплекса, следует констатировать, что такое понимание снимает ряд вопросов к мифу и к его носителям. Такое восприятие позволяет неконфликтно рассматривать его амбивалентные свойства – от стремления к видимой абсурдизации явлений действительности до демонстрации законов логики через мифы. Речь идет о доминировании определенных типов мышления при воспроизведении реальности мифа как текста (мифотекста).

Мифотекст – всегда действие двух и более сил, двух фактов реальности, демонстрация возникающей между ними мифической связи и следствий этой связи. Другими словами, он представляет собой совокупность элементов мифического действия, необходимого для актуализации мифической реальности сознания, это явленная мифореальность. Миф сознания, в свою очередь, есть не что иное, как допущение взаимодействия предметов на основании их свойств. Актуализация мифа сознания может происходить двумя способами: как наблюдение за реальностью и подтверждение верности существующей индивидуальной мифореальности через него (индивидуальный акт); как редупликация актуализированных через наблюдение связей вещей (коллективный акт). Двойственность актуализации мифосознания имеет внешний характер: это две стороны одного процесса, влияющие друг на друга. Носитель мифа и коллектив носителей не противопоставлены друг другу и не тождественны. Несмотря на то, что своей деятельностью они пытаются создать такое тождество, подобная попытка вряд ли осуществима. Однако стремление к тождеству индивидуальной актуализации мифосознания и его коллективной актуализации существует, благодаря чему мировосприятие индивида и коллектива чрезвычайно близко. Они естественным образом не соответствуют другому мировосприятию во втором локальном коллективе, в котором коллективно-индивидуальная актуализация совершенно иная. Соответственно, мифореальности таких коллективов будут несхожи в той или иной степени [Слесарев 2002].

Мифическое в медиасистеме Германии

Существует ряд оснований для сопоставления мифа и немецкоязычного медиатекста. По ряду причин современное немецкое общество во многом утратило способность к абстрактно-теоретическому мышлению, в том числе по вине неудачных школьных реформ³ [Ясюкова 2007]. Не меньшее значение играет и нормативный контекст немецкоязычного медиaprостранства, который неизбежно отражается на способах общественной коммуникации и, разумеется, в медийных текстах. Может ли медиатекст функционировать как мифический текст?

С точки зрения теории миф и мифический текст как доступный исследованию объект обладают рядом особенностей бытования в общественном сознании и выполняют обязательные функции (демонстративно-декларирующая, объяснительная, этикетная, социализирующая и др.). Даже если миф не объясняет, как устроен мир (что ему вполне

---

³ Konrad Adam Die Reform frißt ihre Kinder. Junge Freiheit. 16.03.2014. (<https://jungefreiheit.de/kultur/gesellschaft/2014/die-reform-frisst-ihre-kinder>).

свойственно), он непременно описывает, как в этом мире жить. Миф демонстрирует «реальность» вещей и людей, определяет норму и отклонение от нее, а главное – санкционирует образ мыслей и действий. Мифотекст выступает медиатором между отдельным индивидом и коллективом, воздействуя на все сообщество в целом, внушая предустановленные парадигмы, определяя образ существования носителей мифа на базе общепринятых и не требующих доказательства максим. Можно утверждать, что суггестивная и санкционирующая функция мифа – наиважнейшие его роли. Парадоксально, но они совпадают с функцией современного медиатекста, который больше не имеет цели информировать. Взамен он должен воздействовать на публику, чтобы внушать ей мысли и идеи, соответствующие целям и задачам общества⁴. Так, еще в 1957 г. немецкий писатель Х.М. Энциенбергер в своей рецензии эстетических принципов журнала *Der Spiegel* отмечал, что «...читателю [журнала] внушается убеждение, которого у него на самом деле нет. Все, что ему предлагают – это позиция соглядаемая у замочной скважины»⁵.

Воздействие на реципиента, суггестия определенных правил, принципов и общественных координат объединяет мифотекст и медиатекст. Особенную роль при суггестии играет нормативный контекст. Он формируется на протяжении многих десятилетий и охватывает большое количество потенциальных реципиентов воздействия [*Слесарев 2021*]. «Инфоповод», который соответствует общественным представлениям о нормах, может быть даже «фейковым»: эмпатию реципиента (и последующую положительную ментализацию инфоповода) предопределяет причастность общему пространству норм. В условиях дефектной национальной идентичности, маргинализации понятия исторического ландшафта, унифицированности культуры потребления, при нарочитом господстве субъективизма и апологетики личного пространства суггестивно-информационное воздействие в немецких СМИ происходит на базовых и отчасти биологических принципах, которые вновь роднят медийный текст с мифотекстом. Среди них:

- временное блокирование/прерывание мыслительного процесса (в т. ч. использование сексуальных образов);
- «рефренность образов», кумулятивный логический принцип;
- нарочитая субъектность, автороцентричность контента;
- эмпатическое воздействие (в первую очередь визуальное);
- активизация базовых биологических реакций (альтруизм/ксенофобия).

Так, например, известный западногерманский журналист Э. Споо в обзоре немецкой прессы 2010–2015 гг., посвященном «греческому кризису» в Евросоюзе, отмечает несправедливый и необъективный принцип освещения проблемы, который он характеризует как «нацистский»⁶. Изучая публикации *Bild* и других источников, он подчеркивает нарочитое противопоставление трудолюбивых немцев подлым, ленивым и хитрым грекам – «малозначимой нации», которая якобы преследует свои корыстные антиевропейские интересы. Опираясь в своих суггестиях на чисто биологические врожденные реакции публики, немецкие СМИ (в данном случае – издание *Bild*) не только выражают интересы аффили-

⁴ Жизневский И.Б. Механизмы влияния средств массовой информации: приемы информационных воздействий. Вестник Московского университета. № 1. 2008. (<https://cyberleninka.ru/article/n/mehanzimny-vliyaniya-sredstv-massovoy-informatsii-priemy-informatsionnyh-vozdeystviy/viewer>).

⁵ Dieses Schmierblatt wird leider Gottes gelesen. DER SPIEGEL. 07.01.2007. (<https://www.spiegel.de/politik/dieses-schmierblatt-wird-leider-gottes-gelesen-a-83b47d63-0002-0001-0000-000050109994?context=issue>).

⁶ Spoo's Presseschau: Deutsche Medien in Springerstiefeln. YouTube. 17.06.2015. (<https://www.youtube.com/watch?v=cnpGoYGW2rA>).

рованных с медиаконцернами политических и экономических групп, но и действуют как медиаторы современной немецкой мифореальности.

Данные действия вписываются в комплекс задач немецких СМИ, которые часто называют себя «pflichtbewusste Medien», т. е. «осознающие свои обязанности СМИ», и вполне осознанно направлены воздействуют на публику. Подобное влияние СМИ на реципиента (а в случае необходимости и продуцирование протестной реакции) неизбежно сопряжено с функцией социализации и дальнейшим укреплением особенностей коллективной мифореальности в целом.

Как прежде миф легко принимал в себя неактуализированные мифемы (демифологизированные элементы), так и в современной мифологии отсутствуют опасения в отношении научных данных, их встраивают в ее систему. Можно сделать вывод, что общим свойством мифа выступает умение адаптировать все, что увеличивает достоверность его реальности. Следует отметить, что включение научных данных не означает, что научное мышление выступает доминантой, потому что все факты употребляют аксиоматически, как данность. Знание о шарообразной земле не отменяет мифического представления о ней, поскольку люди интерпретируют факты как аксиомы, чувственные образы (картинки из атласа, фильма и пр.) [Андерсен 2016], а не как итог личного абстрактно-теоретического мыслительного процесса. Данный процесс объясняет, например, сосуществование представлений о плоской и шаровидной земле в одном и том же социуме. В медиамифе, как и в классическом мифе, данные объективной реальности фигурируют наравне с их ненаучной интерпретацией, а научные интерпретации соседствуют с мифическими выводами. В качестве примера можно рассмотреть очень важную для немецкой медийной мифореальности «психотерапевтическую концепцию» жертв войны.

С объединения Германии в общественном контексте возникает идея национального возрождения, которую многие немецкие политические и культурные деятели рассматривали как реваншизм, опасаясь воскрешения нацистской идеологии. Особенно сильны были такие опасения в левом политическом лагере. Однако уже в 1994 г. берлинский писатель Б. Моорсхойзер писал: «В первые десятилетия после войны молодые немцы должны были как-то управиться с прежними нацистами, и у них это получилось. Спустя поколение нам теперь надо одолеть постаревшую послевоенную молодежь, с ее заикленностью на третьем рейхе. Когда-то Германия была полна инвалидов. Сейчас в Германии полно послевоенных инвалидов»⁷.

Таким образом, тема послевоенной и военной инвалидности (т.е. недееспособности) определена как существенная помеха в развитии и грядущем процветании страны. Политика перевоспитания, которую англо-американские кураторы проводили в Западной Германии, дала свои плоды. Национальное в немецкой картине мира виделось как патологическое, однако в новых условиях такое восприятие не увязывалось с реальными вызовами, да и внутри нации подспудно крепло стремление оздоровить нездоровое национальное чувство.

Жителям восточной части страны, идентичность которых сформировалась в рамках советского проекта, было в этом отношении проще, поскольку они относили себя к антифашистской части народа, которая помещала всех фашистских недобитков на Запад, за «антифашистский защитный вал». Западные немцы, обвиненные в Холокосте, не могли просто вновь воспринять себя как немецкую, а не только европейскую и демократическую нацию. На данном противоречии возникла новая национальная концепция, согласно кото-

⁷ Von Jürgen Leinemann. DER HUNGER NACH SINN. DER SPIEGEL. 05.06.1994. (<https://www.spiegel.de/politik/der-hunger-nach-sinn-a-91b4b49e-0002-0001-0000-000013685414>).

рой преступники одновременно являются и жертвами. «Сограждане были ошеломлены, когда после исследования немецких и швейцарских терапевтов выяснилось, что их соотечественники, которых всегда считали принадлежавшими к нации преступников, одновременно являются и жертвами», – пишет Der Spiegel в статье 1999 г.⁸. Дальнейшая работа над данной темой одновременно демонстрирует и запрос общества, и стремление элит нормализовать новую немецкую реальность. Именно здесь оказывается весьма кстати публицистические работы С. Боде.

Сабина Боде пришла на должность редактора в Kölner Stadt-Anzeiger в 1978 г. Она до сих пор работает журналистом-фрилансером, а также пишет книги. Последнее ее произведение, роман «Девушка в потоке» («Das Mädchen im Strom»), вышел в 2017 г. Журналистка – частый гость ведущих немецких СМИ, ее выступления в основном транслируют радиостанции WDR и NDR.

Боде наиболее известна своими книгами о военных и послевоенных детях. В своей трилогии «Забывтое поколение – дети войны прерывают молчание», «Внуки войны. Наследники забытого поколения» и «Послевоенные дети. Поколение 50-х и их отцы-солдаты»⁹ автор пытается обосновать вымышленную концепцию общенациональной военной травмы, объявляет войну (во всех ее проявлениях) причиной немецких бед и позволяет себе «научно-психологические» интерпретации ранее запретных тем. Тем самым Боде поддерживает пропагандистские мифы, одновременно не покушаясь на базовые константы европейского сообщества – идеи демократии, либерализма и открытого рынка. Автор считает, что детская военная травма часто остается бессознательной и нераскрытой в течение десятилетий, выходя наружу только в старости с ее дополнительным бременем. Кроме того, травмы детей войны часто имеют межпоколенческий эффект. По мнению автора, в результате возникает своеобразное «эхо войны», и современные немцы – не просто потомки военных преступников (отрицать это, признавая Холокост, проблематично), но в первую очередь невинные жертвы войны, так как они не несут непосредственной вины за ее преступления.

Автор критикует теорию З. Фрейда, поясняя, что она не описывает происходящее в душе ее современников, ибо Америка «не знала нацизма, миллионов смертей, войны, а значит, не должна была психологически преодолевать чувство вины и переосмысливать коллективную катастрофу»¹⁰. С. Боде объясняет войной все проблемы немецкого общества – насилие над детьми, сексуальное насилие над женщинами, алкоголизм, конфликт отцов и детей – «всему этому война широко распахнула двери». Сам Холокост в ее толковании становится причиной ложного чувства вины, ибо современные немцы – это дети жертв войны (или их внуки и правнуки). В первую очередь они сами жертвы, а комплекс вины и фиксация на нем есть ошибка и чрезвычайно ограничивает возможности личностного роста¹¹.

Подобная мифология (а данная концепция есть несомненная мифосистема) представлена как достоверная картина событий, которую автор репрезентует внутри своего монолога. Декларируемая благая цель – помочь людям преодолеть посттравматический

⁸ Susanne Fischer, Romain Leick, Jürgen Leinemann, Hartmut Palmer, Gerhard Spörl, Klaus Wiegrefe. Planetarische Visionen. DER SPIEGEL. 07.11.1999. (<https://www.spiegel.de/politik/planetarische-visionen-a-e7622196-0002-0001-0000-000015045510>).

⁹ Die vergessene Generation – Die Kriegskinder brechen ihr Schweigen; Kriegsenkel. Die Erben der vergessenen Generation; Nachkriegskinder. Die 1950er Jahrgänge und ihre Soldatenväter.

¹⁰ Bode S. Die vergessene Generation – Die Kriegskinder brechen ihr Schweigen. Stuttgart. 2017.

¹¹ Bode S. Nachkriegskinder. Die 1950er Jahrgänge und ihre Soldatenväter. Stuttgart. 2011.

синдром – поверхностно мотивирована и лишь санкционирует общую методологию концепции Боде, в которой сильно личное авторское начало. Именно этот авторский квази-шаманский авторитет, а не историческая и научная фактология, определяет общую достоверность медиатекста. Ни малая выборка документального и свидетельского материала, ни абсурдность авторских тезисов (например, наследование из поколения в поколение «чувств и эмоций») не могут повредить «монументальной» правде, которую излагает автор. Подменяя в своих рассуждениях причину и следствие, по поводу и без повода ссылаясь на практический опыт психотерапевтов, С. Боде помещает в центр читательского внимания невинное дитя-жертву.

Такой подход объясняется тем, что само рассуждение и структура текста мифичны: повествование подчеркнуто субъектно, эмоционально-экспрессивно, формально-логический принцип нарушен движением от частного к общему. В то же время наблюдается катарсический драматизм в подаче событий, а также мифемная структура субъектно-объектных связей, где индивид-коллективы взаимодействуют с мифическими фактами, а время и пространство обратимы и нелинейны, произвольно подчиняются воле рассказчика. Научные данные воспроизводятся некритично, исключительно для придания повествованию большей достоверности. Работы С. Боде можно назвать современной медиамифологией, которая тяготеет к образованию мифологического цикла (трилогия). Однако возникает она не сама по себе в отрыве от общественной мифореальности в целом – эта мифология порождена ею, она поддерживает и легитимизирует ее в тех реальных условиях, которые объективно складывались с конца 1990-х гг. в объединенной Германии. Как выразился министр иностранных дел тех лет Й. Фишер, данные условия государство «не может игнорировать... независимо от того, хочет оно того политически или нет»¹².

Мифическое в структуре немецкого медиатекста

Разумеется, медиатекст можно и нужно соотносить с мифотекстом не только на основании сходства задач и функций в системном (медиасистема и мифосистема) формате, но и в структурном плане.

В качестве типологически близких текстов явно мифического плана можно привести быличку из собрания немецких саг братьев Гримм [*Grimm* 1981] и современную статью из качественной немецкой прессы¹³. Перед нами информационные сообщения разных времен и с разной фактологией, представляющие фрагмент цельной мифологической системы, оформленные как мифотексты, т. е. содержащие мифемы. Однако, несмотря на различия в сюжете и объеме указанных текстов, разный затекст и аксиоматическую фактологию, данные мифотексты фундаментально схожи по ряду параметров. В саге, зафиксированной братьями Гримм в XIX в., повествуется о жутком обрядовом действе, совершенном над ребенком представителями некоего религиозного культа. Собиратели описывают обрядовые манипуляции с телом, цель которых до конца не ясна. Однако прояснять такие детали для современников не было необходимости, так как социум тех времен был глубоко убежден в преступности и злонамеренности культа и его апологетов.

¹² Susanne Fischer, Romain Leick, Jürgen Leinemann, Hartmut Palmer, Gerhard Spörl, Klaus Wiegrefe. Planetarische Visionen. DER SPIEGEL. 07.11.1999. (<https://www.spiegel.de/politik/planetarische-visionen-a-e7622196-0002-0001-0000-000015045510>).

¹³ Thadeusz. In 40 Tagen zur fruchtbaren Humuserde. Nachhaltiges Sterben. DER SPIEGEL. 09.12.2022. (<https://www.spiegel.de/wissenschaft/leichen-kompostieren-expertenstreit-um-oeko-bestattung-a-10d9ff37-3439-463c-ba3f-d49b473ab41d>).

Текст содержит еще несколько важных для данной исторической мифосистемы аспектов, которые санкционируют и объясняют ее и мироздание в целом: христианская религиозная мораль (отрицание приоритета обогащения любой ценой, культ святых мест и святых мощей) и родовая связь матери и дитя (восходит от эмпирического, инстинктивного мироощущения и может быть обнаружена в современных медиамифах).

В свою очередь статья повествует о новом методе «утилизации» человеческих тел через преобразование их в плодородную почву, который разработала некая компания. Неназванные эксперты в тексте называют этот метод более экологичным, по сравнению с традиционными захоронениями. По информационному содержанию современный материал из уважаемого журнала вряд ли можно соотнести с мифотекстом XIX в. Однако, рассматривая тексты внутри той мифореальности, к которой они принадлежат, можно обнаружить, что они значительно близки.

Безусловно, христианская составляющая не принадлежит к информационным основам современного немецкого сообщества, в котором всецело доминирует «зеленая повестка». Будучи фрагментом современной мифосистемы, статья оставляет за скобками весь известный реципиенту «экологический затекст», при этом обращаясь к характерным для мифа средствам эмоционально-экспрессивного воздействия. Имплицитно в тексте можно узреть также и прежние «христианские» мотивы – например, кощунство (над телом человека). Если сопоставить оба текста и определить их соответствие принципам и логике мифа, можно получить следующую картину (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная мифология текста

Table 1

Comparative mythology of the text

Мифические аспекты	Сага	Статья
Мифемы «чужак», «малефиций»	Жертвоприношение, обрядовые манипуляции	Экологичное захоронение, обрядовые манипуляции
«Магические» приемы	Расчленение, обескровливание, подвешивание	Технология «Reerdigung», превращение тела в гумус
Субъект	Пассивен, юная жертва	Пассивен, умерший
Мифический факт	Евреи, индивид-коллектив	Компания, индивид-коллектив
Неформальная логика	Абсурд, немотивированное убийство, кровь с небес, «злое» дерево	Абсурд, кощунственные манипуляции с телом (имплицитно), превращение тела в почву за 40 дней, волшебный саркофаг – «аэробный, гетеротрофный высокоскоростной компостер»
Время и пространство	Мифическое, одноактное обобщенное времяпространство ¹⁴ , установка на достоверность, упоминается г. Ринн в Австрии	Мифическое, манипулируемое (скорость разложения), установка на достоверность – локализация технологии в г. Берлин, ФРГ
Катарсис	Церковное прославление	Экологическое равновесие, прекрасные цветы лаванды как символ

¹⁴ Термин введен автором в научный оборот в 2003 г., см.: Слесарев Алексей Георгиевич. Мифическое начало жанра баллады: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08: Москва, 2003 205 с. РГБ ОД, 61:04-10/341-7

Очевидно, что оба текста выполняют примерно одну и ту же функцию. Будучи элементами мифосистемы, они влияют на реципиента, актуализируют миф сознания, санкционируют и сохраняют существующую картину мира во времени и пространстве, используя все имеющиеся в арсенале средства достоверности, специфические для своей эпохи (религиозные и культовые догматы, научные концепции), оперируя ими в пределах предметно-образного мышления.

Говоря о структуре мифического медиатекста, следует указать на то, что, как и в случае классического мифотекста, базовой единицей медиамифа выступает мифема во всех ее эволюционных ипостасях: автохтонная, модифицированная (через социализацию и лиризацию) и даже свернутая (деструктурированная) [Слесарев 2009]. Благодаря этому в одной медиасистеме могут присутствовать как сугубо мифические тексты с мифемной структурой, которых становится ощутимо больше, так и не буквально мифические, в которых обнаруживаются лишь свернутые мифемы. Последние, что особенно важно, в рамках общей медиасистемы играют роль раздражителей, которые как бы «запускают» кумулятивные логические процедуры в сознании реципиента, что впоследствии может проявиться в полноценном мифотексте – или же просто поможет удерживать в равновесии всю мифореальность в целом. Существуют мифотексты, которые на первый взгляд не содержат в себе ничего мифического, однако само их присутствие предопределяет наличие в мифосистеме (например, в мифологическом цикле) других текстов, мифемная структура которых позволяет демонстрировать те или иные эксклюзивные элементы мифореальности («Ворон и лосось, миф народности ияк») [Мифы, сказки и легенды... 1997].

Не вполне ясно, насколько возможно отождествить мифему и фрейм. Под фреймированием в журналистике понимают способ медиавоздействия в рамках определенной темы, когда на стороне получателя информации существуют лишь отдельные фреймы (т.е. системные элементы, фрагменты). Возможно, что как раз фрейм и мифему можно соотносить, чтобы продемонстрировать мифореальность медиасистемы в рамках актуальной информационной повестки [Scheufele, Dietram 1999].

Мифическое в немецкой медиаречи («мифическая грамматика»)

Следует отметить, что современная немецкая медиасистема санкционирует в публичных изданиях определенные языковые критерии, единые и обязательные для всех органов СМИ – например, единые принципы «справедливого гендерного обращения» (gendergerechte Lexik). Они меняют сами основания немецкого языка ради новой мифореальности (использование специальных терминов социальной и профессиональной вовлеченности, применяемые для обоих полов сразу – Student*innen, Lehrer*innen). Также среди таких критериев – грамматические способы цитирования, которые немецкоязычный медиатекст активно использует в своем арсенале. Такие специфические грамматические формы позволяют приводить слова других лиц в общем контексте так, что реципиент непременно идентифицирует цитаты как чужие слова и другое мнение. Таким способом автор текста получает возможность оставаться в стороне, не смешивая свою позицию и позицию цитируемого лица. Здесь следует оговориться, что в языке существуют и другие способы введения в общий контекст иных мнений и высказываний, которые роднят немецкий язык с другими европейскими (и неевропейскими) языками: прямая речь, косвенная речь (дополнительная придаточная конструкция) и несобственно-прямая речь.

Особенный интерес вызывают именно сугубо грамматические формы включения цитат в текст, которые восходят к индоевропейскому «желательно-магическому» залогу – оптативу: эформы сослагательного наклонения первого типа (Konjunktiv I) и субъектив-

ной модальности (Subjektive Modalität). Оптатив в современном немецком языке отсутствует, но многие его функции (в частности, ритуальные формулировки как средство воздействия на объекты и субъекты в магических целях) выполняют как раз модальные глаголы. Их использование затрудняет точную интерпретацию, поскольку модальные глаголы лишены однозначности оптатива. В такой ситуации важную роль играет контекст, а также многое зависит от субъективной интерпретации.

Данные особенности помогают суггестии и последующему санкционированию определенных смыслов, что заметно на примере конструкций с модальными глаголами *sollen* и *wollen*, которые позволяют приводить цитаты и различную информацию как не совсем достоверную. Здесь можно увидеть следы индоевропейского оптатива, когда стремление сделать желаемое действительным, утвердить недоказанное благодаря субъективному характеру модальности. Сомнительное, в свою очередь, представляется как общеизвестное и достоверное.

Наглядным примером подобного подхода выступает цикл статей и сообщений об отравлении А. Навального¹⁵ в немецкой качественной прессе. Так, первый канал немецкого телевидения (ARD) в сообщении ежедневного новостного обзора («Tagesschau» von 20.10.2021) о присуждении Навальному премии имени Сахарова заявляет следующее: «Die höchste Menschenrechtsauszeichnung der EU, der Sacharow-Preis, geht in diesem Jahr an den Kreml-Kritiker Alexej Nawalny. Nawalny werde für seine immense Tapferkeit ausgezeichnet, hieß es, er habe konsequent gegen die Korruption des Putin Regime gekämpft. Nawalny sitzt derzeit in russischer Haft, weil er Meldeauflagen nicht eingehalten haben soll» («Высшая награда ЕС в области прав человека, премия Сахарова, в этом году присуждается критику Кремля Алексею Навальному. Было отмечено, что Навальный награждается за его невероятную храбрость, он последовательно боролся с коррупцией путинского режима. Навальный в настоящее время находится под стражей в России, поскольку он якобы не выполнил ряд обязательных процессуальных требований»)¹⁶.

В данной цитате сослагательное наклонение использовано для однозначной и нейтральной отсылки на мнение комитета премии. Форма субъективной модальности с глаголом «sollen», приписывает публично озвученной причине задержания А. Навального недостоверный характер. В общей парадигме немецкоязычного медиамифа, в которой существует своего рода «мир злых русских» за пределами мира людей, подобная формулировка абсолютно уместна. Грамматическая форма позволяет при цитировании заявлений российской правовой системы стигматизировать их как недостоверные.

Другой пример произвольной интерпретации модальности можно найти в статье «Alexej Nawalny: Leugnen, verwirren, täuschen» (Алексей Навальный: отрицать, запугивать, обманывать) издания Zeit Online: «Es soll also wirklich Gift gewesen sein. Darauf weisen die “klinischen Befunde” bei Alexej Nawalny hin, gab die Berliner Charité am Montag bekannt» («Итак, очевидно, это действительно был яд. Об этом свидетельствуют “клинические исследования” Алексея Навального, сообщила в понедельник Берлинская клиника Шаритэ»). Автор прямо говорит о том, что имярек, несомненно, был отравлен пресловутым «Новичком». Форма субъективной модальности позволяет уверенно констатировать данный факт, апеллируя к авторитету источника¹⁷. В этой же статье автор утверждает:

¹⁵ А. Навальный включен в перечень террористов и экстремистов Росфинмониторинга. Скончался в феврале 2024 г.

¹⁶ tagesschau 20:00 Uhr, 20.10.2021. YouTube. (<https://www.youtube.com/watch?v=PzAc6gr5-SE>).

¹⁷ Alexej Nawalny: Leugnen, verwirren, täuschen. ZEIT ONLINE. 25.08.2020. (<https://www.zeit.de/politik/ausland/2020-08/alexej-nawalny-vergiftung-charite-russische-medien-propaganda>).

«Immerhin habe man aus sicheren Quellen erfahren, dass Nawalny bei der Einlieferung in das Spital 0,2 Promille Alkohol im Blut hatte» («Тем временем из достоверных источников стало известно, что у Навального в крови на момент госпитализации было 0,2 промилле алкоголя»). Он лишает нейтральную форму конъюнктива ее нейтральности и приписывает ей абсолютную достоверность, при этом нарушая правила использования, т. к. источник цитаты прямо не указан. То же издание сообщает в материале «Vergiftet» («Отравлен»), что Навальный «был отравлен новым вариантом химического оружия типа “Новичок”, но, по общему мнению (как сообщают), много более агрессивным и смертельным, чем все известные ранее варианты серии “Новичок”» («wurde mit einer neuartigen Weiterentwicklung der Chemiewaffe Nowitschok vergiftet – einer Variante, die die Welt bis zu diesem Anschlag nicht kannte, die aber bösartiger und tödlicher sein soll als alle bekannten Ableger der Nowitschok-Familie»)¹⁸. Сомнительное утверждение вновь получает субъективную интерпретацию, слова журналиста делают их достоверным фактом.

В итоге можно констатировать, что в самом языке немецких СМИ формируются возможности проводить манипуляции и влиять на публику. Некоторые из них появились относительно недавно – например, формы субъективной модальности в целях достоверного цитирования. Данный факт позволяет, с одной стороны, характеризовать их как «магическую журналистику» [Соколова 2018], а с другой – увидеть их схожесть с мифотекстом, в задачи которого входят функции медиатора социальной системы и средства упорядочивания индивидуально-коллективной мифореальности.

Заключение

Очевидно, что в различных человеческих средах восприятие реальности будет не одинаковым, так как оно обеспечивается разными мыслительными комплексами – в том числе и такими, которые обуславливают т. н. «мифическое мышление». Парадоксальным образом суггестивная и санкционирующая функции мифа совпадают с ролью современного медиатекста, приоритетной задачей представления которого более не выступает информирование. Наоборот, его использование позволяет воздействовать на публику и внушать ей предустановленные идеи.

Современные «либерально-экономические или социально-ответственные медиасистемы плюралистических демократий» ставят цель распространять и поддерживать некие аксиоматические ценности, которые они сами и общество в целом считают верными и даже непререкаемыми [Meier 2013]. Среди них – идеи личной свободы, толерантности и прав человека, примат демократических институтов и прочие на первый взгляд не мифические понятия. Однако их некритическое восприятие и навязывание в качестве абсолютных мифологем раскрывает мифическую картину мира современного рядового жителя Германии, а его медиасистему во многом можно соотнести с мифосистемой. Будучи лишь фрагментом подобной мифосистемы, каждый отдельный медиатекст многое оставляет «за скобками», при этом обращаясь к характерным для мифа средствам эмоционально-экспрессивного воздействия. Все они выполняют примерно ту же функцию: сохраняют наличную систему ценностей во времени и пространстве, включая все имеющиеся в арсенале средства достоверности. Ситуация усугублена тем, что разница между текстами т. н. качественной и бульварной прессы в настоящий момент существенно размывается.

¹⁸ Deutsch-russische Beziehung: Vergiftet. ZEIT ONLINE. 09.2020. (<https://www.zeit.de/2020/38/deutsch-russische-beziehung-alexej-nawalny-nord-stream-2>).

Правильно ли считать, что мифизация немецкоязычного медиатекста стала безусловным правилом любой медиасистемы или же это некоторое исключение, технический сбой? Есть все основания полагать, что данный процесс по крайней мере частично закономерен. Он продиктован исключительными особенностями немецкой ментальности и языка: деформированная войной и политикой перевоспитания национальная идентичность; восходящие к индоевропейскому општативу грамматические формы воздействия; доминирование «клипового» (т.е. предметно-образного по сути) мышления; современная ситуация экзистенциального противостояния Западного и не-Западного мира, в которое оказались втянуты в том числе и немцы. Перечисленные факторы в совокупности определяют характер медиасистемы и медиатекста, которые ставят во главу угла принцип воздействия на реципиента и санкционирования существующей единственно правильной картины мира. Таким образом, именно эта особенность характеризует современную медиасферу Германии как живую мифореальность – системную, актуальную, общедоступную, фрагментированную (фреймированную), интуитивно-образную, кумулятивно-логическую, встроенную в парадигму противостояния как великая европейская ценность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Андерсон Б. (2016) Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле. 416 с.
- Anderson B. (2016) *Voobrazhayemyye soobshchestva: razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo Pole. 416 p. (In Russ.)
- Выготский Л.С. (1982) Собрание сочинений в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика. 504 с.
- Vygotskiy L.S. (1982) *Sobraniye sochineniy v 6 t.* [Collected Works in 6 Volumes]. Vol. 2. Moscow: Pedagogika. 504 p. (In Russ.)
- Мамардашвили М.К. (2011) Если осмелиться быть... // В: Сознание и цивилизация. СПб: Азбука-Аттикус. 288 с.
- Mamardashvili M.K. (2011) *Yesli osmelit'sya byt'...* [If you Dare to Be...]. In: *Soznaniye i tsivilizatsiya*. Saint-Petersburg: Azbuka-Atticus. 288 p. (In Russ.)
- Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. (1971) Три беседы о метатеории сознания. Краткое введение в учение виджнянавады. Труды по знаковым системам. Т. 5. Тарту.
- Mamardashvili M. K., Pyatigorskiy A. M. (1971) *Tri besedy o metateorii soznaniya. Kratkoye vvedeniye v ucheniye vidzhnyanavady. Trudy po znakovym sistemam* [Three Conversations about the Metatheory of Consciousness. A Brief Introduction to the Teachings of Vijnanavada. Works on Sign Systems]. Vol. 5. Tartu. (In Russ.)
- Марков А. (2012) Эволюция человека. Книга вторая. Обезьяны, нейроны и душа. М.: Астрель. 512 с.
- Markov A. (2012) *Evolyutsiya cheloveka. Kniga vtoraya. Obez'yany, neyrony i dusha* [Human Evolution. Book Two. Monkeys, Neurons and the Soul]. Moscow: Astrel. 512 p. (In Russ.)
- Мифы, сказки и легенды индейцев: северо-западное побережье Северной Америки (1997) М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 519 с.
- Mify, skazki i legendy indeytshev: severo-zapadnoye poberezh'ye Severnoy Ameriki* [Myths, Tales and Legends of the Indians: The Northwest Coast of North America] (1997) Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. 519 p. (In Russ.)
- Слесарев А.Г. (2002) Анализ мифических текстов // В: Проблемы истории литературы. Москва – Новополец. Т. 15. 240 с.

Slesarev A.G. Analiz mificheskikh tekstov [Analysis of Mythical Texts]. In: *Problemy istorii literatury*. Vol. 15. Moscow – Novopolotsk. 240 p. (In Russ.)

Слесарев А.Г. (2010) Мифология текста: сказки для детей и взрослых (Т. Теллеген, С. Козлов) // В: Россия и Запад: диалог культур. Сборник статей XIII международной конференции, 26–28 ноября 2009 года. Ч. 2. Вып. 15. М.: Центр по изучению взаимодействия культур ФИЯ МГУ им. М.В. Ломоносова.

Slesarev A.G. (2010) Mifologika teksta: skazki dlya detey i vzroslykh (T. Tellegen, S. Kozlov) [Mythological Text: Fairy Tales for Children and Adults (T. Tellegen, S. Kozlov)]. In: *Rossiya i Zapad: dialog kul'tur. Sbornik statey XIII mezhdunarodnoy konferentsii, 26–28 noyabrya 2009 goda*. Part 2. Issue 15. (In Russ.)

Слесарев А.Г. (2009) Баллада и миф. Минск: Литературный свет. 199 с.

Slesarev A.G. (2009) *Ballada i mif* [Ballad and Myth]. Minsk: Literaturnyy svet. 199 p. (In Russ.)

Слесарев А.Г. (2021) Нормативный контекст в современной немецкой медиасреде // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 4. С. 49–56.

Slesarev A.G. (2021) Normativnyy kontekst v sovremennoy nemetskoj mediasrede [Regulatory Context in the Modern German Media Environment]. *Filologicheskiye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly*. no. 4, pp. 49–56. (In Russ.)

Соколова В.М. (2018) Магия повествовательной журналистики Габриэля Гарсия Маркеса // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 1.

Sokolova V.M. (2018) Magiya povestvovatel'noy zhurnalistiki Gabrielya Garsiya Markesa [The Magic of Narrative Journalism by Gabriel García Márquez]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. no. 1. (In Russ.)

Философская Энциклопедия. В 5-и т. (1960–1970) Ред.: Константинов Ф.В. М.: Советская энциклопедия.

Filosofskaya Entsiklopediya. V 5-i t [Philosophical Encyclopedia. In 5 Volumes] (1960–1970) Ed(s): Konstantinov F.V. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)

Ясюкова Л.А. (2010) Проблемы психологии понятийного мышления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. № 3.

Yasyukova L.A. (2010) Problemy psikhologii ponyatiynogo myshleniya [Problems of the Psychology of Conceptual Thinking]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*. no. 3. (In Russ.)

Ясюкова Л.А. (2007) Психолого-педагогические причины неграмотности современных школьников // Национальный психологический журнал. № 1.

Yasyukova L.A. (2007) Psikhologo-pedagogicheskiye prichiny negramotnosti sovremennykh shkol'nikov [Psychological and Pedagogical Reasons for Illiteracy of Modern Schoolchildren]. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal*. no. 1. (In Russ.)

Deutsche Sagen / hrsg. von den Br. Grimm (1981) Bd. 2., Frankfurt/Main.

Helbig G., Buscha J. (1996) Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. 17. Auflage. Leipzig: Langenscheidt.

Meyer K. (2013) Journalistik. Konstanz und München.

Scheufele D.A. (1999) Framing as a Theory of Media Effects // *Journal of Communication*. Vol. 49. No. 1. Pp. 103–122.

Информация об авторе

Слесарев Алексей Георгиевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики, факультет журналистики, МГУ им. М.В. Ломоносова. Адрес: 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 9–11. E-mail: alexej_slessarew@mail.ru

About the author

Alexey G. Slesarev, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Medialinguistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. Address: 125009, 9–11, Mokhovaya st., Moscow, Russia. E-mail: alexej_slessarew@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 19.01.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 12.03.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 14.05.2024

Трибуна молодого ученого
THE ROSTRUM OF A YOUNG SCIENTIST

Оригинальная статья / Original article

Интеграция мигрантов в Германии: роль негосударственных акторов

© Е.И. МАТЮХОВА

Матюхова Елизавета Игоревна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), lizamat@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-2782-4013

На основе пространственного подхода и теории многоуровневого управления проанализированы роль и стратегии негосударственных акторов в Германии, которые занимаются интеграцией мигрантов на местном, национальном, региональном и глобальном уровнях. Речь идет о неправительственных организациях (НПО), включая негосударственные некоммерческие структуры, фонды, ассоциации мигрантов, профсоюзы, а также СМИ и международные межправительственные организации. Показано, что германский способ управления в данной сфере предполагает тесное сотрудничество широкого круга подобных структур с государством.

Ключевые слова: Германия, негосударственные акторы, «третий сектор», некоммерческие организации, неправительственные организации, гражданское общество, миграционная политика, интеграция мигрантов, диаспоры, организации мигрантов

Цитирование: Матюхова Е.И. (2024) Интеграция мигрантов в Германии: позитивная роль негосударственных акторов // Общественные науки и современность. № 2. С. 119–133. DOI: 10.31857/S0869049924020093, EDN: zmfrem.

Migrant Integration in Germany: the Role of Non-State Actors

© E. MATIUKHOVA

Elizaveta I. Matiukhova, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO) (Moscow, Russia), lizamat@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-2782-4013

Abstract. Based on spatial approach and multilevel governance theory, the role and strategies of non-state actors in Germany involved in the integration of migrants at the local, national, regional and global levels are analyzed. The study concerns non-governmental organizations (NGOs), including non-governmental non-profit structures, foundations, migrant associations, trade unions, as well as the media and international intergovernmental organizations. It is shown that the German method of management in this area involves close cooperation between a wide range of such institutions and the state.

Keywords: Germany, non-state actors, third sector, non-profit organizations, non-governmental organizations, civil society, migration policy, integration of migrants, diasporas, migrant organizations

Citation: Matiukhova E.I. (2024) Migrant Integration in Germany: the Role of Non-State Actors. *Obschestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 119–133. DOI: 10.31857/S0869049924020093, EDN: zmfrem (In Russ.).

Негосударственные акторы в многоуровневом управлении

Растущее культурное, этническое и расовое разнообразие – характерная черта современных обществ, и политика интеграции мигрантов предполагает координацию усилий многочисленных субъектов, вовлеченных в данный процесс. Исследователи все чаще говорят о «повороте к локальности» в политике интеграции [Penninx, Kraal et al 2004], так как считают, что необходимо решать вопросы сначала на самом низком уровне управления в соответствии с принципом субсидиарности.

Использование данного принципа соответствует проекту европейской интеграции, а также теории и европейской модели многоуровневого управления, в том числе в части интеграционной политики [Hooghe, Marks 2001]. Управление все более рассредоточено между различными уровнями власти – субнациональным, национальным, транснациональным и наднациональным [Scholten, Penninx 2016], поэтому основной задачей становится координация действий его участников. Управление интеграцией мигрантов в Европейском союзе, в том числе в Германии, представляет собой сложносоставную многоуровневую интерактивную систему, в которую вовлечены как национальные правительства (государств-членов), так и негосударственные акторы.

Политологи П. Шолтен и Р. Пеннинкс описывают несколько моделей многоуровневости [Scholten, Penninx 2016], в том числе многоуровневое управление. В данной работе рассмотрена именно эта модель применительно к интеграции мигрантов в Германии, которую следует признать достаточно эффективной. Применен пространственный подход, который позволил проанализировать организационные взаимоотношения различных субъектов, вовлеченных в управление миграционными процессами, а также разделение функций по интеграции мигрантов, в том числе между транснациональными организациями.

В результате формирования системы многоуровневого управления миграцией, в том числе для интеграции мигрантов в принимающее общество, созданы условия не только для увеличения количества ее субъектов, но и для обеспечения их разнообразия. Под негосударственными акторами понимаются любые неправительственные субъекты, оказывающие влияние на политику интеграции мигрантов как внутри государства, так и за его пределами. Профессор политологии и государственной политики Мюнхенского технического университета Т. Бюте причисляет к ним международные межправительственные организации (ММПО), национальные и международные неправительственные организации (НПО), транснациональные корпорации, коммерческие лоббистские группы, а также международные преступные и террористические сети [Büthe 2004]. При изучении опыта ФРГ нельзя не упомянуть активно функционирующий особый тип негосударственных акторов под различными обобщающими названиями – некоммерческие организации (НКО), неправительственные организации (НПО), «гражданское общество», «третий сектор», «добровольный», «благотворительный» сектор.

Для изучения роли нетрадиционных акторов в интеграции мигрантов в системе многоуровневого управления в Европейском союзе была выбрана ФРГ. Во-первых, случай Германии как поликультурного общества заслуживает изучения. По данным немецкого Федерального статистического управления, на конец 2022 г. в стране проживало 23,8 млн человек с «миграционным фоном» и 13,4 млн иностранцев, из которых наиболее многочисленные группы (за исключением граждан стран-участниц ЕС – более 5 млн человек) представляют выходцы из Турции (1,48 млн), Украины (1,16 млн), Сирии (923 тыс.), африканских стран (710 тыс.), Афганистана (377 тыс.), России (290 тыс.), Ирака (284 тыс.), Косово (280 тыс.), Сербии (263 тыс.), Боснии и Герцеговины (234 тыс.)¹. Сложное национальное иммиграционное законодательство различает граждан стран-участниц ЕС и третьих стран; просителей убежища и беженцев, этнических немецких репатриантов, трудовых мигрантов. Все эти категории имеют разные потребности и нуждаются в особых подходах для их адаптации в немецком обществе. Государство должно прилагать максимум усилий для решения этих задач, что отчасти объясняет активную роль негосударственных акторов в управлении миграцией.

Во-вторых, многими признан тот факт, что именно в Германии отношения между национальными и местными властями в сфере интеграции мигрантов развивались в направлении многоуровневого управления: были созданы различные многоуровневые площадки – как в вертикальном, так и горизонтальном измерении – для координации интеграционной политики (например, регулярные национальные конференции) [Scholten 2018]. По мнению ряда экспертов, важная роль гражданского общества на всех уровнях территориального управления интеграцией может быть связана «с низкой эффективностью немецкого государства в интеграционной политике несколько десятилетий назад – пробел, который был частично заполнен работой НПО»².

Не только за рубежом, но и в России проведены исследования, посвященные миграционным процессам в Германии и ЕС, специфике интеграционных практик и механизмов на различных уровнях. Следует отметить труды Ф.А. Басова, В.И. Васильева, А.М. Кокеева, М.В. Хорольской, в которых были изучены разнообразные аспекты миграционной поли-

¹ Ausländische Bevölkerung nach ausgewählten Staatsangehörigkeiten // Statistisches Bundesamt. (<https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/Tabellen/auslaendische-bevoelkerung-staatsangehoerigkeit-jahre.html>).

² Bendel P. Coordinating Immigrant Integration in Germany // MPI. (<https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/Mainstreaming-Germany-FINALWEB.pdf>).

тики Германии [ЕС перед вызовом... 2016; Хорольская 2022]. Вопросы многоуровневого управления в контексте миграции и интеграции мигрантов рассматривали такие авторы, как И.П. Цапенко [Цапенко 2019], О.Ю. Потемкина [Потемкина 2020], Н.Н. Большова [Большова 2009], О.В. Фомичева [Фомичева 2010]. Влияние отдельных негосударственных акторов, например диаспор, на интеграцию мигрантов анализировали А.В. Лубский, А.В. Бедрик, А.А. Зайцева [Лубский, Бедрик, Зайцева 2017]. Тем не менее отсутствуют работы, в которых изучалась бы деятельность негосударственных акторов, вовлеченных в интеграционную деятельность в Германии.

Настоящая статья посвящена негосударственным акторам интеграционного процесса, степени их субъектности с точки зрения влияния на формирование миграционной повестки в ФРГ, участия в разработке и воплощении на практике политики вовлечения мигрантов в принимающее общество. Основное внимание уделено неправительственным организациям, включая негосударственные некоммерческие структуры, фонды, ассоциации мигрантов, профсоюзные организации, а также СМИ и ММПО, которые все активнее заявляют о себе как об участниках разноуровневого политического процесса.

Следует согласиться с условным делением негосударственных участников политики интеграции мигрантов на два типа: «повышающие интеграционный потенциал» и «(преднамеренно) подрывающие интеграционный потенциал». К первому типу относят тех, чья деятельность направлена на содействие социально-культурному и трудовому вовлечению новоприбывших в жизнь принимающего социума. Это прежде всего группы добровольцев, тесно связанные с местными сообществами. Второй тип представляют организации, которые: 1) выступают против интеграционных мер и миграции в целом, тем самым преднамеренно препятствуют интеграционной политике; 2) руководствуются корыстными целями и предоставляют некачественные услуги, например нанимают работников с недостаточным уровнем профессиональной подготовки; 3) непреднамеренно оказывают негативное влияние на адаптацию мигрантов, так как, например, не обеспечивают необходимую координацию действий с другими участниками³. Внимание сосредоточено на первом типе акторов.

Как предполагается, в плюралистических обществах негосударственные субъекты играют двойственную роль: с одной стороны, они представляют собой неотделимую часть современного «иммиграционного общества»⁴ – с их помощью можно предпринимать конкретные меры поддержки мигрантов; с другой – они могут стать фактором размежевания и даже раскола в обществе.

Дилеммы участия негосударственных акторов в политике интеграции мигрантов

Особенность германской модели интеграции мигрантов заключается в осознании политическим классом и обществом того факта, что Германия является «иммиграционной

³ Galeraí G., Giannettoí L., Noyaií A. (2018) The Role of Non-state Actors in the Integration of Refugees and Asylum Seekers // OECD Local Economic and Employment Development (LEED) Papers. (<https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/434c3303-en.pdf?expires=1681909087&id=id&accname=guest&checksum=A4184C8DC0CB7AB747DF7085EDFCFCA5>).

⁴ Под термином «иммиграционное общество» (*Einwanderungsgesellschaft*) автор понимает объединение неоднородных в культурном и этническом отношении социальных групп, которые постоянно развиваются под влиянием крупномасштабной иммиграции и стремятся к сосуществованию и взаимодействию в рамках конкретного общества. В отечественной литературе такой феномен описала И.П. Цапенко и определили его как «иммиграционное общество» [Цапенко 2020].

страной»⁵. Это влияет на взаимоотношения государства с неправительственными участниками политики интеграции в сторону большей свободы действий последних. Благоприятствует деятельности негосударственных акторов и прочная репутация Германии как представительной демократии с инклюзивной политической культурой и развитым гражданским обществом. Данный факт подтверждают результаты международных рейтинговых исследований: в 2023 г. страна набрала 94 балла из возможных 100, предусмотренных Индексом свободы в мире, который ежегодно составляет американская неправительственная организация *Freedom House*⁶. Исторически ФРГ – пример некорпоративного государства всеобщего благосостояния, модель развития которого предполагает некую зависимость от государства разных групп интересов, которые обладают монополией на представительство в определенных областях – социальной политике, здравоохранении и на рынке труда. В такой модели взаимоотношений государства с различными некоммерческими акторами гражданское общество играет важную роль с точки зрения концепта *welfare mix* (англ., смешанная система всеобщего благосостояния), когда за регулирование и финансирование социальных услуг ответственны не только государственные органы, но и общественные организации.

Обращение к историческому прошлому позволяет оценить значение гражданского общества, начиная со второй половины XX в. Среди так называемых подразделений гражданской обороны [*Dittmer, Lorenz 2019*], которые состояли из местных гуманитарных организаций, особенно выделялись Немецкий Красный Крест и Служба организации технической помощи. Они оказывали поддержку людям, бежавшим из ГДР в ФРГ в 1949–1955 гг. после образования двух немецких государств, а также поддерживали этнических немцев во время их массового возвращения в Германию из стран Восточной Европы по окончании холодной войны. Конечно, такую деятельность рассматривали исключительно как экстренную помощь, когда вопросы предоставления убежища не играли большой роли.

Со временем происходило не только изменение этнического, расового и культурного многообразия Германии, но и расширение сфер и задач различных неправительственных объединений. Если ранее преобладали рабочие ассоциации, поскольку государство продвигало трудовую миграцию, то в настоящее время можно наблюдать новые форматы – религиозные, спортивные, культурные, родительские ассоциации, деловые и предпринимательские объединения, политические организации мигрантов [*Halm 2015*].

Сегодня ФРГ выступает за активное вовлечение негосударственных акторов в различные сферы политики, включая интеграцию мигрантов, что подтверждает массив принятых правовых документов. В рамках Закона об иммиграции 2004 г. и Национального плана действий по интеграции 2020 г. были разработаны различные программы стиму-

⁵ Экспертная комиссия по вопросам интеграционного потенциала отмечает, что концепт «иммиграционная страна» (*Einwanderungsland*) не является статическим, а значит, необходимо его регулярно пересматривать в соответствии с динамичными общественными изменениями, что и объясняет отсутствие его устойчивого общепринятого определения. См. подробнее: *Gemeinsam die Einwanderungsgesellschaft gestalten. Der Bericht der Fachkommission Integrationsfähigkeit*. (<https://www.fachkommission-integrationsfaehigkeit.de/fk-int/dokumente/berichter-fachkommission-integrationsfaehigkeit-1880150>). Здесь под этим термином понимается страна, которая обладает четкими и жесткими требованиями в сфере миграции, развивает интеграционную политику, предоставляет особые культурные и социальные услуги, в то время как ответственные лица контролируют эти процессы. См. подробнее: *Das Interview mit Herrn Reinhard Grindel (CDU) Mitglied des Innenausschusses des deutschen Bundestages. Berichterstatter der CDU/CSU Fraktion für Asylpolitik und Zuwanderungsgesetz* // *Uniwersytet Wroclawski*. (<http://www.zbn.uni.wroc.pl/Poby-t-badawczy-studentow-Institut-Studiow-Miedzynarodowych-w-Berlinie-2327102006/Das-Interview-mit-Herrn-Reinhard-Grindel-CDU-Mitglied-des-Innenausschusses-des-deutschen-Bundestages-Berichterstatter-der-CDUCSU-Fraktion-fuer-Asylpolitik-und-Zuwanderungsgesetz>).

⁶ Организация признана нежелательной в России. *Germany* // *Freedom House*. (<https://freedomhouse.org/country/germany/freedom-world/2023>).

лирования сотрудничества между властями различных уровней и федеральными ведомствами. Федеральное правительство считает необходимым продвигать принцип активного взаимодействия с негосударственными акторами в публичном пространстве. Например, на собраниях бундестага представители союза партий ХДС/ХСС не раз подчеркивали, что государству «нужны церковные ассоциации, общества и профсоюзы, которые уверенно представляют свои интересы по отношению к государству, сами их определяют и, если нужно, наступают на пятки государству в качестве регулятора власти»⁷. В рамках мероприятий на национальном уровне с 2006 г. проводится так называемый Интеграционный саммит, в котором принимают участие все, кто так или иначе заинтересован в политике интеграции мигрантов. Действуют и регулярные дискуссионные форумы по поддержке переселенцев, например Федеральная конференция организаций мигрантов, которая объединяет более 70 участников.

Помимо странового уровня, политику интеграции мигрантов разрабатывает Европейский союз. Европейская комиссия, высший орган исполнительной власти Евросоюза, и Европейский социально-экономический комитет, консультативный орган ЕС (Совет ЕС и Европейская комиссия обязаны консультироваться с ним по социальным и экономическим вопросам), с 2015 г. организовали семь встреч Европейского форума по вопросам миграции, платформы для диалога гражданского общества с институтами ЕС по вопросам миграции, убежища и интеграции мигрантов. В рамках формирования глобальной повестки во время ротационного председательства Германии в «Группе двадцати» экс-канцлер ФРГ Ангела Меркель на постоянной основе обеспечивала всесторонний диалог с представителями гражданского общества, научного сообщества, профсоюзов, женских и молодежных ассоциаций, а также неправительственных организаций государств-членов G20.

В последние два десятилетия в соответствии с принципом общедоступности (нем. *Niedrigschwelligkeit*) предоставляемых услуг утвердилось множество новых форм и форматов поддержки мигрантов на местном (муниципальном) уровне: «лоцманы» (нем. *Integrationslotse*), «крестные» (нем. *Patinnen*), «наставники» (нем. *Mentorinnen*), «матери городских кварталов» (нем. *Stadtteilmütter*), «языковые и культурные посредники» (нем. *Sprach- und Kulturmittlerinnen*). Также используют термин «координаторы интеграции» (нем. *Integrationsbegleiter*) для обозначения всех этих пилотных, наставнических и спонсорских проектов.

Несмотря на такое на первый взгляд позитивное восприятие негосударственных акторов, Германия применяет и «полицейский подход» к работе с ними. Это в первую очередь касается организаций мигрантов (в особенности в отношении их политической направленности). Помимо того, что такие организации могут быть запрещены в упрощенном порядке, их обязывают предоставлять местным компетентным органам сведения о своих уставах, именах и адресах членов правления. Эта информация хранится в реестре объединений иностранцев и передается в секретные службы, органы безопасности и другие компетентные органы. К примеру, данные курдских организаций пересылают в Федеральное ведомство уголовной полиции и Федеральное ведомство по защите Конституции.

Федеральное правительство обосновывает обязательства по передаче таких данных «особой опасностью» возможного втягивания страны в международные политические конфликты, которые затрагивают интересы других государств, а в результате могут пострадать ее внутри- и внешнеполитические интересы. Данное обстоятельство вызывает

---

⁷ Entwurf eines Gesetzes zur Stärkung von Maßnahmen zur Demokratieförderung, Vielfaltgestaltung, Extremismusprävention und politischen Bildung (Demokratiefördergesetz – DFördG). Drucksache 20/5823. 20. Wahlperiode. Deutscher Bundestag. (<https://dserver.bundestag.de/btd/20/058/2005823.pdf>).

критику⁸. В частности, партия «Левая» в одном из заявлений называет такую политику дискриминационной, полагая, что слежка со стороны властей мешает мигрантам проявлять гражданскую активность⁹.

Подобное двойственное отношение к негосударственным акторам – результат специфического миграционного режима Германии, который на протяжении долгого времени «не способствовал активному развитию мультикультурных структур, но в то же время ставил относительно мало формальных препятствий на пути иммигрантов, создающих организации, по сравнению с другими странами» [Halm 2015].

Возможности типологизации негосударственных акторов

В 2014 г. ФРГ оказалась в десятке лучших стран по индексу политики интеграции мигрантов (MIPEX)¹⁰ в мире. Тогда же программный директор брюссельского аналитического центра *Migration Policy Group* Т. Хаддлстон отметил, что интеграционная политика Германии все чаще служит образцом для других. Однако включение большего количества стран в индекс и последствия миграционного кризиса в Евросоюзе в 2019 г. повлекли за собой снижение рейтинга интеграционной политики Германии. Теперь ее оценивают как «наполовину благоприятную» и считают так называемой временной интеграцией (табл. 1). Некоторые эксперты связывают такое положение с особенностями проводимых исследований: при составлении рейтингов эксперты не учитывают различия в уровне интеграции внутри стран, поскольку анализируют в основном показатели на общенациональном уровне. К примеру, Берлин был назван одним из наиболее активных городов в мире, власти которого вовлекают мигрантов в разработку интеграционной политики.

Таблица 1

Измерение потенциала политики интеграции мигрантов в Германии

Table 1

The Measurement of the Potential of Migrant Integration Policy in Germany

Область интеграции	Балл (из 100 возможных)
Мобильность на рынке труда	81
Воссоединение семей	42
Образование	55
Здоровье	63
Политическое участие	60
ПМЖ	54
Получение гражданства	42
Антидискриминационные меры	70

Источник: составлено по материалам MIPEX¹¹.

Source: compiled from MIPEX materials.

⁸ Diskriminierung von Migrantenorganisationen im Vereinsrecht beenden. 25.11.2020. (<https://dserver.bundestag.de/btd/19/246/1924689.pdf>).

⁹ Ibid.

¹⁰ Индекс политики интеграции мигрантов (MIPEX) – инструмент, который позволяет анализировать политику интеграции мигрантов в 56 странах в восьми сферах деятельности для оценки и сравнения усилий национальных правительств.

¹¹ Germany // MIPEX. (<https://mipex.eu/germany>).

Представленный пример еще раз подтверждает значение негосударственных акторов в многоуровневой интеграционной политике страны. Особенность именно ФРГ связана в том числе с федеративным устройством государства. Как видно из таблицы 2, можно говорить о параллельных и пересекающихся полномочиях разных структур. Их сложное распределение как по вертикали, так и по горизонтали, выраженная автономия субъектов федерации, земель и муниципалитетов приводят как к фрагментации, так и к трудностям в координации интеграционной политики¹². Поэтому на помощь приходят негосударственные акторы, которые могут восполнить эти пробелы.

Как правило, правовые вопросы иммиграционной политики составляют ответственность государства (федерального правительства), а вопросы адаптации и интеграции мигрантов и оказания им различной помощи решают при самом активном участии неправительственных организаций. Граждане и негосударственные структуры традиционно и достаточно часто предоставляют базовые услуги мигрантам и беженцам, особенно в первые дни и месяцы их пребывания в принимающей стране. Эти услуги направлены на безопасность, здоровье, благополучие и социальное обеспечение мигрантов, гуманитарную помощь им. После того как насущные потребности мигрантов удовлетворены, эти акторы принимают меры, чтобы дать прибывшим возможность найти работу, повысить их социально-экономическое благополучие, что имеет решающее значение для успешного включения в социальную, культурную и экономическую жизнь Германии. Помимо предоставления услуг по индивидуальному развитию, негосударственные участники защищают интересы мигрантов и беженцев в общественной, правовой и политической сферах. На глобальном, наднациональном, национальном и региональном уровнях функции негосударственных акторов остаются теми же: влияние на повестку дня, экспертное сопровождение и предоставление информации властям.

С начала «эпохи гастарбайтеров» традиционные международные благотворительные организации, например «Каритас» и «Диакония», оказывали помощь мигрантам. В результате в стране сложилась уникальная система тесного, хотя и избирательного, взаимодействия негосударственных акторов, которые являются частью «третьего сектора», с государством. «Третий сектор», то есть неправительственные некоммерческие организации, зависит от бюджетного финансирования. Традиционные, с долгой историей организации «третьего сектора» (Немецкий Красный Крест, «Каритас», «Диакония») прочно интегрированы в национальную систему социального обеспечения и играют значимую роль в обеспечении широкого спектра услуг по приему и интеграции мигрантов.

Можно выделить два типа некоммерческих организаций: крупные поставщики услуг в социальных областях, которые финансирует государство и/или рынок, с одной стороны (например, «Каритас»), и множество самоорганизованных ассоциаций, чья деятельность основана на членских взносах и пожертвованиях – с другой (различные гражданские инициативы).

В обществе, которое меняется в связи с массовой иммиграцией, появляются и такие субъекты, как организации мигрантов (нем. *Migrantenorganisationen*) и беженцев (нем. *Geflüchtetenorganisationen*). В Германии зарегистрировано уже более 17 тыс. разнообразных мигрантских ассоциаций¹³, которые предлагают услуги в области образования и воспитания, культуры, спорта.

¹² Bendel P. Coordinating Immigrant Integration in Germany // MPI. August 2014. (<https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/Mainstreaming-Germany-FINALWEB.pdf>).

¹³ Priemer J., Schmidt M. (2018) Engagiert und doch unsichtbar? Migrantenorganisationen in Deutschland. Stifterverband. November 26, 2018. (<https://www.stifterverband.org/migrantenorganisationen-in-deutschland>).

**Уровни управления в миграционной политике
 и политике интеграции мигрантов в Германии и функции участников**

Table 2

**Levels of Governance and Management in Migration
 and Migrant Integration Policy in Germany and Functions of Actors**

Уровни управления	Функции	
	Властные структуры	Негосударственные акторы
Глобальный	<ul style="list-style-type: none"> • формирование глобальной повестки по вопросам миграции • продвижение позитивного национального опыта интеграции мигрантов на различных международных площадках • взаимодействие с национальными правительствами и парламентами других стран по вопросам миграции 	<ul style="list-style-type: none"> • формирование глобальной повестки по вопросам миграции • формирование общественно-политического и научного дискурсов по вопросам миграции, в том числе в медиасфере, в традиционных и новых медиа • предоставление информации и экспертизы государствам
Наднациональный (уровень ЕС)	<ul style="list-style-type: none"> • защита внешних границ ЕС • выполнение положений и принципов Дублинской системы предоставления убежища • продвижение позитивного национального опыта интеграции мигрантов • продвижение идеи коммунитаризации иммиграционной политики ЕС • разработка и следование модели межбюджетных отношений по вопросам миграционной политики и интеграции мигрантов 	
Национальный	<ul style="list-style-type: none"> • формирование национальной повестки по вопросам миграции • формирование властного дискурса по вопросам миграции • создание правовой базы для иммиграции и проживания мигрантов, включая беженцев • разработка экономической, трудовой и социальной политики • разработка и осуществление процедуры предоставления убежища • мониторинг и контроль политики интеграции мигрантов на уровне муниципалитетов и субъектов федерации • исполнение норм Дублинской системы • формирование направлений миграционной политики профсоюзов 	
Региональный (федеральные земли)	<ul style="list-style-type: none"> • формирование национальной повестки по вопросам миграции • формирование властного дискурса по вопросам миграции • проведение миграционной политики на своей административной территории • делегирование отдельных задач своим муниципалитетам, финансирование данной деятельности • разработка собственных концепций интеграции и/или соответствующих руководств 	

Уровни управления	Функции	
	Властные структуры	Негосударственные акторы
Муниципальный	<ul style="list-style-type: none"> • формирование национальной повестки по вопросам миграции • формирование властного дискурса по вопросам миграции • практические вопросы приема и интеграции мигрантов, независимо от их статуса • разработка собственных стратегий по вопросам миграции 	

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Наряду с устоявшимися формальными организациями мигрантов и беженцев все чаще, особенно в связи с пандемией COVID-19 и карантинными мерами, появляются новые, менее формализованные объединения в виде сетевых сообществ. Например, *SprachCafé Polnisch* (нем. разговорное «кафе») из столичного Берлина во время пандемии перевела свою программу семинаров на короткий период в цифровой формат для поддержки многоязычных семей мигрантов.

Возникли и новые организации, которые представляют собой сеть клубов и организаций постмиграционной направленности, которые работают по всей Германии. Их основная целевая группа – потомки мигрантов, базовая сфера работы – обеспечение инклюзии не только мигрантов, а общества в целом.

В ФРГ достаточно разнообразен ландшафт фондов с неправительственным статусом, которые, помимо того, что работают в пределах государства, зачастую ведут деятельность за рубежом. Как и другие негосударственные акторы, они заинтересованы в участии мигрантов, например, в работе федерального правительства по повышению образовательной интеграции. Так, Фонд Меркатор и Фонд Фройденберг выступают за повышение образовательного уровня молодежи из неблагополучных семей, особенно детей мигрантов.

В ФРГ развит еще один тип фондов – муниципальные общественные фонды, или фонды местных сообществ (нем. *Bürgerstiftungen*), их еще называют «бургерскими» [Кадикина 2013]. Их создают группы граждан, которые пытаются улучшить работу местных сообществ и оказывают помощь беженцам в период миграционных кризисов [Бардин 2016]. В качестве примера можно привести фонд города Йены: его представители подготовили и издали в 2015 г. брошюру с картой города, на которой были отмечены основные муниципальные учреждения, чтобы помочь беженцам лучше ориентироваться в новом для себя пространстве.

Значимый негосударственный актор – профсоюзы, которые в Германии традиционно автономны от государства, однако именно власти страны задают направления миграционной политики профсоюзов. Это связано прежде всего с демографической проблемой, которая в определенной степени решается путем стабильной иммиграции, а также с нехваткой высококвалифицированных специалистов, в том числе на фоне массового притока неквалифицированной рабочей силы из других стран. Фактически профсоюзы берут на себя ответственность по интеграции приезжих иностранцев на рынке труда, распространяя на них принцип минимальной заработной платы [Bergfeld 2017]. В контексте прав иммигрантов важным представляется тот факт, что профсоюзы в Германии едины для всех трудящихся, независимо от их гражданства, идеологической ориентации или политических убеждений. Немецкая конфедерация профсоюзов – головная организация профсоюзов страны, в уставе которой отмечено, что для достижения целей в общей профсоюзной

и социальной политике необходимо, в частности, содействовать социальной интеграции мигрантов. Крупнейший отраслевой профсоюз – Промышленный союз металлургов – поддерживает этническое разнообразие на предприятиях металлургической промышленности и называет себя профсоюзом иммигрантов. Он открыл во Франкфурте-на-Майне первый в Германии Объединенный центр профориентации для беженцев, где команда штатных сотрудников и волонтеров предлагает им помощь и поддержку по профессиональным, социальным и юридическим вопросам¹⁴.

Самовосприятие Германии как страны иммиграции стало предпосылкой обретения ею новой роли в ММПО. Обладая знаниями и опытом в области миграции и интеграции переселенцев, государство превращается из наблюдателя в глобального игрока, претендующего на формирование глобальной повестки по вопросам миграции и международной миграционной политики, причем это происходит практически незаметно для широкой общественности. Например, Федеральное правительство Германии внесло серьезный вклад в подготовку Глобального договора ООН о безопасной, упорядоченной и регулярной миграции. Германия привлекает высококвалифицированных экспертов из самых разных сфер деятельности к разработке миграционной и интеграционной политики, публикуя полученные результаты в открытом доступе на иностранных языках.

Многие международные межправительственные организации имеют опыт работы с мигрантами и беженцами в различных странах, что позволяет им предлагать информационную и консультативную помощь, а также сравнивать различные модели интеграции и выявлять лучшие практики. Международная организация по миграции (МОМ) оказывает поддержку Германии в области управления миграцией, в том числе содействует добровольному возвращению мигрантов на родину, а также способствует развитию информационно-просветительской работы и профессиональной подготовки в данной сфере.

Международные организации в кооперации с частными фирмами проявляют интерес к найму просителей убежища и беженцев. Компании, которые намерены подавать пример терпимости и открытости к мигрантам, предлагают им стажировки или обучение, чтобы они могли получить представление о предпринимательской и трудовой этике Германии. 36 крупных международных и транснациональных немецких компаний объединились для содействия интеграции иммигрантов в рамках программы «Мы вместе – интеграционная инициатива немецких экономических компаний», включая *Thyssen Krupp* и *Deutsche Bahn*.

Помимо этого, в управлении интеграцией мигрантов муниципальные власти европейских городов уже давно перестали ограничивать свою деятельность участием в политике центральных правительств и превратились в активных игроков, предлагая собственные стратегии интеграции [Цапенко 2019; Квашинин 2020]. В такой деятельности активно участвуют как крупные мегаполисы ФРГ, включая Кельн, Лейпциг, Берлин, так и малые немецкие города [Schönwälder 2016]. Столица страны стала в 2017 г. организатором четвертого глобального Форума мэров по вопросам мобильности, миграции и развития.

Нельзя недооценивать роль и влияние современных информационно-коммуникационных систем и средств массовой информации на формирование общественного мнения, поскольку СМИ, традиционные и новые, например сетевые паблики (публичные сообщества в социальных сетях), уделяют все больше внимания вопросам миграции и интеграции мигрантов. Благодаря неофициальным источникам информации в социальных сетях мигранты осведомлены о происходящих в стране основных событиях. Проведенное Фондом О. Бреннера исследование показало, что именно немецкие СМИ из

¹⁴ Corona ist ein Rückschlag für die Integration von Flüchtlingen // IG Metall. (<https://www.igmetall.de/politik-und-gesellschaft/gleichstellung-und-integration/migration/corona-rueckschlag-fuer-die-integration-von-fluechtlingen>).

всех стран ЕС особенно активно освещали тему поддержки мигрантов и беженцев, рассматривали феномен миграции прежде всего как национальный вызов¹⁵. Восприятие миграции как проблемы всей страны становится важным фактором успешного принятия и адаптации новых членов.

Заключение

В Германии сложилась многоуровневая система регулирования интеграционной политики, в которой важное место отводится негосударственным акторам. Представители гражданского общества и местные органы власти занимались вопросами интеграции еще до того, как в стране была разработана соответствующая национальная стратегия. Однако негосударственные структуры следует воспринимать лишь как серьезное дополнение государственной политики, подменить которую другие акторы не способны.

Негосударственные акторы, являясь своеобразным коммуникативным мостом между принимающим обществом и мигрантами, пользуются исключительным доверием, в отличие от государства, а значит, располагают более широкой целевой аудиторией; имеют возможность своевременно информировать власти о возникающих проблемах между «старыми» гражданами и новоприбывшими, выявлять точки напряжения и конфликтности. Неформальные участники процесса интеграции зачастую обеспечивают социальные функции, предоставляя помощь в получении образования и доступе к медицинским услугам, оказывая информационную и консультативную поддержку иммигрантам, в том числе будущим, играя посредническую роль в сложной бюрократической процедуре размещения мигрантов, поиска ими жилья и работы. В рамках политической деятельности они защищают права иммигрантов, взаимодействуя с правоохранительными органами, политическими партиями, местными и федеральными властями Германии.

Несмотря на существенный позитивный вклад негосударственных акторов в решение проблем, связанных с иммиграцией, важно принимать во внимание тот факт, что они сами по себе могут служить деструктивным фактором, угрожая стабильности общества. В качестве ключевых негативных факторов, которые препятствуют непосредственному участию общественных объединений в интеграции мигрантов на местах, полному раскрытию их потенциала, выступают такие обстоятельства, как слабая финансовая поддержка государства; непредвиденные глобальные катаклизмы (пандемии), которые создают благоприятные условия для торговли людьми и незаконной транспортировки мигрантов; изменение политической обстановки в стране или в конкретном избирательном округе под влиянием роста популистских и националистических настроений. Таким образом, роль негосударственных акторов часто, но не всегда, позитивна. Однако без этих действующих субъектов многие инициативы государственной политики были бы неэффективны.

Важно подчеркнуть, что официальная политическая линия германского государства нацелена на построение иммиграционного общества и в соответствии с этой парадигмой приветствуется и поддерживается деятельность негосударственных акторов, которые способствуют интеграции мигрантов. Органы власти внимательно оценивают надзорные и экспертные программы, направленные на снижение влияния акторов, преднамеренно подрывающих интеграционный потенциал. Экспертное сопровождение деятельности государства в сфере миграции, мониторинг и контроль работы неправительственных организаций

---

¹⁵ Fengler S. Wie berichten Medien in West- und Osteuropa über Migration und Flucht? Zusammenfassung OBS-Arbeitspapier 39 // EJO. (https://www.otto-brenner-stiftung.de/fileadmin/user_data/stiftung/02_Wissenschaftsportal/02_Infoseiten/AP39/AP39_Kurzfassung_DE.pdf).

и волонтеров со стороны исполнительной и законодательной власти служит основой для оценок, рекомендаций и законодательных инициатив по совершенствованию действующего федерального законодательства. В частности, возможная корректировка касается государственного финансирования и софинансирования деятельности неправительственных организаций и волонтеров, их налогового стимулирования, дальнейшего развития и расширения сотрудничества государства, граждан и неправительственных организаций.

Негосударственные акторы уверенно занимают свое место и в международных отношениях, обеспечивая необходимую платформу, на которой различные субъекты могут сотрудничать на транснациональном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бардин А.Л. (2016) Миграционная проблема в германском научном дискурсе // *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 183–188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.13>

Bardin A.L. (2016) Migratsionnaya problema v germanskom nauchnom diskurse [The Problem of Migration in German Academic Discourse]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 6, pp. 183–188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.13> (In Russ.)

Большова Н.Н. (2009). Институциональные уровни и практики интеграции инокультурных сообществ (на примере ФРГ). Автореферат дис. канд. полит. наук // *МГИМО(У) МИД РФ*. 28 с.

Bol'shova N.N. (2009). Institutsional'nye urovni i praktiki integratsii inokul'turnykh soobshchestv (na primere FRG) [Institutional Levels and Integration Practices of Foreign-Culture Communities (on the Example of Germany)]. Avtoreferat dis. kand. polit. nauk [Dissertation Abstract of the candidate of political sciences]. *МГИМО*. 28 p.

ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран. (2016) Ред.: Н.К. Арбатова, А.М. Кокеев. М.: ИМЭМО РАН. 52 с. <https://doi.org/10.205442/978-5-9535-0462-1>

ES pered vyzovom migratsionnogo krizisa. Pozitsii evropeiskikh stran [The EU in the Face of Migration Crisis. Positions of European Countries] (2016) Ed(s): N.K. Arbatova, A.M. Kokeev. Moscow: IMEMO RAS. 52 p. <https://doi.org/10.205442/978-5-9535-0462-1> (In Russ.)

Кадикина А.А. (2013) Обзор благотворительных фондов (фондов целевого капитала) Германии // *Теория и практика общественного развития*. № 10. С. 366–370.

Kadikina A.A. (2013) Obzor blagotvoritel'nykh fondov (fondov tselevogo kapitala) Germanii [Overview of Charitable Foundations (Endowment Funds)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. No. 10, pp. 366–370. (In Russ.) Квашнин Ю.Д. (2020) Европейские города как акторы миграционной политики // *Современная Европа*. № 7. С. 101–112. <https://doi.org/10.15211/soveurope72020101112>

Kvashnin Yu.D. (2020) Evropeiskie goroda kak aktory migratsionnoi politiki [European Cities as Actors of Migration Policy]. *Sovremennaya Evropa*. No. 7, pp. 101–112. <https://doi.org/10.15211/soveurope72020101112> (In Russ.)

Лебедева М.М. (2013) Акторы современной мировой политики: тренды развития // *Вестник МГИМО-Университета*. № 3 (28). С. 38–42. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-1-28-38-42>

Lebedeva M.M. (2013) Aktory sovremennoi mirovoi politiki: trendy razvitiya [Actors in Contemporary Global Politics: Trends in Development]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 3 (28), pp. 38–42. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-1-28-38-42> (In Russ.)

Лубский А.В., Бедрик А.В., Зайцева А.А. (2017) Диаспора как фактор и субъект интеграции мигрантов в России и Германии: сравнительный анализ научного дискурса // *Социально-гуманитарные знания*. № 11. С. 40–50.

Lubskii A.V., Bedrik A.V., Zaitseva A.A. (2017) Diaspora kak faktor i subiekt integratsii migrantov v Rossii i Germanii: sravnitel'nyi analiz nauchnogo diskursa [Diaspora as a Factor and Subject of Migrant In-

tegration in Russia and Germany: Comparative Analysis of Scientific Discourse]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. No. 11, pp. 40–50. (In Russ.)

Потемкина О.Ю. (2020) Многоуровневое управление миграцией в Европейском союзе // *Современная Европа*. № 2. С. 100–110. <https://doi.org/10.15211/soveurope22020100110>

Potemkina O.Yu. (2020) Mnogourovnevoe upravlenie migratsiei v Evropeiskom soyuze [Multilevel Migration Governance in the European Union]. *Sovremennaya Evropa*. No. 2, pp. 100–110. <https://doi.org/10.15211/soveurope22020100110> (In Russ.)

Прохоренко И.Л. (2017) Диаспоры и диаспоральные «миры». Идентичность: личность, общество, политика / Под ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир. С. 432–440.

Prokhorenko I.L. (2017) Diaspory i diasporal'nye «miry». [Diasporas and Diasporas “Worlds”]. *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika* [Identity: the Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia. Semenenko I.S., ed., Moscow: Ves' mir, pp. 432–440. (In Russ.)

Фомичева О.В. (2010) Становление системы многоуровневого управления международной миграцией: концептуальное и технологическое измерения. Автореферат дис. канд. полит. наук // *Нижгородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*. 34 с.

Fomicheva O.V. (2010) Stanovlenie sistemy mnogourovnevoego upravleniya mezhdunarodnoi migratsiei: kontseptual'noe i tekhnologicheskoe izmereniya [System Formation of Multilevel Governance of International Migration: Conceptual and Technological Dimensions]. Avtoreferat dis. kand. polit. Nauk [Dissertation Abstract of the candidate of political sciences]. N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 34 p. (In Russ.)

Хорольская М.В. (2022) Политика Германии в отношении украинских беженцев // *Современная Европа*. № 7. С. 57–69. DOI: 10.31857/S0201708322070051

Khorol'skaya M.V. (2022) Politika Germanii v otnoshenii ukrainskikh bezhentshev [German Policy towards Ukrainian Refugees]. *Sovremennaya Evropa*. No. 7, pp. 57–69. <https://doi.org/10.31857/S0201708322070051> (In Russ.)

Цапенко И.П. (2019) Перспективные технологии интеграции мигрантов // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 10. С. 97–108. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-10-97-108>

Tsapenko I.P. (2019) Perspektivnyye tekhnologii integratsii migrantov [Promising Practices of Migrant Integration]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63, no. 10, pp. 97–108. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-10-97-108> (In Russ.)

Цапенко И.П. (2020) Интеграция иммиграционных обществ: обновление подходов // *Вестник Российской академии наук*. Т. 90. № 2. С. 148–159. <https://doi.org/10.31857/S0869587320020127>

Tsapenko I.P. (2020) Integration of immigration societies: updating approaches. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 90, no. 2, pp. 148–159. <https://doi.org/10.31857/S0869587320020127> (In Russ.)

Bergfeld M. (2017) Germany's Willkommenskultur: Trade Unions, Refugees and Labour Market Integration. *Global Labour Journal*. No. 8 (1), Ss. 80–89.

Büthe T. (2004) Governance Through Private Authority: Non-State Actors in World Politics. *Journal of International Affairs*. No. 58 (1), pp. 281–290.

Dittmer C., Lorenz D.F. (2019) Disaster Situation and Humanitarian. Emergency – In-Between Responses to the Refugee Crisis in Germany. *International Migration*. No. 59 (3), Ss. 96–112.

Halm D. (2015) Potenzial von Migrantenorganisationen als integrationspolitische Akteure. *IMIS-Beiträge*. No. 20 (47), S. 43.

Hooghe L., Marks G. (2001) Multi-Level Governance and European Integration. Lanham, Rowman and Littlefield Publishers. 272 p.

Penninx R., Kraal K., Martiniello M., Vertovec S., eds. (2004) Citizenship in European Cities: Immigrants, Local Politics and Integration Policies. Aldershot: Ashgate. 184 p.

Priller E., Zimmer A. (2001). Wachstum und Wandel des Dritten Sektors in Deutschland // In: Der Dritte Sektor international: Mehr Markt – weniger Staat? Ed.: E. Priller, A. Zimmer. Edition Sigma. Pp. 199–228.

Scholten P. (2018) Beyond Migrant Integration Policies: Rethinking Urban Governance of Migration-Related Diversity. *Hrvatska i Komparativna Javna Uprava*. No. 18 (1), pp. 7–30.

Scholten P., Penninx R. (2016) The Multilevel Governance of Migration and Integration // In: *Integration Processes and Policies in Europe*. Ed.: B. Garcés-Mascareñas, R. Penninx. Springer Cham. Pp. 91–108.

Schönwälder K. (2016) Diversity and Contact: Immigration and Social Interaction in German Cities. Basingstoke, Palgrave Macmillan. 315 p.

Информация об авторе

Матюхова Елизавета Игоревна, младший научный сотрудник Отдела международно-политических проблем Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23. E-mail: lizamat@imemo.ru

About the author

Matiukhova Elizaveta I., Junior Research Fellow, Department of International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). Address: 117997, 23, Profsoyuznaya Street, Moscow, Russia. E-mail: lizamat@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 16.06.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 04.08.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 09.04.2024

Оригинальная статья / Original article

Специфика партийно-политической системы Уэльса на современном этапе

© Т.В. НАЗРУК

Назарук Татьяна Валерьевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), nazaruct@mail.ru. ORCID: 0000-0003-0819-8122

Представлен анализ развития современной партийно-политической системы Уэльса. Охарактеризованы отношения между Уэльсом и Вестминстером в контексте брекзита как одного из самых значимых событий в новейшей истории Соединенного Королевства. Обозначены политические и социально-экономические последствия брекзита для Уэльса. Изучено их влияние на программу и риторику валлийских партий, а также на роль в политической системе – в первую очередь валлийской националистической партии Плайд Камри. Выявлены другие факторы, в соответствии с которыми были сформированы новые тренды в политическом развитии региона. Проблема рассмотрена в ретроспективе, что позволяет оценить воздействие исторических событий и процессов на современное состояние партийной системы Уэльса. Для понимания контекста также исследовано влияние брекзита на Уэльс в сравнении с другими регионами Соединенного Королевства. Сделан вывод, что в регионе (а также в Шотландии и Северной Ирландии) в результате брекзита усилились тенденции к обособлению от центра, которые укрепились в ходе деволуции. Перед центральной властью стоит вопрос о перспективах отделения регионов, что обостряет политическую дискуссию в Британии. Сложившаяся ситуация в очередной раз демонстрирует сложность и противоречивость британской партийно-политической системы.

Ключевые слова: Британия, партийно-политическая система, региональные партии, Плайд Камри, брекзит, деволуция

Цитирование: Назарук Т.В. (2024) Специфика партийно-политической системы Уэльса на современном этапе // Общественные науки и современность. № 2. С. 134–147. DOI: 10.31857/S0869049924020108, EDN: zmatgc

The Specifics of the Party-political System of Wales at the Present Stage

© T. NAZARUK

Tatiana V. Nazaruk, HSE University (Moscow, Russia), nazaruct@mail.ru. ORCID: 0000-0003-0819-8122

Abstract. The development of the political party system in Wales is analyzed. The relationship between Wales and Westminster is characterized in the context of Brexit – one of the most significant events in the contemporary history of the United Kingdom. Political and socio-economic consequences of Brexit for Wales are outlined. Their significance for the changes in the programs and rhetoric of Welsh parties, as well as their role in the political system (primarily in the Welsh nationalist party Plaid Cymru) are determined. Other factors that contributed to the formation of new trends in the political development of the region are specified. The problem is studied in retrospect, which makes it possible to understand how historical events and processes have influenced the current state of the Welsh party system. Due to the importance of understanding the context, the impact of Brexit on Wales in comparison with other regions of the United Kingdom was also analyzed. It is concluded that due to Brexit tendencies towards federalism, which were launched in the process of devolution, intensified in the region (independence in the case of Scotland and the border poll in Northern Ireland). For Westminster, the issue of the growing prospects of secession of the regions has been actualized, which escalates the political discussion in Britain. This once again demonstrates the complexity and inconsistency of the British party-political system and increases the importance of the regional agenda for London.

Keywords: Britain, party-political system, regional parties, Plaid Cymru, Brexit, devolution

Citation: Nazaruk T.V. (2024) The Specifics of the Party-political System of Wales at the Present Stage. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 134–147. DOI: 10.31857/S0869049924020108, EDN: zmatgc (In Russ.)

Британская партийно-политическая модель опирается на ряд принципов, которые обеспечивают ее стабильность. Среди них – механизмы сдержек и противовесов между ветвями власти, суверенитет парламента, двухпартийность и проведение выборов по мажоритарной системе, в соответствии с которой побеждают кандидаты, набравшие относительное большинство голосов в своем избирательном округе. Такой порядок фактически обеспечивает двухпартийность, сильно ограничивая возможности третьих и малых партий. Однако региональные партии имеют некоторое преимущество, по сравнению с общенациональными: им проще преодолеть издержки мажоритарной системы благодаря географической концентрации электората. Данной проблематике посвящены отдельные работы российского исследователя Ал.А. Громыко [Громыко 2007], [Великобритания: эпоха реформ... 2007].

Таким образом, региональные партии занимают важное место в партийной системе Соединенного Королевства и значительно влияют на политическую повестку дня в стране. Их особая роль во многом обусловлена спецификой государственного устройства Британии. В последние десятилетия государство активно практикует децентрализацию, передавая новые полномочия своим регионам. В последних одновременно все большую популярность набирают идеи национализма и сепаратизма, что усложняет отношения между центром и провинциями.

Начатая в конце 1990-х гг. деволюция должна была сгладить эти тенденции, провинции получили возможность раскрыть свой внутренний потенциал в национальных органах власти, которые были созданы в Уэльсе, Шотландии и Северной Ирландии. Однако система взаимодействия между центром и регионами демонстрирует неустойчивость при столкновении с серьезными проблемами, как, например, финансовый кризис 2007 г. На его фоне проявились идеологические и политические расхождения между Вестминстером и автономиями, которые обвиняли Лондон в том, что его антикризисная политика не учитывает интересы населения в провинциях и бьет по системе социального обеспечения из-за сокращения государственных расходов [McKinnion 2015].

Брекзит также стал точкой бифуркации этих противоречий, обострив политическую дискуссию в провинциях. На референдуме 2016 г. большая часть британцев проголосовала за выход Великобритании из ЕС, в том числе в Уэльсе. Вместе с тем в Шотландии 62%, а в Северной Ирландии 58% избирателей высказались за сохранение членства Соединенного Королевства в ЕС¹. Данный факт во многом обусловил специфику современного общественно-политического развития регионов Британии.

Методология статьи основана на принципе историзма. С помощью историко-сравнительного метода сопоставлены итоги выборов и политическая ситуация в регионах Соединенного Королевства. Историко-генетический метод позволил показать причинно-следственные связи между событиями и явлениями в общественно-политической жизни Уэльса.

Основные тенденции в развитии партийно-политических систем в Шотландии и Северной Ирландии

Чтобы проанализировать трансформацию партийно-политической системы Уэльса, необходимо рассмотреть некоторые аспекты развития других национальных регионов Соединенного Королевства – Шотландии и Северной Ирландии.

В результате брексита в Северной Ирландии обострились противоречия между юнионистскими и националистическими силами, которые после подписания Соглашения Страстной пятницы 1998 г. сосуществовали в относительном мире на основе принципов консociальной демократии. Политическая обстановка во многом усложнилась из-за новых правил таможенного контроля в регионе. В рамках Соглашения о выходе Великобритании из ЕС был принят Североирландский протокол, по которому граница между Северной Ирландией и Республикой Ирландия оставалась свободной от таможенных проверок. Товары, которые пересекают границу между основной территорией Великобритании и Северной Ирландией, напротив, стали проверять, чтобы обеспечить безопасность единого рынка ЕС (фактически регион оставался в Таможенном союзе ЕС). Абсурдная ситуация полностью противоречила интересам Демократической юнионистской партии (ДЮП), которая отстаивает сохранение Северной Ирландии в составе Соединенного Королевства и территориальную целостность страны².

Проблему решало Соглашение между Великобританией и ЕС (Виндзорские рамки), подписанное в 2023 г. Документ создает два разных коридора для движения товаров.

¹ Results and turnout at the EU referendum. The Electoral Commission. 25.09.2019. (<https://www.electoralcommission.org.uk/who-we-are-and-what-we-do/elections-and-referendums/past-elections-and-referendums/eu-referendum/results-and-turnout-eu-referendum>).

² Protocol on Ireland/Northern Ireland. GOV.UK. (https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/840230/Revised_Protocol_to_the_Withdrawal_Agreement.pdf).

Предназначенные для Северной Ирландии грузы будут поступать в регион по «зеленому» коридору без проверок, для ЕС – по «красному»³. Однако в ДЮП продолжали критиковать политику центра по этому вопросу⁴. Положение партии сильно подорвало ее поражение на выборах в Ассамблею в 2022 г. На них впервые за свою 116-летнюю историю одержал победу главный идеологический противник ДЮП – партия Шинн Фейн⁵. Учитывая также, что в Ассамблее преобладают сторонники Североирландского Протокола (53 депутата против 37) [Бабынина 2022], в регионе стал заметен общий тренд на принятие установленных Виндзорскими рамками таможенных правил. Более того, победа Шинн Фейн указывает на то, что в регионе формируется новая модель управления, при которой население больше не воспринимает ДЮП как единственную политическую силу, которая может обеспечить политическую стабильность в регионе. Также, как указывал российский исследователь О.В. Охошин, в 2023 г. активизировала террористическую деятельность «Новая» Ирландская республиканская армия (ИРА), которая ставит перед собой цель низложить британскую власть в регионе. Центральное правительство «повысило уровень террористической угрозы в регионе до четвертого (по пятибалльной шкале)» [Охошин 2023].

Изложенные факты говорят о существенном росте национализма в регионе. Согласно опросу, проведенному компанией Ipsos-MORI в конце 2022 г., 50% опрошенных жителей Северной Ирландии на потенциальном референдуме об объединении региона с Республикой Ирландия проголосовали бы за сохранение региона в составе Соединенного Королевства. В то же время большая доля неопределившихся (18%), которая включает в себя 13% протестантов⁶, традиционно поддерживающих идею сохранения региона в составе Британии, говорит о том, что поддержка объединения может возрасти. В феврале 2024 г. ДЮП после новых уступок Лондона по регулированию таможенной границы согласилась сформировать правительство региона с Мишель О'Нил, лидером Шинн Фейн, в качестве Первого министра.

В Шотландии политическая ситуация после брекзита обострилась из-за целого ряда факторов. Шотландской национальной партии (ШНП), популярность и влияние которой последние годы росли как на региональном, так и на общенациональном уровнях [Еремينا 2020], в условиях постбрекзита стало сложнее спекулировать на теме независимости, что было основой их успеха до брекзита. Согласно опросу Ipsos MORI (декабрь 2022 г.), 56% шотландцев на потенциальном референдуме о независимости региона проголосовали бы «за», а 44% – «против». По сравнению с аналогичным опросом в мае 2022 г. доля сторонников независимости возросла на 6%⁷. Однако, как указывает российский исследователь Е.В. Ананьева, законопроект о гендерной реформе⁸ напрямую повлиял на спад интереса шотландцев к идее независимости: «С декабря 2022 г. по февраль 2023 г.

³ Northern Ireland Protocol: The Windsor Framework. House of Commons Library 21.03.2023. (<https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9736/>).

⁴ DUP leader faces stark and binary choice over any NI protocol deal. The Guardian. 27.02.2023. (<https://www.theguardian.com/uk-news/2023/feb/27/dup-leader-faces-stark-and-binary-choice-over-any-ni-protocol-deal>).

⁵ Northern Ireland Assembly Elections: 2022. House of Commons Library. 18.05.2022. (<https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9549/>).

⁶ Northern Ireland rejects Irish unity by large margin, poll shows. The Irish Times. 3.12.2022. (<https://www.irishtimes.com/ireland/2022/12/03/poll-shows-northern-ireland-rejects-unity-by-large-margin/>).

⁷ Yes pulls ahead and SNP strengthens support. IPSOS. 07.12.2022. (<https://www.ipsos.com/en-uk/yes-pulls-ahead-and-snp-strengthens-support>).

⁸ Законопроект значительно упрощал получение сертификата о смене пола, в частности, возрастной порог был снижен с 18 до 16 лет, а также отменялась необходимость получения медицинского заключения.

доля сторонников отделения региона от Соединенного Королевства снизилась с 50 до 47,1%» [Ананьева 2023].

В 2022 г. ситуация усложнилась из-за экономического кризиса. В 2021–2022 финансовом году дефицит бюджета Шотландии составил 12,3% валового регионального продукта (ВРП, 23,7 млрд ф. ст.). В остальной Великобритании дефицит был значительно ниже – 6,1%⁹. По мнению Е.В. Ананьевой, «приоритетность независимости в политике ШНП привела к проблемам в социально-экономическом развитии региона» [Ананьева 2023].

В то же время общественное мнение в Шотландии по вопросу независимости постоянно колеблется в зависимости от экономических и политических кризисов, а также отдельных кризисных явлений. В 2022 г. – начале 2023 г. показатель варьировался от 46 до 54% – то есть находился на достаточно высоком уровне¹⁰. Соответственно, значительного спада интереса шотландцев к идее независимости пока не наблюдается.

Апогеем политической турбулентности в провинции стал внутривнутрипартийный кризис на фоне махинаций с партийной казной. В результате Н. Стерджен подала в отставку с поста лидера ШНП и Первого министра Шотландии в феврале 2023 г. Ее преемником стал Х. Юсаф из фракции ШНП, которая выступает против того, чтобы считать голоса за ШНП на будущих всеобщих выборах фактическим результатом референдума о независимости. Такую позицию продвигала Н. Стерджен¹¹. В то же время Х. Юсаф призывал активизировать дискуссию о 35-ой статье Акта о Шотландии, которая ограничивает законодательные полномочия Шотландского парламента в вопросе гендерной реформы¹². Таким образом новый лидер партии делал акцент на системных вопросах, отдаляясь от постоянных спекуляций на теме референдума.

Отказ нового руководства от идеи считать результаты ШНП на предстоящих не позднее января 2025 г. выборах в парламент Британии итогами референдума о независимости Шотландии – заявка на большие перемены в стратегии партии на фоне меняющейся конъюнктуры.

Основные черты партийно-политической системы Уэльса

Партийно-политическая система в Уэльсе принципиально отличается от систем Шотландии и Северной Ирландии.

Во-первых, в руководстве Уэльса традиционно доминирует региональное отделение общенациональной Лейбористской партии – в отличие от Шотландии и Северной Ирландии, где у власти находятся региональные партии. Националистическая партия Плайд Камри традиционно показывает второй-третий результат на выборах в Сенедд (парламент Уэльса)¹³. Кроме того, несмотря на свою сепаратистскую позицию, данная партия в раз-

⁹ Government Expenditure & Revenue Scotland 2021–22. Scottish Government. 24.08.2022. ([https://www.gov.scot/news/government-expenditure-revenue-scotland-2021-22/#:~:text=Net%20Fiscal%20Balance%202021%2D22&text=Was%20a%20deficit%20of%2012.3,of%20GDP%20\(%C2%A327.2%20billion\)](https://www.gov.scot/news/government-expenditure-revenue-scotland-2021-22/#:~:text=Net%20Fiscal%20Balance%202021%2D22&text=Was%20a%20deficit%20of%2012.3,of%20GDP%20(%C2%A327.2%20billion))).

¹⁰ Scottish Independence Poll. Politics.-co.uk. 08.07.2023. (<https://www.politics.co.uk/reference/scottish-independence-polls/>).

¹¹ Humza Yousaf: I am concerned at using general election as de facto IndyRef2. The Independent. 20.02.2023. (<https://www.independent.co.uk/news/uk/humza-yousaf-nicola-sturgeon-first-minister-clydebank-health-secretary-b2285829.html>).

¹² Ibid.

¹³ Number of seats won in Welsh Parliament (Senedd Cymru) elections from 1999 to 2021, by party. Statista. 2023. (<https://www.statista.com/statistics/283894/welsh-parliament-election-results/>).

ных форматах сотрудничает с лейбористами, которые никогда не получали абсолютного большинства в Сенедде и были вынуждены взаимодействовать с оппозицией.

Во-вторых, после принятия Акта о законах Уэльса в 1535 г. и «Акт о союзе» в 1542 г. Англия и Уэльс формально имели общую правовую систему. Данный фактор определил специфику развития деволюции в регионе. Вестминстер неохотно отдавал Уэльсу контроль над законодательством. Соответственно, в отличие от Эдинбурга и Белфаста, Кардифф довольно долго имел ограниченные законодательные полномочия – особенно в вопросах деятельности региональной полиции, которая находится под контролем Лондона [Jones, Harrison, Jones 2023].

В развитии партийно-политической системы Уэльса в условиях деволюции важнейшую роль сыграли выборы в валлийский парламент 2007 г. Одним из главных тезисов предвыборной программы Плайд Камри было требование провести референдум о предоставлении региону полных законодательских полномочий в двадцати сферах, которые находились под его юрисдикцией¹⁴. По итогам голосования лейбористы, получившие 26 мест, и Плайд Камри, получившая 15 из 60 мест в парламенте Уэльса, сформировали коалицию – в первый и пока единственный раз с основания регионального парламента¹⁵. Лейбористы таким образом фактически обеспечили себе абсолютное большинство. Для Плайд Камри коалиция с лейбористами стала возможностью добиться проведения референдума о независимости и получить на нем положительный результат. Конечно, так Плайд Камри рисковала потерять поддержку наиболее радикально настроенного электората [McAngus 2013]. Однако в оппозиции партия не имела бы шансов добиваться рассмотрения своих инициатив в парламенте.

После принятия Акта об Управлении Уэльсом в 2007 г. учрежденная в 1999 г. Национальная ассамблея Уэльса (переименованная в 2020 г. в Сенедд) юридически получила ограниченные законодательные полномочия по результатам референдума 2011 г., на котором 63,5% валлийцев проголосовали «за»¹⁶. Сенедд получил право принимать законодательные акты в ряде областей (здравоохранение, транспорт и сельское хозяйство) без консультаций с Вестминстером. Таким образом, решение националистов войти в коалицию с политическими соперниками оправдало себя.

В то же время вопросы обороны и безопасности, а также внешней и макроэкономической политики остаются компетенцией британского правительства. Более того, Генеральный прокурор Англии и Уэльса или Генеральный прокурор Уэльса могут передать принятый Сенеддом законопроект в Верховный суд Великобритании, если они считают, что документ выходит за рамки законодательной компетенции валлийского парламента¹⁷. Данная норма ограничивает региональные власти в ситуации, когда они желают принять решение, противоречащее позиции Лондона. В качестве примера можно привести Шотландию, где повторному референдуму о независимости воспрепятствовал именно Верховный суд. Он отклонил требование Н. Стерджен признать за Шотландией право снова провести плебисцит. Стерджен ссылалась тогда на то, что в законодательстве о деволюции нет указания на наличие или отсутствие у национальных властей

¹⁴ Plaid Cymru National Assembly Election Manifesto 2007 – Make A Difference. Election Manifestos in Wales. 2021. (<https://manifesto.deryn.co.uk/wp-content/uploads/2021/04/Plaid-2007-Manifesto.pdf>).

¹⁵ 2007 Assembly Election Results. 2007. (<https://senedd.wales/media/nxnn2sz4/07-069-english.pdf>).

¹⁶ Results of the National Assembly for Wales Referendum 2011. National Assembly for Wales. 2011. (<https://senedd.wales/media/gclkwa5f/11-017-english.pdf>).

¹⁷ Law making in Wales. Welsh Government. 15.03.2021. (<https://law.gov.wales/constitution-and-government/law-making-wales>).

права на референдум по указанному вопросу, поэтому отрицательные решения Лондона юридически не обоснованы¹⁸.

Факторы развития современной партийно-политической системы Уэльса

Референдум о членстве Британии в ЕС также продемонстрировал особенное положение Уэльса. В отличие от Шотландии и Северной Ирландии, в Уэльсе большинство избирателей проголосовало за выход Британии из ЕС¹⁹. Соответственно, в Уэльсе вопрос о брекзите не стал острым моментом в политической дискуссии. В то же время Плайд Камри использовала брекзит как дополнительный аргумент в пропаганде идеи отделения от Соединенного Королевства. В 2019 г. лидер партии А. Прайс заявил, что главная цель Плайд Камри – добиться независимости к 2030 г.²⁰. Цель была отражена в манифесте партии 2021 г., где также указано, что в долгосрочные планы партии входит референдум о присоединении к ЕС, который должен пройти после обретения независимости²¹.

На первых после брекзита региональных выборах в 2021 г. Плайд Камри получила 13 мест в Сенедде, тори и лейбористы – по 16 и 30 соответственно. Лейбористы снова не смогли достичь абсолютного большинства [*Pilling 2021*]. Плайд Камри и Лейбористская партия договорились о сотрудничестве, но уже не в формате коалиции, а на основе Соглашения, которое стало новой формой сотрудничества двух партий и лейбористов с оппозицией вообще²².

Согласно документу, представители Плайд Камри не вошли в состав правительства провинции, однако получили возможность назначать специальных советников, которые могли участвовать в обсуждении вопросов повестки дня²³. Представители Плайд Камри не входят в правительство полноценно, но участвуют в дискуссиях и влияют на политический дискурс в Уэльсе, что крайне важно для поддержания активности партии в медиапространстве. Данный вариант сотрудничества более уместен для обеих партий. Он позволяет валлийским лейбористам продвигать свои законопроекты, де-факто имея квалифицированное большинство в Сенедде. Для Плайд Камри соглашение – возможность избежать формальной роли «младшего партнера», в то же время претворяя в жизнь положения своего манифеста при поддержке лейбористов [*Larner, Wyn Jones, Poole, Surridge, Wincott 2022*], что можно считать успехом для валлийских националистов.

¹⁸ Supreme court rules against Scottish parliament holding new independence referendum. The Guardian. 23.11.2022. (<https://www.theguardian.com/politics/2022/nov/23/scottish-independence-supreme-court-scottish-parliament-second-referendum-indyref2>).

¹⁹ EU referendum results by region: Wales. The Electoral Commission. 25.09.2019. (<https://www.electoralcommission.org.uk/who-we-are-and-what-we-do/elections-and-referendums/past-elections-and-referendums/eu-referendum/results-and-turnout-eu-referendum/eu-referendum-results-region-wales>).

²⁰ Plaid Cymru says Wales can be cradle of a global green revolution. The Guardian. 22.11.2019. (<https://www.theguardian.com/politics/2019/nov/22/plaid-cymru-says-wales-can-be-cradle-of-a-global-green-revolution>).

²¹ Senedd Election Manifesto 2021. Let Us Face the Future Together. (https://d3n8a8pro7vhm.cloudfront.net/plaid2016/pages/10962/attachments/original/1618308502/Plaid_Cymru_Manifesto_2021_ENGLISH.pdf?1618308502).

²² What is the Labour and Plaid Cymru co-operation agreement? And what does it mean for Wales? ITV. 16.03.2022. (<https://www.itv.com/news/wales/2022-03-16/what-exactly-is-the-labour-and-plaid-cymru-co-operation-agreement>).

²³ The Co-operation Agreement 2021. Welsh Government. 2021. (<https://www.gov.wales/sites/default/files/publications/2021-11/cooperation-agreement-2021.pdf>).

Профессор Кардиффского университета Л. Маккалистер указывает, что для Плайд Камри результаты выборов 2021 г. – «плацдарм на пути к власти»²⁴. Данная радикальная точка зрения кажется более реалистичной в условиях роста поддержки идеи независимости среди населения. Согласно опросу 2022 г., за нее выступают 30% населения Уэльса²⁵, что на 8% выше по сравнению с показателем января 2021 г.²⁶. Самый высокий уровень поддержки независимости Уэльса за всю историю наблюдений зафиксировали в апреле 2021 г. (42%), что говорит о значительных изменениях в общественном мнении по вопросу о статусе региона²⁷. Следует отметить, что в течение многих лет поддержка независимости Уэльса колебалась на уровне около 10%²⁸.

Интересно также обратить внимание на данные опросов о национальной самоидентификации жителей Уэльса. Исследование британского Агентства национальной статистики от 2021 г. показало, что валлийцами себя считают 55,2% опрошенных (на 2,3% ниже, чем в 2011 г.), а британцами – 18,5% (на 1,6% больше, чем в 2011 г.)²⁹. Однако аналогичный опрос британской социологической и маркетинговой компании YouGov, проведенный в том же году, показал, что валлийцами себя считают 45% жителей Уэльса, британцами – 41%. Более того, 44% респондентов высказались за то, чтобы снова вступить в ЕС (из них 12% в 2016 г. проголосовали за выход из объединения), и только 38% – против³⁰.

Результаты опросов зачастую не показывают объективную картину, они не всегда достоверны и в целом динамичны, поэтому данные так разнятся от источника к источнику. Тем не менее, учитывая, что Уэльс проголосовал на референдуме за выход из ЕС, приведенные данные говорят о том, что выход из объединения оказался болезненным для региона, и кризисные последствия брекзита заставили часть евроскептиков изменить свою позицию. Однако на значительный рост популярности идеи независимости повлиял не только выход Великобритании из ЕС.

Во-первых, в Уэльсе растет численность молодых избирателей, социализация которых прошла в условиях деволуции. Молодое поколение не застало широкую социальную политику, которую правительство Великобритании проводило во второй половине XX в.³¹. Молодежь не видит экономических причин для региона оставаться частью Соединенного Королевства.

Во-вторых, пандемия коронавируса показала, что центральная власть не всегда способна решать возникающие проблемы, особенно в условиях неопределенности. Ситуация

²⁴ Welsh Labour and Plaid Cymru to cooperate on almost 50 policy areas. The Guardian. 22.11.2021. (<https://www.theguardian.com/uk-news/2021/nov/22/welsh-labour-and-plaid-cymru-to-cooperate-on-almost-50-policy-areas>).

²⁵ Hayward W. Support for Welsh independence is growing – people are fed up with being forgotten. The Guardian. 30.08.2022. (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/aug/30/support-welsh-independence-growing-scotland-uk>).

²⁶ Poll reveals highest support for Welsh independence ever recorded. ITV. 04.03.2021. (<https://www.itv.com/news/wales/2021-03-04/poll-reveals-highest-support-for-welsh-independence-ever-recorded>).

²⁷ Savanta ComRes Wales Voting Intention. Savanta. 29.04.2021. (https://savanta.com/wp-content/uploads/2022/12/Final_38028217-Wales-Poll-20210429_Private.pdf).

²⁸ Highest ever support for Welsh independence, new poll shows. The Independent. 04.03.2021. (<https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/welsh-independence-uk-highest-support-b1812241.html>).

²⁹ National identity, England and Wales: Census 2021. Office for National Statistics. 29.11.2022. (<https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/ethnicity/bulletins/nationalidentityenglandandwales/census2021>).

³⁰ Poll finds that Wales would vote to rejoin the European Union. ITV. 21.01.2021. (<https://www.itv.com/news/wales/2021-01-20/poll-finds-that-wales-would-vote-to-rejoin-the-european-union>).

³¹ Welsh nationalism on the rise as young people back independence. The Telegraph. 29.01.2021. (<https://web.archive.org/web/20210202123019/https://www.telegraph.co.uk/news/2021/01/29/welsh-nationalism-rise-young-people-back-independence/>).

продемонстрировала, что в регионе необходимо выстраивать эффективное управление, в том числе в части самостоятельного принятия решения. Лондон, в свою очередь, не спешит делать дальнейшие шаги в рамках деволюции, так что выбор населения в пользу независимости вполне объясним³².

В этом контексте отдельного внимания заслуживает созданное в 2014 г. движение Yes Cymru («Да Камри»), которое основали сторонники независимости Уэльса И. ап Роберт, С. Джоббинс и Х. Гвинфор. Активистов вдохновила кампания ШНП в Шотландии в преддверии референдума о независимости в 2014 г.³³. Резкий рост численности сторонников движения пришелся на весну 2020 г., когда во время локдауна британское правительство отказалось оказать финансовую поддержку валлийским предприятиям и работникам на время остановки работы. Тогда организация заявила, что членство в Yes Cymru увеличилось с 2,5 тыс. до 5 тыс. человек всего за два месяца. В январе 2021 г. в движении участвовали уже 17 тыс. человек³⁴, что сделало Yes Cymru второй по численности политической организацией в Уэльсе после Лейбористской партии [Wyn Jones, Lerner 2021]. В перспективе данный факт может повлиять на рост популярности Плайд Камри как главной политической силы, отстаивающей идеи национализма в регионе. Если лидеры «Да Камри» решат преобразовать движение в политическую партию, в Уэльсе может появиться серьезный конкурент Плайд Камри.

Стоит отметить, что та часть населения, которая стала поддерживать идею независимости после брекзита, делает это не по идеологическим, а скорее по практическим причинам. Они указывают, что Лондон не слышит Уэльс и не учитывает экономические интересы региона при принятии решений. В частности, консерваторы не выполняют данное в 2019 г. в предвыборном манифесте обещание компенсировать провинциям Британии отсутствие финансирования от ЕС. Как следствие, общий дефицит бюджета Уэльса из-за отсутствия финансирования ЕС составляет более 1,1 млрд ф. ст. [Evans 2022]. Учитывая, что реальный ВРП Уэльса и до брекзита был самым низким среди провинций Великобритании, выход из ЕС нанес серьезный удар по экономике региона³⁵. Утрата доступа к средствам социальных, восстановительных и исследовательских фондов Европейского союза подорвала политику правительства Уэльса по достижению равенства [Parken 2022].

Выход Британии из ЕС также сказался на экспорте валлийских товаров в страны союза. В 2016 г., до выхода Британии из объединения, 66,9% произведенных в Уэльсе товаров шли на экспорт в страны ЕС³⁶, в 2018 г. – 61,2%³⁷, в 2022 г. – 56,5%³⁸. Доля европейского

³² Highest ever support for Welsh independence, new poll shows. The Independent. 04.03.2021. (<https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/welsh-independence-uk-highest-support-b1812241.html>).

³³ В 2014 г. ШНП инициировала референдум о независимости Шотландии, на котором недостаточные, но внушительные 44,7% высказались за отделение региона от Соединенного Королевства, что способствовало подъему националистических сил в других регионах.

³⁴ Westminster seen as 'increasingly Anglocentric' says Labour Senedd member. Nation Cymru. 14.01.2021. (<https://nation.cymru/news/westminster-seen-as-increasingly-anglocentric-says-labour-senedd-member/>).

³⁵ The UK economy has two regional problems, not one. Financial Times. 05.03.2023. (<https://www.ft.com/content/5b1c5cc4-6961-4bbc-9132-ac6472796395>).

³⁶ Welsh exports 2016. Welsh Government services and information. Welsh Government. 20.04.2017. (<https://www.gov.wales/sites/default/files/statistics-and-research/2019-04/welsh-exports-2016.pdf>).

³⁷ Welsh exports: 2018. Welsh Government services and information. Welsh Government. 7.03.2019. (<https://www.gov.wales/welsh-exports-2018>).

³⁸ Welsh international goods trade: 2022. Welsh Government services and information. Welsh Government. 5.04.2023. (<https://www.gov.wales/welsh-international-goods-trade-2022-html>).

рынка в валлийском экспорте снижается, но продолжает оставаться значительной. Однако тенденция на снижение явно продолжится, что негативно скажется на доходах Уэльса. По оценкам правительства региона, соглашения о свободной торговле с другими странами, которые планирует подписать Великобритания, вряд ли компенсируют Уэльсу утрату доступа к единому рынку ЕС³⁹.

Таким образом, рост национализма в Уэльсе весьма обоснован и не случаен. Более того, он вполне вписывается в тенденцию, установившуюся в Северной Ирландии, где набирает силу националистическая Шинн Фейн.

Казалось бы, для Лондона растущий уровень сепаратизма в Уэльсе должен был стать поводом передать региону еще больше полномочий, чтобы удовлетворить запрос населения и избежать дальнейшего развития сепаратистских настроений. Тем не менее Вестминстер, напротив, взял курс на централизацию власти. В 2020 г. был принят закон о внутреннем рынке, по которому товары и услуги, разрешенные к продаже или импорту в любую часть Великобритании, могут продаваться и в Уэльсе независимо от того, соответствуют ли эти товары и услуги валлийскому законодательству (с некоторыми исключениями)⁴⁰. Таким образом, центральное правительство нарушает право автономий самостоятельно регулировать сферу торговли в регионе.

Важно отметить, что одновременно с ростом поддержки независимости увеличивается и численность сторонников ускорения деволюции в рамках Соединенного Королевства [Wyn Jones, Larner 2021]. Недалековидная политика Лондона может привести к тому, что эта часть населения, неудовлетворенная политикой центра, пополнит ряды сторонников идеи независимости.

Новой тенденцией после брекзита стало усиление в рядах валлийских лейбористов фракции, которая выступает за независимость Уэльса [Bradbury 2021]. В 2020 г. фракция приняла свой устав, а в 2021 г. – избрала членов Исполнительного комитета⁴¹, что говорит о серьезном расколе в стане лейбористов Уэльса. Также показательно, что на выборах в Сенедд в 2021 г. в списке кандидатов от лейбористов впервые значились в том числе сторонники идеи независимости. Таким образом, отделение региона от Соединенного Королевства получило в рассматриваемый период значительное количество сторонников, что обеспечивает рост приверженцев идеи независимости. Возможна также фрагментация партийной системы в Уэльсе в случае, если раскол будет становиться более явным, что может привести к созданию новой политической партии, которая будет объединять в себе как левые, так и националистические идеи.

По мнению британского политического обозревателя левых взглядов А. Бастани, меняющиеся взгляды на независимость среди лейбористов отражают не мнение меньшинства, а более широкие изменения в электоральной базе партии⁴². Опрос 2020 г. показал, что более половины сторонников лейбористов в 2019 г. (за вычетом неопределившихся) выступали за отделение от Соединенного Королевства. Более того, 66% сторонников валлийских лейбористов согласились с тем, что Сенедд, а не Вестминстер, должен иметь юридическое право назначать референдум, а даже среди избирателей националистиче-

³⁹ The impact of the EU transition on trade in Wales. Welsh Local Government Association. 2020. (<https://www.wlga.wales/SharedFiles/Download.aspx?pageid=62&mid=665&fileid=2884>).

⁴⁰ The UK Internal Market Act 2020: what difference is it making? Welsh Parliament. 24.03.2022. (<https://research.senedd.wales/research-articles/the-uk-internal-market-act-2020-what-difference-is-it-making/>).

⁴¹ Labour for an Independent Wales. 2022. (<https://www.lab4indy.wales/about>).

⁴² Bastani A. Could Labour Lead Wales to Independence? Novara Media. 06.10.2021. (<https://novaramedia.com/2021/10/06/could-the-labour-party-lead-wales-to-independence/>).

ской Плайд Камри показатель ниже – 59%⁴³. Население Уэльса все больше объединяется вокруг идеи о независимости, что требует соответствующего ответа от лейбористов, иначе они рискуют потерять голоса избирателей – своих сторонников.

В то же время в Уэльсе существует ряд факторов, которые сдерживают сепаратизм. Так, 50% населения Уэльса проживает в пределах 40 км от Англии, и уровень интеграции населения Уэльса в социально-экономическую жизнь соседнего региона очень высок, так же как и взаимозависимость Лондона и Кардиффа⁴⁴. Ситуация отличается от Шотландии и Северной Ирландии, географическое расположение которых не выступает сдерживающим фактором, а в случае с Северной Ирландией и вовсе стало важнейшим и основополагающим стимулом роста национализма.

Полноценно оценить перспективы отделения региона невозможно. Однако сами по себе дебаты по этому вопросу имеют важное значение для Уэльса – в первую очередь в качестве инструмента давления на Лондон, а также отстаивания экономических интересов региона и культурной самобытности. Соответственно, Плайд Камри играет важную роль в политической системе Уэльса.

Роль Плайд Камри в партийной системе Уэльса

При всей радикальности программы Плайд Камри своим сотрудничеством с лейбористами поддерживает своего рода систему сдержек и противовесов в регионе. Уэльс уравновешивает центробежные тенденции, которые развиваются в регионах, и стабилизирует политическую систему в стране. Занимая такую позицию, Плайд Камри пытается найти баланс между националистическим сепаратистским вектором в своей политике и объективной реальностью, в которой у партии относительно низок уровень поддержки среди избирателей. Слишком жесткая и бескомпромиссная позиция в таком положении грозит маргинализацией партии. Партнерство с лейбористами дает ей возможность эффективнее исполнять роль партии оппозиционного давления и принимать активное участие в политической жизни страны, а также использовать больше инструментов и пространства для лоббирования положений своей программы.

В то же время вполне возможно, что популярность Плайд Камри возрастет: экономические потери региона вследствие брекзита и коронавируса, политика централизации со стороны Лондона, и, как следствие, рост поддержки независимости Уэльса среди населения дают основание считать, что ситуация постепенно развивается в пользу потенциального усиления позиций партии.

Однако перечисленные процессы могут остановиться при усилении националистического крыла в Лейбористской партии Уэльса. Укрепление его позиций может говорить не только о внутреннем расколе и потенциальном конфликте с Лейбористской партией в Вестминстере, но и о стратегическом решении лейбористов подстроиться под меняющиеся настроения в обществе и рост интереса к идее независимости. Появление в партии фракции, которая выражает поддержку идее отделения Уэльса, может быть попыткой партии избежать потери голосов в пользу Плайд Камри.

---

⁴³ Yes Cymru Survey Results. YouGov. 2020. (https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/yescymru/mailings/1578/attachments/original/YesCymru_WelshIndyPolling_200827_indy.pdf?1599067616).

⁴⁴ Hayward W. Support for Welsh independence is growing – people are fed up with being forgotten. The Guardian. 30.08.2022. (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/aug/30/support-welsh-independence-growing-scotland-uk>).

* * *

Двухпартийность в Британии вполне отражает природу ее политической системы и исторически объективна. В то же время третьи и малые партии, в том числе региональные, представляют собой неотъемлемую часть партийно-политической системы Британии. Они играют особую роль в формировании политической повестки дня и влияют на процесс принятия решений в стране, а также, в зависимости от обстоятельств, стабилизируют или подрывают сложившуюся систему. Брекзит стал одной из причин усиления центробежных тенденций в стране, так как обострил существующие противоречия между центром и регионами, а также повлиял на экономическую ситуацию в них.

Политические процессы в Уэльсе, где идеологические противники вынуждены сотрудничать и идти на уступки друг другу, выбиваются из общей тенденции регионального измерения британской политики. Плайд Камри, несмотря на ее слабые позиции в британском парламенте, занимает важное место в политике страны. Относительно компромиссная позиция партии стабилизирует партийно-политическую систему Британии в условиях усиления центробежных тенденций, заданных националистами в Шотландии и Северной Ирландии. В то же время сепаратистские тенденции в Уэльсе также могут усилиться. В связи с недалекновидной и неэффективной политикой Лондона в отношении регионов и постоянной политической турбулентностью в Вестминстере после брекзита поддержка деволюции среди части населения постепенно перерастает в поддержку независимости.

Вопрос независимости Уэльса с высокой долей вероятности станет еще более актуальным в случае отделения Шотландии и Северной Ирландии. Однако данную вероятность можно считать вопросом долгосрочной перспективы. В Шотландии – своего рода локомотиве центробежных тенденций в стране – сложившаяся политическая обстановка не дает оснований прогнозировать отделение региона в ближайшем времени. Постоянные неудачи ШНП в борьбе за независимость демонстрируют бесперспективность законного достижения этой идеи.

В рассматриваемый период в регионах Соединенного Королевства усилились тенденции к федерализму, которые были начаты в процессе деволюции. Брекзит, пандемия коронавируса, социально-экономические изменения в регионах заметно ускорили этот процесс, а также стали очередным испытанием для отношений между Лондоном и регионами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

Ананьева Е.В. (2023) Хумза Юсаф – новый лидер Шотландской национальной партии // Аналитические записки ИЕ РАН. № 6. (<http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2023/an303.pdf>). <https://doi.org/10.15211/analytics1620234246>

Anan'eva E.V. (2023) Humza Yusaf – novyj lider Shotlandskoj nacional'noj partii [Humza Yousaf is the New Leader of the Scottish National Party]. *Analiticheskie zapiski IE RAN*. no. 6. (<http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2023/an303.pdf>). <https://doi.org/10.15211/analytics1620234246> (In Russ.)

Бабынина Л.О. (2022) Постбрекзит: от интеграции к конфронтации // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. № 6. (<http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/6-2022/Babynina62022.pdf>). <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620222431>

Babynina L.O. (2022) Postbrekzit: ot integracii k konfrontacii [Post-Brexit: From Integration to Confrontation]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. no. 6. (<http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/6-2022/Babynina62022.pdf>). <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620222431>. (In Russ.)

Великобритания: эпоха реформ (2007) Ред.: Ал.А. Громыко. М.: Весь Мир. 536 с.

Velikobritaniya: epoha reform [Great Britain: The Era of Reform] (2007) Ed(s): Al.A. Gromyko. Moscow: “Ves’ Mir”. 536 p. (In Russ.)

Громыко Ал.А. (2007) Модернизация партийной системы Великобритании. М.: «Весь Мир». 344 с.

Gromyko Al.A. (2007) *Modernizaciya partijnoj sistemy Velikobritanii* [Modernization of the UK Party System]. Moscow: “Ves’ Mir”. 344 p. (In Russ.)

Еремина Н.В. (2020) Феномен Шотландской национальной партии. Российский совет по международным делам. 21 января 2020. (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/fenomen-shotlandskoj-natsionalnoj-partii/>)

Eremina N.V. (2020) Fenomen Shotlandskoj nacional’noj partii [The Phenomenon of the Scottish National Party]. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam*. 21 January 2020. (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/fenomen-shotlandskoj-natsionalnoj-partii/>) (In Russ.)

Охошин О.В. (2023) 25-летний юбилей Белфастского соглашения: перспективы для Северной Ирландии // Аналитические записки ИЕ РАН. № 10. (<http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2023/an307.pdf>). <https://doi.org/10.15211/analytics21020232530>

Ohoshin O.V. (2023) 25-letnij yubiley Belfastского soglasheniya: perspektivy dlya Severnoj Irlandii [Belfast 25th Anniversary: Prospects for Northern Ireland]. *Analiticheskie zapiski IE RAN*. No. 10. (<http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2023/an307.pdf>). <https://doi.org/10.15211/analytics21020232530> (In Russ.)

Bradbury J. (2021) Welsh Devolution and the Union: Reform Debates after Brexit // *The Political Quarterly*. Vol. 92. No. 1. Pp. 125–131. <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12944>.

Jones R., Harrison M., Jones T. (2023) Policing and Devolution in the UK: The “Special” Case of Wales // *Policing: A Journal of Policy and Practice*. Vol. 17. Pp. 1–13.

Larner J., Wyn Jones R., Poole E., Surridge P., Wincott D. (2022). Incumbency and Identity: The 2021 Senedd Election // *Parliamentary Affairs*. Vol. 76. Issue 4. (<https://orca.cardiff.ac.uk/id/eprint/149523/16/gsac012.pdf>).

McAngus C. (2013) Office and Policy at the Expense of Votes: Plaid Cymru and the One Wales Government // *Regional & Federal Studies*. No. 2. Pp. 209–227. <https://doi.org/10.1080/13597566.2013.859579>

McKinnion D. (2015) Devolution, State Restructuring and Policy Divergence in the UK // *The Geographical Journal*. Vol. 181. No. 1. Pp. 47–56.

Parken A. (2022). Equality and Devolution in Wales: A Distinct Approach. Arts and Humanities Research Council. ([https://orca.cardiff.ac.uk/id/eprint/153356/1/EQUALITY%20AND%20DEVOLUTION%20IN%20WALES%20-%20A%20DISTINCT%20APPROACH\[66\].pdf](https://orca.cardiff.ac.uk/id/eprint/153356/1/EQUALITY%20AND%20DEVOLUTION%20IN%20WALES%20-%20A%20DISTINCT%20APPROACH[66].pdf))

Pilling S. (2021) Senedd Cymru/Welsh Parliament Elections 2021 // House of Commons Library. 16 July 2021. (<https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9282/CBP-9282.pdf>)

Wyn Jones R.W., Larner J. (2021) What about Wales? Brexit and the Future of the UK // *Discover Society*. No. 1. (<https://orca.cardiff.ac.uk/id/eprint/142471/1/Discover%20Society%20Wales%20FINAL%201.6.2021.pdf>)

Информация об авторе

Назарук Татьяна Валерьевна, аспирант Аспирантской школы по международным отношениям и зарубежным региональным исследованиям, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 109028, Россия, Москва, Покровский бульвар, д. 11. E-mail: t.nazaruk@hse.ru

About the author

Tatiana V. Nazaruk, PhD Student, Doctoral School of International Relations and Regional Studies, HSE University. Address: 109028, 11, Pokrovsky Boulevard, Moscow, Russia. E-mail: t.nazaruk@hse.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 18.07.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 15.09.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 12.04.2024

УДК 327

DOI: 10.31857/S0869049924020112

EDN: zlykso

РЕЦЕНЗИЯ BOOK REVIEW

Оригинальная статья / Original article

Британские оценки Красной Армии (1934–1945)

© О.В. ОХОШИН

Охошин Олег Валерьевич, Институт Европы РАН (Москва, Россия), ohoshin89@gmail.com.
ORCID: 0000-0002-5383-1137

Ключевые слова: Британия, СССР, Германия, Вторая мировая война, Сталин, Красная Армия, идеология, пропаганда

Цитирование: Охошин О.В. (2024) Британские оценки Красной армии (1934–1945) // *Общественные науки и современность*. № 2, С. 148–152. DOI: 10.31857/S0869049924020112, EDN: zlykso

British Assessments of the Red Army, 1934–1945

© О. ОКХОШИН

Oleg Okhoshin, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), ohoshin89@gmail.com. ORCID: 0000-0002-5383-1137

Keywords: UK, USSR, Germany, WWII, Stalin, Red Army, ideology, propaganda

Citation: Okhoshin O. (2024) British Assessments of the Red Army, 1934–1945. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 148–152. DOI: 10.31857/S0869049924020112, EDN: zlykso (In Russ.).

Трансформация советско-британских отношений в межвоенный период и во время антигитлеровской коалиции интересовала научное сообщество на Западе и в России в связи с ее непосредственным влиянием на последующее формирование и развитие биполярной системы международных отношений в годы холодной войны. Свой вклад в изучение этой темы внес современный британский исследователь, доктор исторических наук Маркус Пападопулос, автор научной монографии «Уайтхолл в сталинской России: британские оценки Красной Армии в 1934–1945 гг.». В монографии исследованы глубинные идеологические причины напряженности в отношениях Соединенного Королевства и СССР, участие и роль двух государств в антигитлеровской коалиции, а также принципы работы британских министерств и ведомств, которые курировали советско-британские отношения и изучали военный потенциал Советского Союза в сталинскую эпоху.

Во введении автор сформулировал ключевой тезис, который не только объясняет логику принятия Уайтхоллом стратегических решений по взаимодействию с СССР в указанный период, но и выявляет идеологическую дилемму, которая мешала британскому военному командованию и дипломатическим кругам наладить отношения с Советским Союзом. Автор пишет: «Политики в Уайтхолле рассматривали Германию, Италию и Японию как потенциальные ревизионистские силы, но цели СССР было сложнее оценить – являются ли русские потенциальными союзниками или врагами?». С одной стороны, Москва поощряла борьбу с капиталистическим миром (через «подрывную» деятельность Коминтерна), но с другой стороны, по мнению ведущих британских дипломатов, при сравнении нацистской Германии и СССР советский строй был меньшим из двух зол (р. 11).

Опираясь на историко-генетический метод исследования, М. Пападопулос рассматривает причинно-следственные связи и закономерности в преодолении британским командованием этнических и идеологических предубеждений, которые мешали ему объективно оценить усиление боеспособности и технического оснащения Красной Армии в годы Второй мировой войны. В связи с этим главы монографии выстроены по хронологическому принципу. Он позволяет наглядно показать изменение отношения британского правительства к советским вооруженным силам: от пренебрежительного в 1930-е гг. до уважительного и даже тревожного к 1945 г., когда стало очевидно, что они обеспечили коренной перелом в войне с армией вермахта на Восточном фронте.

В первой главе монографии представлен интересный и емкий обзор концептуальной составляющей двухсторонних отношений с Российской империей в XVIII – начале XX в. Она строилась на идее перманентного противодействия российской экспансии в Центральной Азии, которая сталкивалась с геополитическими интересами Лондона, опасавшегося вторжения русских в Афганистан, Памир и Индию. В этой связи отношения двух великих держав развивались в рамках «большой игры» – стремления Британской империи помешать укреплению позиций России в Средней Азии. Как отмечает автор, к началу XX в. на общественном и государственном уровнях в Британии сохранялось негативное отношение к России (р. 23). Тем не менее в Первую мировую войну оно изменилось, когда для союзников по Антанте стало очевидным, что без помощи России на Восточном фронте победить Тройственный союз не получится. Британцы даже закрепили за русской армией термин «паровой каток» (англ. steamroller), который должен был медленно и безжалостно раздавить врагов Антанты.

По мнению М. Пападопулоса, враждебное и настороженное отношение британского истеблишмента к молодому советскому государству в 1920-е гг. объяснялось его представлениями о сохранении у руководства СССР имперских амбиций (р. 28), а в середине 1930-х гг. – опасениями Лондона нарушить политику «умиротворения» Гитлера в случае укрепления советско-британских отношений (р. 33).

В главах 2–3 рассмотрен период истории с 1934 по 1941 г., который характеризовался усилением германского милитаризма после прихода к власти нацистской партии Гитлера и растущей агрессией Италии и Японии. Эти факторы наглядно продемонстрировали слабость Версальско-Вашингтонской системы международных отношений и Лиги Наций. По мнению автора, укреплению советско-британских отношений накануне Второй мировой войны помимо подписания Пакта Молотова – Риббентропа мешала также противоречивая информация о боевой готовности Красной Армии к войне с вермахтом. В МИДе и Военном министерстве Великобритании возникли острые разногласия по поводу того, сможет ли СССР успешно сражаться с нацистской Германией. На основе привлечения обширного комплекса источников М. Пападопулосу удалось на высоком профессиональном уровне обобщить зарубежный материал о военных учениях Красной Армии накануне ВОВ, оснащении советских ВВС, тактике и стратегии ведения боевых действий на примере столкновения с японцами на реке Халхин-Гол в 1939 г. и советско-финской войны 1939–1940 гг. В монографии было уделено особое внимание взаимодействию правительства У. Черчилля с МИДом Великобритании в 1940–1945 гг. с целью укрепить дипломатическое сотрудничество Лондона и Москвы.

Как отмечает М. Пападопулос, к началу ВОВ британское командование заняло выжидательную позицию, чтобы оценить, насколько хорошо Красная Армия сможет противостоять вторжению вермахта в СССР. Таким образом оно планировало пересмотреть свои стратегические планы в Атлантике и Северной Африке в зависимости от того, кто окажется победителем – А. Гитлер или И. Сталин (р. 114).

В главах 4–8 исследовано укрепление советско-британских отношений после вступления СССР в антигитлеровскую коалицию в 1941 г. Тем не менее очень мало внимания автор уделит основным правовым этапам объединения союзников для борьбы с Германией и ее государствами-сателлитами. За скобками остались Атлантическая хартия 1941 г. и Вашингтонская декларация, которые окончательно утвердили приверженность Британии борьбе с Гитлером и исключили для него возможность сепаратных переговоров в случае поражения. Автор справедливо указывает, что правительство У. Черчилля стремилось исправить ошибки и недостатки внешнеполитического курса своего предшественника, Н. Чемберлена, который участвовал в «Мюнхенском сговоре» 1938 г. Тем не менее, как отмечает М. Пападопулос, в окружении У. Черчилля большое влияние сохраняла часть политической элиты, которая продолжала питать ненависть к СССР в связи с сохранением у нее имперской идеологии и шовинистских взглядов. В частности, автор приводит мнение Б. Локкарта (арестован и выслан из России за участие в «заговоре послов» в 1918 г.). В начале Второй мировой войны он был директором Комитета по делам политической войны, занимавшегося вопросами пропаганды и разведки. Локкерт полагал: «Если к русским относиться нормально, они хотя бы могут сделать какую-то попытку вести себя как нормальные человеческие особи» (р. 120).

М. Пападопулос подробно описывает случаи из донесений британских дипломатов о невероятном мужестве и самоотверженности советских солдат, которые становились всемирно известными и вдохновляли военнослужащих Соединенного Королевства, ведущих бои в Северной Африке, Италии и Франции. Тем не менее укоренившаяся среди британского правительства и военного командования точка зрения относительно причин побед Красной Армии строилась на намеренном преуменьшении героизма советских солдат и офицеров. Автор приводит красноречивую фразу из отчета маршала ВВС Дж. Бабингтона, который сообщал, что русские «относительно глупые» и побеждают хорошо обученную, экипированную и организованную армию вермахта только благодаря поддержке западных союзников (р. 143).

Автор аргументированно определил, что британское командование в 1941 г. недооценивало способность СССР эффективно мобилизовать людские, промышленные и научно-технические ресурсы для нужд фронта. По мере приближения коренного перелома ВОВ в 1943 г., когда Красная Армия освободила Сталинград, выиграла Курскую битву и форсировала Днепр, британские военные эксперты стали отмечать, что Советский Союз по отдельным пунктам своего технического оснащения не только догнал, но и перегнал нацистскую Германию. М. Пападопулос для обоснования этого тезиса, в частности, приводит отчет британского военного корреспондента Р. Магидоффа, высоко оценившего мощь Красной Армии, в особенности бесствольную систему полевой реактивной артиллерии БМ-13 («Катюша»), которую назвал «ужасающим орудием уничтожения пехоты» (р. 153).

М. Пападопулос подчеркивает, что официальная точка зрения британского политического истеблишмента была основана на необратимости столкновения геополитических интересов СССР и союзников после победы над Гитлером. Автор приходит к выводу, что уже в 1944 г. в Уайтхолле стали преобладать опасения, что Красная Армия захватит Европу и установит там коммунистические режимы. Многие сотрудники МИДа Великобритании были уверены, что негативное освещение британскими военными обозревателями Советского Союза приведет к его конфронтации с союзниками. М. Пападопулос сосредоточил особое внимание на антисоветской пропаганде Комитета послевоенного планирования (англ. Post-Hostilities Planning Staff), который целенаправленно убеждал британское правительство и дипломатов в том, что СССР готовит военную агрессию и что необходимо ей противодействовать. Во многом выводы этого комитета повлияли на решение У. Черчилля поручить Штабу военного планирования к маю 1945 г. разработать секретную операцию «Немыслимое» (внезапный удар английских и американских дивизий по советским войскам), которая в итоге не состоялась.

В заключение исследования М. Пападопулос делает вывод о том, что официальная точка зрения на возможности Красной Армии имела большое влияние на стратегическое планирование британского правительства в 1930–1940-е гг. Однако, по мнению автора, ее существенно искажали расовые предрассудки, которые царили в политическом истеблишменте со времен Британской империи. Во многом, имперский нарратив и историческая память британцев о многовековом геополитическом противостоянии с Россией приблизили период холодной войны и привели к охлаждению советско-британских отношений после разгрома гитлеровской коалиции.

В особенности монография будет интересна экспертам в области военной и дипломатической истории новейшего времени, потому что в ней детально исследован идеологический аспект взаимоотношений Великобритании с СССР в межвоенный период и годы Второй мировой войны. Книга, безусловно, имеет отношение и к сегодняшнему противостоянию коллективного Запада с Россией, исторические корни которого раскрывает М. Пападопулос.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Papadopoulos M. (2023) Whitehall in Stalin's Russia: British assessments of the Red Army, 1934–1945. Portsmouth. Tricorn Books. 274 p.

Информация об авторе

Охошин Олег Валерьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр британских исследований Института Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Моховая ул., дом 11, стр. 3. E-mail: ohoshin89@gmail.com

About the author

Oleg V. Okhoshin, Candidate of Sciences (History), Senior Research Fellow, Centre for British Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Address: 125009, 11-3, Mokhovaya st., Moscow, Russia. E-mail: ohoshin89@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 09.03.2024

Статья поступила после доработки / Revised: 22.04.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 14.05.2024